



АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научно-практический юридический журнал

Основан в феврале 2017 г.

2024. Том 8. № 1

Выходит 4 раза в год

Сквозной номер выпуска – 29

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России, по юридическим научным специальностям 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Зелепукин Роман Валерьевич** – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), доцент кафедры конституционного и международного права Института права и национальной безопасности

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Андрियाшко Марина Васильевна – к.ю.н., доцент. Барановичский государственный университет (г. Барановичи, Республика Беларусь), доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления

Афанасьев Сергей Федорович – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), заведующий кафедрой арбитражного процесса

Блинкова Елена Викторовна – д.ю.н., профессор. Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права факультета управления интеллектуальной собственностью

Воронов Александр Федорович – д.ю.н., профессор. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета

Ельцов Николай Сергеевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности; Управление Росреестра по Тамбовской области, руководитель; заслуженный юрист Российской Федерации

Золотухин Александр Дмитриевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса Института права и национальной безопасности

Иванова Нелли Александровна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой гражданского права Института права и национальной безопасности

Камышанский Владимир Павлович – д.ю.н., профессор. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (г. Краснодар, РФ), заведующий кафедрой гражданского права, профессор кафедры гражданского и международного частного права

Клименко Таужан Микаиловна – д.ю.н., доцент. Юридический институт Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии (г. Черкесск, РФ), профессор кафедры уголовного права и процесса

Комаров Сергей Александрович – д.ю.н., профессор. Юридический институт (г. Санкт-Петербург, РФ), научный руководитель; Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права (г. Москва, РФ), президент; Башкирский государственный университет (г. Уфа, РФ), профессор кафедры теории государства и права

Кочетков Александр Викторович – к.ю.н., доцент. Арбитражный суд Воронежской области (г. Воронеж, РФ), председатель суда

Лагутин Игорь Борисович – д.ю.н., доцент. Юго-Западный государственный университет (г. Курск, РФ), заведующий кафедрой финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства

Лопашенко Наталья Александровна – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права; Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции (г. Саратов, РФ), директор

Овсянников Игорь Владимирович – д.ю.н., доцент. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра

Осокин Роман Борисович – д.ю.н., профессор. Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, РФ), начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров

Панько Кирилл Константинович – д.ю.н., доцент. Воронежский государственный университет (г. Воронеж, РФ), профессор кафедры уголовного права

Полищук Николай Иванович – д.ю.н., профессор. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права

Рыбакова Светлана Викторовна – д.ю.н., доцент. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой

Соловьева Виктория Викторовна – д.и.н., профессор. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал (г. Липецк, РФ), профессор кафедры теории и истории государства и права

Трофимов Василий Владиславович – д.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

Шуняева Вера Анатольевна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Института права и национальной безопасности

Юдин Андрей Владимирович – д.ю.н., доцент. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (г. Самара, РФ), и. о. заведующего кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права юридического факультета

Для цитирования:

Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1. 148 с. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1>

Издание журнал «Актуальные проблемы государства и права / Aktual'nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-69827 от 18 мая 2017 г.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
Телефон редакции +7(4752)72-34-34 (доб. 3117). Электронная почта: lexnauka.tgu@yandex.ru

Ответственный секретарь объединенной редакции научных журналов *И.В. Ильина*

Редакторы: *Ю.А. Бирюкова, М.И. Филатова*

Редакторы английских текстов: *Д.Г. Самодуров, М.А. Сенина*

Дизайн обложки *Т.О. Прокофьевой*

Администратор сайта *М.И. Филатова*

Прием статей:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 209. Институт права и национальной безопасности

Телефон: +7(4752)72-34-34 (доб. 3117). **Электронная почта:** lexnauka.tgu@yandex.ru

Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/> (на русском языке)
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/> (на английском языке)

Распространяется бесплатно и по подписке. Индекс 80661 в каталоге ООО «УП Урал-Пресс»

Подписано в печать 22.03.2024. Дата выхода в свет

Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman». Печать на ризографе.

Печ. л. 18,5. Усл. печ. л. 17,2. Тираж 1000 экз. Заказ 24078. Свободная цена.

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г. Электронная почта: izdat_tsu09@mail.ru



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2024

Все права защищены

© Редакционная коллегия журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2024

© Редакция журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2024



CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical law journal

Established in February, 2017

2024, vol. 8, no. 1
Continuous issue number – 29

Issued 4 times a year

The journal is on the “Official list of scientific reviewed periodicals for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science” by High Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia, in law scientific specialties 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4

The establisher and publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Derzhavin Tambov State University”
(33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation)

EDITOR-IN-CHIEF: Zelepukin Roman Valerevich – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Associate Professor of Constitutional and International Law Department of Law and National Security Institute

EDITORIAL BOARD:

Andryashka Maryna Vasilevna – PhD (Law), Associate Professor. Baranovich State University (Baranavichy, the Republic of Belarus), Associate Professor of General Legal Disciplines and Public Administration Department

Afanasev Sergey Fedorovich – Dr. habil. (Law), Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Head of the Arbitral Procedure Department

Blinkova Elena Viktorovna – Dr. habil. (Law), Professor. Russian State Academy of Intellectual Property (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil and Business Law Department of Intellectual Property Management Faculty

Voronov Alexander Fedorovich – Dr. habil. (Law), Professor. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil Procedure Department, Faculty of Law

Eltsov Nikolay Sergeevich – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Theory and History of State and Law Department of Law and National Security Institute; Federal Registration Service in the Tambov region, Head of the Office; Honored Lawyer of the Russian Federation

Zolotuhin Aleksandr Dmitrievich – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Civil and Arbitral Procedure Department of Law and National Security Institute

Ivanova Nelli Aleksandrovna – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Civil Law Department of Law and National Security Institute

Kamyshanskiy Vladimir Pavlovich – Dr. habil. (Law), Professor. Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation), Head of the Civil Law Department, Professor of the Civil and Private International Law Department

Klimenko Tazhan Mikailovna – Dr. habil. (Law), Associate Professor. North Caucasian State Academy Law Institute (Cherkessk, Russian Federation), Professor of Criminal Law and Procedure Department

Komarov Sergey Aleksandrovich – Dr. habil. (Law), Professor. Private Educational Institution of the Higher Training “Institute of Law” (St. Petersburg, Russian Federation), Scientific Advisor; The Interregional Association of Theorists of State and Law (Moscow, Russian Federation), President; Bashkir State University (Ufa, Russian Federation), Professor of State and Law Theory Department

Kochetkov Aleksandr Viktorovich – PhD (Law), Associate Professor. Arbitral Court of Voronezh Region (Voronezh, Russian Federation), Court President

Lagutin Igor Borisovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Southwest State University (Kursk, Russian Federation), Head of the Financial Law, Constitutional, Civil and Administrative Court Procedure Department

Lopashenko Natalya Aleksandrovna – Dr. habil. (Law), Professor. Saratov State Law Academy, Professor of the Criminal and Penal Enforcement Law Department; Saratov Research Centre for Organized Crime and Corruption Issues (Saratov, Russian Federation), Director

Ovsyannikov Igor Vladimirovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation), Chief Research Scholar of Research Department of Scientific Center

Osokin Roman Borisovich – Dr. habil. (Law), Professor. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot (Moscow, Russian Federation), Head of the Faculty of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel Training

Panko Kirill Konstantinovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation), Professor of Criminal Law Department

Polishchuk Nikolay Ivanovich – Dr. habil. (Law), Professor. Academy of the FPS of Russia (Ryazan, Russian Federation), Professor of Theory of the State and Law, International and European Law Department

Rybakova Svetlana Viktorovna – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Professor of the Financial, Banking and Customs Law Department Named After Professor Khimicheva Nina Ivanovna

Solovyova Viktoriya Viktorovna – Dr. habil. (History), Professor. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch (Lipetsk, Russian Federation), Professor of the Theory and History of the State and Law Department

Trofimov Vasilii Vladislavovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Director of Research Institute of State Legal Research, Professor of the Theory and History of the State and Law Department of Law and National Security Institute

Chunyaeva Vera Anatolevna – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Director of Law and National Security Institute

Yudin Andrew Vladimirovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Samara National Research University (Samara, Russian Federation), Acting Head of the Civil Procedure and Business Law Department of the Law Faculty

For citation:

Current Issues of the State and Law, 2024, vol. 8, no. 1, 148 p. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1>

The journal “Aktual’nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor), the mass media registration certificate III no. ФС 77-69827 dated May 18, 2017.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Editorial Office and Publisher address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation

Editors telephone: +7(4752)72-34-34 (extension 3117). E-mail: lexnauka.tgu@yandex.ru

Executive Editor of Incorporate Editorial of Scientific Journals *I.V. Ilyina*

Editors: *Y.A. Biryukova, M.I. Filatova*

English texts editors: *D.G. Samodurov, M.A. Senina*

Cover design *T.O. Prokofeva*

Web-site administrator *M.I. Filatova*

Article acceptance:

Office 209, 181 B, Sovetskaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Derzhavin Tambov State University, Law and National Security Institute. **Telephone:** +7(4752)72-34-34 (доб. 3117). **E-mail:** lexnauka.tgu@yandex.ru

Web site: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/> (In Russian)
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/> (In English)

Distributed free of charge and by subscription. Index 80661 in the catalogue LLC “Ural-Press”

Signed for printing 22.03.2024. Release date

Format A4 (60×84 1/8). Typeface «Times New Roman». Printed on risograph.

Pr. sheet 18,5. Conv. pr. sheet 17,2. Copies printed 1000. Order no. 24078. Free price.

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House “Derzhavinskiy”

FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”

190g Sovetskaya St., Tambov, 392008, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: izdat_tsu09@mail.ru



This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”, 2024.

All rights reserved

© Editorial board of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2024

© Editorial of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Бабенкова В.Р., Кравченко Н.В.</i> Искусственный интеллект как часть общественной жизни: этические правовые проблемы и пути их решения	7
<i>Завгородняя А.А.</i> Подходы к пониманию справедливости	17
<i>Зарубина К.А.</i> Профессиональный преступный мир в первые годы утверждения советской власти: особенности детерминации и условия развития	24
<i>Рыбакова С.В.</i> Изменение социального облика финансового права на рубеже XX–XXI веков	32

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Абасалиева Э.Э.</i> Соотношение проектов статей, предусматривающих составы преступлений в сфере незаконного оборота и применения оружия, основанного на новых физических принципах, с действующим уголовным законодательством	41
<i>Зарубин А.В.</i> К вопросам обращения взыскания по налоговой задолженности в исполнительном производстве	54
<i>Козодаева О.Н., Кузьменко Э.Ю., Попова Е.А.</i> Уголовно-правовая охрана водных объектов: национальный, зарубежный и международный опыт	62
<i>Латынцев А.В.</i> Правовое регулирование принудительного лицензирования в странах Центральной Европы (обзор и сравнительный анализ)	73
<i>Микаутадзе С.Р.</i> Общественные отношения как предмет уголовно-правового регулирования и объект социально-правового воздействия	85
<i>Сасыкин К.Ю.</i> Спорные вопросы оспаривания сделок должника по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве	94
<i>Цитович Л.В.</i> Составное произведение как объект интеллектуальной собственности в образовательной сфере	107

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Гавриленко В.А.</i> Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Анализ законодательства балтийских государств (Латвийской Республики и Эстонской Республики)	117
<i>Перетягко Н.М., Федюнин А.Е.</i> Правовые проблемы возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств	130

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

<i>Попова Н.А.</i> Общетеоретические и межотраслевые проблемы противодействия коррупции: современное состояние	140
--	-----



CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical legal journal

Established in February, 2017 2024, vol. 8, no. 1 Issued 4 times a year

CONTENTS

GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

<i>Victoria R. Babenkova, Natalia B. Kravchenko</i> , Artificial intelligence as a part of public life: ethical and legal problems and their solutions	7
<i>Anastaciya A. Zavgorodniaia</i> , Approaches to understanding justice	17
<i>Kristina A. Zarubina</i> , Professional criminal world in the first years of the establishment of Soviet power: features of determination and conditions of development	24
<i>Svetlana V. Rybakova</i> , Changing the social image of financial law at the turn of the 20th–21st centuries	32

SUBSTANTIVE LAW

<i>Elona E. Abasalieva</i> , Correlation of the draft articles providing for the crimes elements in the field of illegal trafficking and weapons use based on new physical principles with the current criminal legislation	41
<i>Aleksei V. Zarubin</i> , On issues of foreclosure on tax debt in enforcement proceedings	54
<i>Olesa N. Kozodaeva, Ella Yu. Kuzmenko, Elena A. Popova</i> , Criminal legal protection of water bodies: national, foreign and international experience	62
<i>Alexander V. Latyntsev</i> , Legal regulation of compulsory licensing in European countries (review and comparative analysis)	73
<i>Sergey R. Mikautadze</i> , Public relations as a subject of criminal law regulation and an object of social and legal impact	85
<i>Konstantin Yu. Sasykin</i> , Disputable issues of challenging the debtor's transactions under paragraph 2 of Article 61.2 of the Bankruptcy Law	94
<i>Lyubov V. Tsitovich</i> , Composite work as an object of intellectual property in the educational field	107

PROCEDURAL LAW

<i>Vladimir A. Gavrilenko</i> , Issues of jurisdiction of disputes for arbitration proceedings. Comparative analysis of legislation of Baltic States (Latvian Republic and Estonian Republic)	117
<i>Natalya M. Peretyatko, Anton E. Fedyunin</i> , Legal problems of resuming criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances	130

NATIONAL SECURITY

<i>Nadezhda A. Popova</i> , General theoretical and cross-sectoral issues of anti-corruption: current state	140
---	-----

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 004.89

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-7-16>

Шифр научной специальности 5.1.3

Искусственный интеллект как часть общественной жизни: этико-правовые проблемы и пути их решения

© БАБЕНКОВА Виктория Романовна,

студентка юридического факультета, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,
Российская Федерация, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, viktoria.babenkowa@yandex.ru

© КРАВЧЕНКО Наталья Владимировна,

преподаватель, кафедра гражданского права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,
Российская Федерация, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, natalkakursk@mail.ru

Аннотация

Исследованы этико-правовые проблемы всестороннего интегрирования искусственного интеллекта в общественную среду, его влияние на сферу жизни человека. Интенсивность происходящих изменений требует не только полноценного правового регулирования, но и всестороннего изучения как положительных аспектов новшеств, так и предвидения возможных угроз и формирования адекватных защитных механизмов с точки зрения права, с позиции общечеловеческих морально-нравственных ценностей. Именно системный подход и упреждение возможных негативных последствий использования искусственного интеллекта должно формировать целеполагание разработки и внедрения таких систем. С помощью методов научного познания, таких как анализ, синтез, системно-аналитический, формально-логический, системно-правовой, изучены различные подходы к пониманию дефиниции «искусственный интеллект» с учетом всех особенностей таких систем, определены необходимые пути решения выявленных пробелов правового регулирования, связанные с определением места объектов и систем искусственного интеллекта в правовом пространстве. Затронута социальная и практическая значимость развития робототехники, при этом акцентируется внимание на регламентацию возможных рисков. Сделан вывод, что именно соответствие выполняемых искусственным интеллектом функций этическим и моральным канонам общества должно быть определяющим в решении вопросов ответственности. Отдельно представлены предложения по определению гражданско-правовой ответственности как в случаях причинения вреда непосредственно роботами с искусственным интеллектом, так и в случаях повреждения или уничтожения системы искусственного интеллекта третьим лицом перед их собственником.

Ключевые слова

искусственный интеллект, техническое средство, роботы, правосубъектность, ответственность

Для цитирования

Бабенкова В.Р., Кравченко Н.В. Искусственный интеллект как часть общественной жизни: этические правовые проблемы и пути их решения // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1. С. 7-16. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-7-16>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-7-16>

Artificial intelligence as a part of public life: ethical and legal problems and their solutions

© Victoria R. BABENKOVA,

Student of Law Faculty, Southwest State University, 94 50 let Oktyabrya St., Kursk, 305040, Russian Federation, viktoria.babenkova@yandex.ru

© Natalia V. KRAVCHENKO,

Lecturer, Civil Law Department, Southwest State University, 94 50 let Oktyabrya St., Kursk, 305040, Russian Federation, natalkakursk@mail.ru

Abstract

The ethical and legal problems of artificial intelligence's comprehensive integration into the public environment, its impact on the human life sphere are investigated. The intensity of the ongoing changes requires not only full-fledged legal regulation, but also a comprehensive study of both the positive aspects of innovations, as well as the foresight of possible threats and the formation of adequate protective mechanisms from the law point of view, from the standpoint of human moral values. It is a systematic approach and the possible negative consequences' prevention of the artificial intelligence use that should shape the goal-setting of the development and implementation of such systems. Using scientific cognition methods, such as analysis, synthesis, system-analytical, formal-logical, system-legal, various approaches to understanding the definition of "artificial intelligence" have been studied, taking into account all the features of such systems, the necessary ways to solve the identified gaps in legal regulation related to determining the place of objects and artificial intelligence systems in the legal space. The social and practical significance of the development of robotics is touched upon, while attention is focused on the regulation of possible risks. It is concluded that it is the compliance of the functions performed by artificial intelligence with the ethical and moral canons of society that should be decisive in solving issues of responsibility. Separately, proposals are presented to determine civil liability both in cases of direct harm by robots with artificial intelligence, and in cases of damage or destruction of an artificial intelligence system by a third party to their owner.

Keywords

artificial intelligence, technical means, robots, legal personality, responsibility

For citation

Babenko, V.R., & Kravchenko, N.V. (2024). Artificial intelligence as a part of public life: ethical and legal problems and their solutions. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1, pp. 7-16 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-XXX-XXX>

Введение

Передовые технологии играют огромную роль в нашей жизни, улучшая диагностику и лечение в медицине, делая образование более доступным и интерактивным, повышая производительность и эффективность работы в бизнесе, а также привнося новые форматы развлечений и контента. XXI век принес множество инновационных проектов и разработок, которые уже прочно вошли в нашу жизнь, в числе которых – ис-

кусственный интеллект (далее – ИИ). С появлением роботизированных систем возникают сложности в определении границ правовых и этических норм, регулирующих их использование. Вопросы, связанные с авторскими правами, ответственностью в случае наступления деликта и защитой данных, требуют внимания и их законодательной проработки.

Перспектива возможного воздействия технологий сверхразума на природу челове-

ка становится все более реальной. С учетом развития робототехники, молекулярной биологии, нанотехнологий, генной инженерии, термоядерной энергетики и высокоскоростных транспортных систем сегодня мир стоит на пороге новой научно-технической революции шестого технологического уклада. Вместе с тем синтез всех факторов в совокупности свидетельствует о том, что правовое регулирование происходящих процессов не синхронизировано со стремительным ростом информационных технологий.

Главная цель систем ИИ заключается в упрощении технических, управленческих процессов, облегчении обработки метаданных и замене людей при выполнении работ и исследований в опасных метеорологических и географических условиях. На сегодняшний день в российских судах распространилась практика применения автоматизированных систем распределения дел, самостоятельно анализирующих многочисленные факторы. Широко внедряются системы автоматического распознавания речи (ASR) с помощью ИИ, в основе которых программное обеспечение, позволяющее компьютерной системе преобразовывать человеческую речь в текст, составлять протоколы судебных заседаний, сохранять и распечатывать их. Подобное интегрирование робототехники и ИИ затронуло и отрасли частного права. В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее – Стратегия развития ИИ) определены флагманские направления развития и применения технологий ИИ. Акцентируется внимание на важности применения робототехнических комплексов, а также систем управления логистикой для достижений наилучшей эффективности производимой работы.

Благодаря применению учеными метода регрессии гауссовского процесса было спрогнозировано, что через десять лет во всем мире многие рабочие места в финансовых центрах займут роботы. Согласно проводимым ЕУ исследованиям, 47 % рабочих мест в развитых и развивающихся странах

подвергнутся высокому уровню автоматизации в ближайшие 20 лет¹.

Однако, как справедливо отмечает П.П. Баранов, отечественный законодатель часто запаздывает и вовсе отстает в плане создания общих с другими странами принципов реагирования на подобные преобразования, что может привести к непредвиденным последствиям [1]. А именно право, по мнению Н.С. Бондаря, в условиях цифровизации должно выступать регулятором научно-технологических процессов, «определять социально оправданный коридор вторжения человека в искусственный мир новых технологий» [2, с. 28].

Результаты исследования

Одним из вопросов, который нуждается в детальном рассмотрении учеными и юристами, является доктринальная проработка дефиниции «искусственный интеллект». Как справедливо отмечает А.Ю. Марченко, неоправданное расширение определения сделает правовое регулирование ИИ расплывчатым, а слишком узкое оставит без внимания ряд технологий и возможные риски и угрозы².

В отечественном законодательстве определение «искусственный интеллект» впервые зафиксировано в Стратегии развития ИИ, затем было закреплено в Федеральном законе № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» (далее – ФЗ № 123).

Тем не менее, споры о том, что именно следует считать ИИ, продолжаются как в России, так и за рубежом, вне зависимости от наличия легального определения. Л. Каменер уверен, что ИИ – это машины. Кроме буквального следования инструкциям, они мо-

¹ Frey C.B., Osborne M.A. The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation? Available at: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf (accessed: 23.10.2023).

² Марченко А.Ю. Правовой анализ новейшего законодательства ЕС о применении технологий искусственного интеллекта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 208 с.

гут выполнять задачи, которые исторически зависели от человеческого мышления³. Э. Рич и К. Найт определяют ИИ как науку. Она призвана научить компьютеры делать то, в чем люди в настоящее время их превосходят [3]. В.Н. Синельникова и О.В. Ревинский, в свою очередь, определяют ИИ как созданную руками человека компьютерную программу. Она способна создавать новую информацию и иные «плоды» своей деятельности [4, с. 19].

Однако, несмотря на столь отличные друг от друга мнения в научном мире, формулировка дефиниции в пункте 2 части 1 статьи 2 ФЗ № 123, определяющая ИИ как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека, представляется наиболее компромиссной и адаптированной под будущие изменения в этой области. Вместе с тем современный подход к оценке рисков развития ИИ и вектор тех задач, которые ИИ выполняет, этическая составляющая деятельности ИИ детерминируют необходимость дополнить указанное определение следующими словами: «соответствующие целям, определенным человеком». Именно целеполагание на получение конкретных результатов использования ИИ разработчиками, пользователями, соответствие выполняемой ИИ функций этическим и моральным канонам общества должно быть определяющим в решении вопросов ответственности.

На сегодняшний момент при применении систем ИИ существуют следующие этико-правовые проблемы:

1. Основной вопрос заключается в том, можно ли признать ИИ субъектом права [5, с. 50]. Одни авторы предлагают классифицировать ИИ как техническое средство с правовым режимом вещи, другие – по аналогии с юридическими лицами посредством приема правовой фикции – в качестве электронного лица. Л.Ю. Василевская с соавт., в свою

очередь, рассматривает ИИ как нематериальный, идеальный по своей природе объект права, являющийся результатом разработки и использования новых технологий в различных сферах [6, с. 52]. А некоторые авторы, например А.И. Тиунова, допускают наделение ИИ правосубъектностью [7, с. 58]. Очевидно, что для приобретения статуса субъекта права ИИ необходимо обладание волевой способностью, которой он на современном этапе своей эволюции пока не достиг. Однако даже если бы удалось охарактеризовать мыслительные процессы самообучающихся роботов, точно проследить ход действий и получения ими результатов операций, то уравнивать их правовой статус с человеком не совсем рационально, поскольку такие устройства по своей сущности – результат творческих способностей людей. Хотя некоторые исследователи все же считают наоборот. Например, Дж. Мерритт проводит следующую аналогию. Так, в результате применения методов искусственного экстракорпорального оплодотворения рождаются люди с душой, ничем не отличающихся от естественно рожденных⁴. Таким образом, если научиться цифровому кодированию человеческого мозга, то ИИ может стать его цифровой версией, у которой будет «душа».

Следует разделять субъектов права на типичных субъектов и участников общественных отношений, например, цифровых личностей. Подобная точка зрения нашла свое отражение и в европейском законодательстве, определившем правовой статус автопилотов по отношению к другим участникам дорожного движения⁵, способных принять одно из альтернативных решений. Это способствует появлению новых квазисубъектов права.

2. Вышеуказанная проблема плавно перетекает в следующую, тесно связанную с ней – ответственность за вред, причиненный таким интеллектом. Проблема внедрения ИИ видится в невозможности исключить вероят-

³ Kamener L. Courting change: the verdict on AI and the courts. Available at: <https://www.centreforpublicimpact.org/courting-change-verdict-ai-courts> (accessed: 02.11.2023).

⁴ Merritt J. Is AI a threat to Christianity? Available at: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2017/02/artificial-intelligence-christianity/515463/> (accessed: 02.11.2023).

⁵ Eight Act amending the road Traffic Act // BMVI. 2017. Available at: https://www.bmvi.de/SharedDocs/EN/Documents/DG/eight-t-amending-the-road-trafficact.pdf?__blob=publicationFile (accessed: 05.10.2023).

ность его подконтрольности лицам, которые могут использовать ИИ в неправомерных (мошеннических) целях. Далее, ИИ сам по себе может давать сбои, продуцировать новые цели своих действий, то есть выходить за пределы первоначального алгоритма работы. Так, известная всему миру программа IBM Watson иногда предлагает онкобольным рекомендации, несовместимые с жизнью. Данная проблема до сих пор остается открытой и дискуссионной в среде исследований, да и не только. Еще Н. Винер в своем главном труде «Кибернетика или управление и связь в животном и машине» 1948 года рассуждал, что машины непредсказуемы, могут быть опасны для человека. При этом он отмечал: «Самый кропотливый оператор, тщательно разбирающийся в тонкостях работы той или иной машины, может не успеть осознать ход действий сверхмеханизма, когда он уже будет его исполнять». Уже тогда была выявлена значительная разница между скоростью обработки информации машиной и человеком [8].

Если предположить, что человекоподобные ИИ все же будут считаться субъектами права, то к ним должны будут применяться нормы, которые предполагают определенную ответственность, будь то гражданско-правовая или уголовная [9]. Поэтому признание права собственности на данные субъекты будет считаться незаконным и неэтичным, так как будет напоминать рабовладельческую систему. Следовательно, уместным решением может стать заключение между создателем ИИ и их пользователями договора, схожего с договором найма работника.

3. Следующей, требующей правового разрешения, проблемой является вопрос закрепления в законе права владельца помимо возмещения прямого ущерба требовать компенсации морального вреда в случае повреждения или уничтожения ИИ третьими лицами. Поскольку статьей 151 Гражданского кодекса РФ предусмотрена компенсация морального вреда при нарушении личных неимущественных прав, то вопрос, касающийся повреждения или уничтожения роботов, в качестве отнесения их к имуществу сразу становится очевидным, то есть отрицательным.

Однако ситуация не настолько проста, как может показаться. Люди уже устанавливают прочные эмоциональные отношения с существующими в настоящее время роботами-ассистентами, роботами-переводчиками и роботами-медсестрами. В связи с этим следует согласиться с мнением А.В. Малышкина о проведении аналогии с животными, к которым человек порой испытывает сильнейшую эмоциональную и душевную привязанность [10, с. 449]. Вместе с тем статья 137 ГК РФ причисляет животных к имуществу, в свете чего многие суды отказывают в удовлетворении компенсации морального вреда, причиненного смертью домашних животных. Несмотря на это, следует отметить участвующую тенденцию по рассмотрению и удовлетворению подобных дел.

Так, согласно решению Асбестовского городского суда Свердловской области от 19 июля 2018 г. по делу № 2-763/2018 практике известен случай обращения представителя истца Р.М. Камельских с иском к ответчику Н.В. Куклиной о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда ввиду того, что в результате укусов собаками ответчика собаки истца у питомца образовались рваные раны. Моральный вред выразился в сильных нравственных страданиях истицы в связи с травмой животного и проводимой операцией. Суд частично удовлетворил требования⁶.

Еще одним подтверждением данной тенденции является апелляционное определение Новосибирского областного суда от 9 января 2018 г. по делу № 33-12630/2017. Истец обратился с исковым заявлением к ответчику ООО «Друг» о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда ввиду того, что в период нахождения собаки истца в клинике ответчика при проведении операции кесарева сечения животному наступила его смерть в результате некачественного оказания ветеринарных услуг. Ответчик данным доводам возражал, подав апелляционную жалобу. Судебная коллегия жалобу ООО «Друг» удовлетворила частич-

⁶ Решение Асбестовского городского суда Свердловской области № 2-763/2018 2-763/2018-М-686/2018 М-686/2018 от 16.07.2018 по делу № 2-763/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fMf6oF953Oda/> (дата обращения: 23.10.2023).

но, взыскав моральный ущерб в размере 10 тысяч рублей в пользу истца⁷.

Возможным решением этого спорного вопроса могло бы стать внесение в законодательство поправки, предоставляющей собственникам человекоподобных роботов («электронных лиц») при наличии сильной эмоциональной связи (привязанности) право требовать компенсацию морального вреда за их уничтожение.

Наряду со всеми положительными аспектами использования высокотехнологических изобретений человечества, существуют обоснованные риски возможности нарушения ими конституционных прав человека (право на жизнь, охрану здоровья). Такие случаи не раз возникали на практике. Так, в конце 2016 г. на Всемирной выставке развития науки и техники «ChinaHi-Tech» в китайском городе Шэньчжэнь один из роботов по имени LittleChubby, задачей которого является обучение детей, вышел из-под контроля, проломив стекло стенда создателей, ранив осколками сотрудника выставки, попытавшегося остановить разъяренного «Маленького толстяка».

Еще одним примером причинения вреда ИИ человеку является случай, произошедший 8 ноября 2023 г. в провинции Кёнсан-Намдо Южной Кореи. Сотрудник компании при проверке датчиков робота перед тестовым запуском был придавлен им к контейнерной ленте, в результате чего мужчина от полученных травм скончался. По словам местной полиции, робот, вероятно, идентифицировал человека как коробку с продуктами в результате сбоя системы⁸.

Отсюда возникает еще один этико-юридический вопрос, напрямую связанный с определением лица, несущего ответственность за причиненный вред системами ИИ.

Как отмечает В.Э. Карпов, обычно ответственность возлагают на «программиста», который формирует ИИ исходя из тех

правил поведения, которые определены заказчиком. Вследствие чего именно последний должен нести ответственность за суть поведения⁹. Вместе с тем закрепление императивных норм не позволит вышеуказанным субъектам выйти за пределы дозволений, а разработчикам прекратить работу над проектом без финансового ущерба. (Оплата проведенных работ до обнаружения нарушений должна быть произведена заказчиком за выполненный объем). Стоит согласиться и с мнением о том, что на сегодняшнем этапе цифровизации единственным универсальным решением остается правило: ответственность несет человек [11]. Действительно, в разной степени, но ответственность за действия ИИ в конечном счете всегда будет нести конкретное лицо, будь то разработчик или пользователь. Представляется необходимым избегать двух диаметральных выводов: 1) ответственность не несет никто; 2) ответственность несет сама система ИИ.

Несмотря на отсутствие должного регулирования ответственности ИИ, мы можем наблюдать, что в зарубежных странах уже успешно используются подобные роботы. Так, в одной известной китайской компании генеральным директором стала робот-женщина Тан Юй. Робот принимает решения о повседневной деятельности компании, занимается аналитикой, управляет рисками, а также обеспечивает справедливое и эффективное распределение рабочих мест для сотрудников. Однако, как показывают практика и мнения специалистов, такой интеллект еще совсем слаб из-за стандартных алгоритмов, которые неприменимы к разноуровневым мыслительным процессам людей в деятельности подобной фирмы. На вопрос об ответственности в случае разорения фирмы или же мошенничества сотрудники компании ответ не дали. Однако стоит отметить, что ИИ отлично справляется с выполнением более легких задач, не несущих риски. В США распространена практика прогнозирования искусственным интеллектом в городе на неделю вперед возможности совершения различных

⁷ Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 9.01.2018 по делу № 33-12630/2017. URL: <https://oblsud--nsk.sudrf.ru/> (дата обращения: 23.10.2023).

⁸ Восстание машин: в Южной Кореи робот раздавил рабочего. Что пошло не так // РБК Life. 2023. 09 нояб. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/654c8abb9a7947f0bac1fcf> (дата обращения: 10.11.2023).

⁹ Чем опасно внедрение технологий с искусственным интеллектом. Экспертные мнения // RG.RU. 2020. 02 февр. URL: <https://rg.ru/2020/01/28/reg-urfo/chem-opasno-vnedrenie-tehnologij-s-iskusstvennym-intellektom.html> (дата обращения: 05.11.2023).

преступлений. Как показывает опыт – это работает.

Стоит согласиться с точкой зрения С.А. Соменкова о том, что: «Искусственный интеллект сродни ребенку – как его воспитаешь, что вложишь в него, таким он и будет. Потому представляется, что со временем потребуется лицензирование деятельности, связанной с производством и, возможно, даже с эксплуатацией ИИ» [12, с. 82]. Также выходом может стать введение обязательного страхования гражданской ответственности за вред, причиненный такими устройствами человеку, как альтернативный механизм регулирования данного вопроса. Стало быть, необходимо внесение соответствующих изменений в главу 59 ГК РФ, касающихся несения солидарной ответственности разработчика и производителя систем ИИ, в случае недостаточности страхового возмещения. Конкретизация случаев и условий страхования позволит выбрать его необходимую форму: обязательное или добровольное.

В связи с интегрированием технологий ИИ в различные сферы общественной жизни многие ученые оценивают последствия использования ИИ и его влияния на права человека. В частности, авторы исследований акцентируют внимание на использовании ИИ в сфере гражданских правоотношений, уголовного правосудия, финансов, здравоохранения, трудовых отношений и образования. Поскольку алгоритмы ИИ с каждым днем становятся все более мощными, это также приводит к некоторым вопросам доверия в отношении его способности принимать справедливые решения на благо человечества. Могут последовать нарушения базовых прав людей, защищаемых столетиями, таких как: право на справедливый суд, право на ознакомление с документами, затрагивающими права и свободы человека, право на обжалование решений органов государственной власти и т. д.

С целью предотвращения трудностей наделения ИИ правом принимать юридически значимые решения в отношении людей предлагается институционализировать следующие принципы:

- обязательное представление информации о действиях ИИ в понятном для лю-

дей изложении, включая первоначальную информацию, способы ее обработки, юридическую оценку и причины принятых решений;

- обеспечение возможности обжалования решений, принятых ИИ.

Необходимость выработки превентивного регулятора осознается во всем мире. Однако правовая база в различных странах единых стандартов и подходов не имеет. На сегодняшний день право в отношении ИИ только формируется. В.В. Шляпниковым отмечается, что из-за доминирующего положения частных компаний в исследованиях ИИ существует дефицит социальной и политической ответственности, устранить которую поможет создание независимого международного органа [13, с. 371].

Как элемент саморегулирования в сфере ИИ в 2021 г. принят Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта¹⁰, к которому на настоящее время присоединились 234 отечественные организации, в числе которых: Сбербанк, Яндекс, МТС, Газпром Нефть, Фонд «Сколково», Росатом, Ростелеком и др.

Вместе с тем отсутствие четких императивов и прямого упоминания в законодательном акте самого факта применения ИИ порой приводят к его использованию в неправомерных целях. Так, например, в постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда анализируется законность использования ПАО «Сбербанк России» за пределами установленных запретов робототелекоммуникационного оператора как непоименованного в статье 4 Федерального закона от 03 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» способа взаимодействия с должниками¹¹. При отсутствии диспозитивности поведения участников правоотношений и четкой регламентации взаимодействия такое положе-

¹⁰ Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://ai.gov.ru/regulation/etika-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 21.10.2023).

¹¹ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.01.2023 № 17АП-15894/2022-АК по делу № А50-15041/2022. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

ние вещей привело к нарушению прав должника и других лиц. На сегодняшний день в пункт 3 части 3 статьи 7 указанного закона внесены изменения, вступающие в силу с 1 февраля 2024 г., которые уже учитывают использование автоматизированного интеллектуального агента.

Иными словами, регулирование технологий ИИ нормами мягкого права не всегда может достигать поставленной цели и напрямую зависит от добросовестности поведения участников общественных отношений. Необходимость разработки специального закона отмечается и профессором А.Н. Сухаревым [14, с. 16].

Безусловно, необходим системный подход. Жесткое регулирование также может оказать негативное влияние на развитие технологий ИИ. Поскольку сейчас мы можем рассматривать эту деятельность, как подконтрольную человеку и созданную человеком, необходимо с учетом многоэтапности жизненного цикла разработки, внедрения и применения систем ИИ обеспечить правовую базу, в рамках которой смогут легально развиваться такие технологии, не затрагивая при этом права третьих лиц. Целесообразным представляется разработка специального закона. В первую очередь, закон об ИИ должен включать основные понятия, термины, общие правила использования ИИ. Необходимым является установление следующих ограничений для предотвращения злоупотреблений пользования подобным интеллектом в корыстных и иных целях:

1. Запрет когнитивно-поведенческого манипулирования людьми или отдельными уязвимыми группами.

2. Запрет распознавания эмоций и лиц людей в общественных местах в режиме реального времени.

3. Производители, разработчики и создатели «систем сверхразума» должны соблюдать принцип гласности предоставления информации в целях осведомленности населения об используемой ими совокупности материалов для обучения ИИ.

Заключение

Несомненно, внедрение ИИ выступает важной частью трансформации, протекающей в рамках глобальной цифровой экономики, что позволяет не только автоматизи-

ровать любой процесс, но и настроить его в соответствии с конкретной задачей человека, ведомства или производства. Однако положительная сторона этого нововведения скрывает за собой некоторые негативные аспекты. Во-первых, это неравенство граждан вследствие неравномерного распределения ресурсов и концентрации власти у тех, кто владеет ИИ. Во-вторых, повсеместное внедрение систем ИИ приведет к гораздо более быстрому дефициту рабочих мест, порождая явление безработицы. В результате такая проблема напрямую затронет социальные институты, отразится на демографической ситуации в стране.

По словам С. Хокинга, наш разум – это программа, в то время как мозг – аналог компьютера¹². Теоретически возможно скопировать содержимое мозга на компьютер и таким образом создать форму вечной жизни. Именно этим высказыванием, вероятно, предопределяется предназначение и смысл сотворения ИИ. Однако он добавил весьма короткую, но правильную фразу о том, что «создание ИИ может стать последним технологическим достижением человечества, если мы не научимся контролировать риски, устанавливать правильные правовые границы».

Принимая во внимание все вышесказанное, можно отметить, что носители ИИ становятся участниками гражданских отношений, требующих адекватного юридического базиса. Однако на данный момент нет достаточных оснований полагать, что признание полной правосубъектности такого «сверхразума» является необходимой поправкой в законодательстве. Поэтому для предотвращения негативных последствий для граждан следует выбрать путь детального контроля над действиями разработчиков и операторов ИИ, создания соответствующих технических алгоритмов и стандартов. Тем не менее, вопрос о правосубъектности цифровых участников должен иметь определенное юридическое закрепление. Возможно, стоит ввести новый концепт «электронного лица», поскольку роль в осуществлении прав и исполнении обязанностей является определяющей

¹² Stephen Hawking: brain could exist outside body // The Guardian. 2013. 21 Sep. Available at: <https://www.theguardian.com/science/2013/sep/21/stephen-hawking-brain-outside-body> (accessed: 05.11.2023).

характеристикой любого участника гражданских отношений.

Вместе с тем развивающиеся возможности ИИ и перспективы его применения практически во всех сферах жизнедеятельности

детерминируют необходимость определения более четких границ дозволений, что, как представляется, может быть реализовано посредством принятия законодательного акта.

Список источников

1. Баранов П.П. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в России: некоторые подходы к решению проблемы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 1. С. 39-45. <https://elibrary.ru/yvgaqp>
2. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25-42. <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.11.2>, <https://elibrary.ru/cnjfsm>
3. Rich E., Knight K. Artificial Intelligence. N. Y.: McGraw-Hill, 1991. 644 p.
4. Синельникова В.Н., Ревинский О.В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт (Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества). 2017. № 4. С. 17-27. <https://elibrary.ru/ynugpm>
5. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6. С. 46-62. <https://doi.org/10.15622/sp.55.2>, <https://elibrary.ru/zvmtmp>
6. Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Таласов Ф.А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование): в 5 т. М.: Проспект, 2021. Т. 3. 288 с. <https://elibrary.ru/qwbvbg>
7. Тиунова А.И. Робот как субъект правоотношений – миф или реальность? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 2. С. 57-59. <https://elibrary.ru/itsxee>
8. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М.: Сов. радио, 1958. 216 с.
9. Романова И.Н. Теоретико-правовые аспекты системы наказаний искусственного интеллекта // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 2 (74). С. 106-113. <https://doi.org/10.26456/vtpravo/2023.2.106>, <https://elibrary.ru/pvqhyj>
10. Малышкин А.В. Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. № 3. С. 444-460. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.303>, <https://elibrary.ru/hbioxr>
11. Архипов В.В., Бакуменко В.В., Волынец А.Д. и др. Регулирование робототехники. Введение в роботоправо. Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта. М.: Инфотропик Медиа, 2018. 232 с. <https://elibrary.ru/frflmk>
12. Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2 (54). С. 75-85. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.54.2.075-085>, <https://elibrary.ru/zbocap>
13. Шляпников В.В. Некоторые проблемы этики искусственного интеллекта // Идеи и идеалы. 2023. № 2-2. С. 365-376. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2023-15.2.2-365-376>, <https://elibrary.ru/ivulyw>
14. Сухарев А.Н. О перспективах правового регулирования использования искусственного интеллекта в Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 13-21. <https://doi.org/10.26456/vtpravo/2021.3.013>, <https://elibrary.ru/ujnnik>

References

1. Baranov P.P. (2018). Legal regulation of robotics and artificial intelligence in Russia: some approaches to solving the problem. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasus Legal Vestnik*, no. 1, pp. 39-45. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yvgaqp>
2. Bondar' N.S. (2019). Information and digital space in the constitutional dimension: from the practice of the constitutional court of the Russian Federation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 11, pp. 25-42. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.11.2>, <https://elibrary.ru/cnjfsm>
3. Rich E., Knight K. (1991). *Artificial Intelligence*. New York, McGraw-Hill Publ., 644 p.
4. Sinel'nikova V.N., Revinskii O.V. (2017). Rights to the results of artificial intellect. *Kopirait (Vestnik Rossiiskoi akademii intellektual'noi sobstvennosti i Rossiiskogo avtorskogo obshchestva) = Copyright (Bulletin of The Academy of Intellectual Property)*, no. 4, pp. 17-27. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ynugpm>

5. Arkhipov V.V., Naumov V.B. (2017). Artificial intelligence and autonomous devices in legal context: on development of the first Russian law on robotics. *Trudy SPIIRAN = SPIIRAS Proceedings*, no. 6, pp. 46-62. (In Russ.) <https://doi.org/10.15622/sp.55.2>, <https://elibrary.ru/zvmtmp>
6. Vasilevskaya L.Yu., Poduzova E.B., Talasov F.A. (2021). *Tsifrovizatsiya grazhdanskogo oborota: pravovaya kharakteristika «iskusstvennogo intellekta» i «tsifrovyykh» sub'ektov (tsivilisticheskoe issledovanie): v 5 t. T. 3.* [Digitalization of Civil Turnover: Legal Characteristics of “Artificial Intelligence” and “Digital” Subjects (Civil Research): in 5 vols. Vol. 3]. Moscow, Prospekt Publ., 288 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qwbvbg>
7. Tiunova A.I. (2020). Robot as a part of the legal relationships – myth or reality? *Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam = Journal of the Intellectual Property Rights Court*, no. 2, pp. 57-59. (In Russ.) <https://elibrary.ru/itsxee>
8. Viner N. (1958). *Kibernetika, ili upravlenie i svyaz' v zhitvotnom i mashine* [Cybernetics, or Control and Communication in an Animal and a Machine]. Moscow, Sovetskoe radio Publ., 216 p. (In Russ.)
9. Romanova I.N. (2023). Theoretical and legal aspects of the punishment system of artificial intelligence. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Vestnik TVGU. Seriya: Pravo*, no. 2 (74), pp. 106-113. (In Russ.) <https://doi.org/10.26456/vtpravo/2023.2.106>, <https://elibrary.ru/pvqhyj>
10. Malyshev A.V. (2019). Integration of artificial intelligence into public life: some ethical and legal problems. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, no. 3, pp. 444-460. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.303>, <https://elibrary.ru/hbioxr>
11. Arkhipov V.V., Bakumenko V.V., Volynsev A.D. et al. (2018). *Regulirovanie robototekhniki. Vvedenie v robopravo. Pravovye aspekty razvitiya robototekhniki i tekhnologii iskusstvennogo intellekta* [Regulation of Robotics. Introduction to Robopravo. Legal Aspects of the Development of Robotics and Artificial Intelligence Technologies]. Moscow, Infotropik Media Publ., 232 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/frflmk>
12. Somenkov S.A. (2019). Artificial intelligence: from object to subject?. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGUA) = Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, no. 2 (54), pp. 75-85. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.54.2.075-085>, <https://elibrary.ru/zbocap>
13. Shlyapnikov V.V. (2023). Some problems with artificial intelligence ethics. *Idei i ideally = Ideas and Ideals*, no. 2-2, pp. 365-376. (In Russ.) <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2023-15.2.2-365-376>, <https://elibrary.ru/ivulyw>
14. Sukharev A.N. (2021). On the prospects of legal regulation of the use of artificial intelligence in the Russian Federation. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Vestnik TVGU. Seriya: Pravo*, no. 3 (67), pp. 13-21. (In Russ.) <https://doi.org/10.26456/vtpravo/2021.3.013>, <https://elibrary.ru/ujnnik>

Поступила в редакцию / Received 17.11.2023

Поступила после рецензирования / Revised 04.03.2024

Принята к публикации / Accepted 18.03.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34.01

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-17-23>

Шифр научной специальности 5.1.1

Подходы к пониманию справедливости

© ЗАВГОРОДНЯЯ Анастасия Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», Российская Федерация, Донецкая Народная Республика, 283049, г. Донецк, ул. Лебединского, 9, <https://orcid.org/0000-0001-5120-7018>, nastacija@mail.ru

Аннотация

Рассмотрены разные доктринальные подходы, которые неоднозначны при использовании ряда терминов, к которым относятся и принципы права, правовые явления, среди них: справедливость, правовая определенность, пропорциональность. Рассматривая справедливость, отмечены разные ее виды. В российской социогуманитарной науке она представлена в виде общей и специальной (частной) справедливости. Выделяют субъективную и объективную справедливость, формальную и содержательную справедливость. Отдельно выделяют процедурную справедливость. В исследовании сделан вывод, что разнообразие идеологий современного социума не дает возможности ответить на вопрос о принципах пропорциональной справедливости, которые должны быть отражены в праве, поэтому критерии справедливости содержат широкую межсубъектную основу, позволяющую реализоваться в процедурной справедливости. Проведенный анализ теорий дает право утверждать, что разновидность самих теорий справедливости всегда будет варьироваться от приоритетности того или иного блага в социуме, который заложен в основу социальных институтов, политической, правовой идеологии, процедуры установления результата.

Ключевые слова

интерес, целеполагание, справедливость, пропорциональность, соотношение интересов, благо

Для цитирования

Завгородняя А.А. Подходы к пониманию справедливости // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1. С. 17-23. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-17-23>

Approaches to understanding justice

© Anastacija A. ZAVGORODNIAIA,

PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of Civil Law Disciplines Department, Donbass State University of Justice, 9 Lebedinsky St., Donetsk, 283049, Donetsk People's Republic, <https://orcid.org/0000-0001-5120-7018>, nastacija@mail.ru

Abstract

Various doctrinal approaches are considered, which are ambiguous when using a number of terms, which include principles of law, legal phenomena, among them: justice, legal certainty, proportionality. Considering justice, its different types are noted. In Russian socio-humanitarian science it is presented in the form of general and special (private) justice. There are subjective and objective justice, formal and substantive justice. Procedural fairness is highlighted separately. The study concludes that the diversity of ideologies of modern society does not make it possible to answer the question about the principles of proportional justice, which should be reflected in law, therefore the criteria of justice contain a broad intersubjective basis that allows them to be realized in procedural justice. The analysis of theories gives the right to assert that the variety of theories of justice themselves will always vary from the priority of one or another benefit in society, which is the basis of social institutions, political and legal ideology, and the procedure for establishing the result.

Keywords

interest, goal-setting, justice, proportionality, balance of interests, benefit

For citation

Zavgorodniaia, A.A. (2024). Approaches to understanding justice. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1, pp. 17-23 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-17-23>

Введение

Справедливость, правовая определенность, пропорциональность определяют целесообразность в праве, способствуют утверждению верховенства права, становлению правового государства. Разнообразие и неоднозначность доктринальных подходов, отличия нормативного характера в данной терминологии способствуют очередному анализу и обобщению столь общих средств установления соотношения социальных интересов в праве.

Российская правовая доктрина чаще характеризуется анализом справедливости с точки зрения *аксиологии*, несмотря на наличие в доктрине права иных подходов. Несмотря на основные черты данного подхода, справедливость в рамках формирования интересов, охраняемых правом, не выступает «неким» целевым благом, а становится тем самым определенным *средством*, которое, как и правовая определенность, при соотношении социальных интересов является средством фактической определенности, а при соотношении правовых интересов – инстру-

ментальным благом, ради которого правовые интересы и возникают, реализуются, гарантируя стабильность правоотношений.

Устанавливая соотношение таких категорий, как право и справедливость, доктрина права и история политико-правовой мысли содержат множественность подходов такого соотношения. Отсюда, в рамках исследования, возникает вопрос: при каких условиях можно говорить, что *право справедливо регулирует отношения*, в которых реализуются разноплановые и конкурирующие интересы в обществе, в том числе отношения по охране однородных и общих интересов.

Импонирует точка зрения В.В. Ершова об отнесении справедливости и разумности «к неправу» [1, с. 38]. Тем не менее, стоит отметить, что само право призвано обеспечить достижение справедливости, выступая социальным регулятором, который, в свою очередь, в эволюционном аспекте является одним из самых действенных в обеспечении благополучия индивидов и общества.

Отметим позицию М.В. Преснякова, который акцентирует внимание на *равной зна-*

чимости норм права, которые имеют равную юридическую силу, что нельзя сказать о ценностях, которые имеют различную значимость в связи с иерархической структурой их системы. Стоит отметить, что, говоря о справедливости и ее проявлении, она наиболее выражена в период конфликта или конкуренции правовых ценностей. В данном контексте справедливость будет выступать неким «мерилом», она приобретает значение сбалансированности сосуществования «всех иных ценностей в непротиворечивом соотношении между собой» [2, с. 11, 13].

Таким образом, рассматривая справедливость как некое благо высокого социального значения, являющееся объектом общих интересов, стоит говорить о ней как об *инструментальной ценности*, средстве, с помощью которого и достигаются блага, ради которых возникает социальное взаимодействие.

С точки зрения целеполагания, цель – это благо, составляющее объекты интересов, которые должны достигаться в рамках справедливого порядка и распределяться также справедливо. С позиции соотношения интересов в праве и разумность и справедливость наделены различными онтологическими и гносеологическими основаниями, и как следствие – разными механизмами их соотношения.

Результаты исследования

1. Виды справедливости

Рассматривая справедливость, невозможно не отметить ее виды. В российской социогуманитарной науке она представлена в виде *общей и специальной (частной) справедливости*. Так, общая справедливость рассматривается как философская категория, специальная – как юридическая, экономическая и т. д. Говоря о справедливости с позиции нормы права, мы видим, что законодатель рассматривает ее в качестве принципа права, поэтому в правоприменении приоритет остается за принципами законности либо верховенством Конституции [3, с. 38]. Кроме того, справедливость рассматривается как фактор, влияющий на право, свойство права, цель в праве и т. д., должное или сущее в праве, способы их достижения [4, с. 65].

Рассмотрев ряд позиций исследователей в учениях о государстве и праве о справедливости, отметим, что справедливость не имеет единого подхода к определению за исключе-

нием того, что это некое свойство общественных отношений.

Выделяют *субъективную и объективную справедливость*. С данной точки зрения *объективная справедливость* – институциональная, выраженная в государственных институтах, а субъективная выступает некой оценочной категорией. Тем не менее, и субъективная и объективная справедливость выступают факторами при формировании *социального интереса*, среди которого субъективное видение учитывается при нравственном контроле как этапе формирования интереса, в свою очередь, объективная справедливость имеет значение при учете условий достижения цели.

Справедливость с точки зрения постклассического правопонимания рассматривается как свойства социального представления о справедливом. При этом социальное представление о справедливом приравнивается к легитимному. На сегодня содержанием справедливости выступает легитимность, как признание, согласованность. Отсюда вопрос остается открытым о справедливости для членов социума, в частности, дилебидативной (совещательной) демократии, где мнение о справедливости будет формироваться в рамках рациональной и аргументированной публичной дискуссии, цель которой – достижение определенного согласия [5, с. 40]. Данный вопрос проблемный и дискуссионный, потому что каждый социум, избирая правило, основывается на своей концепции справедливости, традиционной для него. Концепция справедливости отдельного общества направлена на поиск путей, с помощью которых возможно достижение согласия при разнообразии ситуаций несогласия, конфликтах при реализации интересов.

2. Теории справедливости современности

Следует начать с разделения справедливости на *формальную и содержательную* справедливость. Так, при формальной речь идет о некоем формальном (уравнивающем) требовании к справедливости, при котором понимаются такие истины, как равенство перед законом и судом, равенство прав, свобод и обязанностей человека и гражданина и т. д.

Содержательная же справедливость включает пропорциональность. К ней отно-

сят коммутативную (применима в сфере обмена и реализуется как эквивалентность. Однако выделяют уравнивающую и разделяющую коммутативную. Тем не менее, чаще именуется ретрибутивная, воздающая справедливость, применяется в отношениях равных сторон) и дистрибутивную справедливость (регулирует отношения между отдельными индивидами и общественными, государственными институтами, чаще относится к сфере публичного права. Эта концепция не предлагает четких содержательных критериев распределения. Содержательные критерии справедливого распределения, прежде всего, способствуют плюрализму теорий справедливости современности), регулирующие воздаяние, обмен и распределение. В свою очередь еще одна теория справедливости – *процедурная*, имеет особое оправданное значение, так как о правилах процедуры и легитимации решений (по поводу справедливого результата как содержательной справедливости) на ее основе солидарность устанавливается успешнее, чем принятие справедливого результата при руководстве метафизическими критериями, «объективными» ценностями при формальной и содержательной справедливости. В доктрине есть рассуждения, что именно «содержательная справедливость более далека от проблем реального общества, нежели процедурная» [6, с. 37].

Разнообразие идеологий современного социума не дает возможности ответить на вопрос о принципах пропорциональной справедливости, которые должны быть отражены в праве, поэтому критерии справедливости содержат широкую межсубъектную основу, позволяющую реализоваться в процедурной справедливости.

Также стоит отметить, что выделяют *чистую*, когда результат процедуры признается справедливым, *совершенную*, когда существует критерий справедливого результата, а процедура с большой вероятностью к нему приводит (в праве используется редко), и *несовершенную процедурную справедливость*, при которой установленные правила способствуют достижению содержательной справедливости, не всегда её гарантируют, но, тем не менее, способствуют беспристрастности, минимиза-

ции произвола при условии соблюдения требований формальной справедливости.

Совершенная и несовершенная процедурная справедливость способствует содержательной справедливости, выступая дополнительным средством легитимации определенного результата.

В свою очередь *чистая процедурная справедливость* заменяет содержательную справедливость, когда в определенных отношениях сложно установить ее критерии. То есть чистая процедурная справедливость играет роль основного средства легитимации результата, устанавливающего содержательную справедливость.

Стоит отметить, что на указанных концептах справедливости основано большинство современных юридических (правотворчество, судопроизводство) и демократических (выборы) процедур.

Так, говоря о правотворчестве, если соблюдать формальную, содержательную и процедурную справедливости, то мы можем говорить о легитимности права. В свою очередь в судопроизводстве речь пойдет не просто о соблюдении норм процессуального права, а о наличии правосудия.

Приведенные выше виды справедливости не отвечают прямо на вопрос о несогласии и согласии по многим критериям справедливости, а также результате в целом, но процедурная справедливость является основой для будущей легитимации результата и имеет четкую интерсубъективную основу.

Различные подходы к содержанию пропорциональной справедливости также можно представить в ряде современных теорий, в которых критерием является наличие определенного блага, которое представляет собой объект приоритетного публичного интереса. Отсюда появляется по данному критерию *эгалитарная справедливость*, где критерием выступает равенство, как высшая ценность (речь идет о свободе, достоинстве), на основании которой осуществляется воздаяние (прослеживается сходство с социалистическими и коммунистическими идеями и ценностями, авторитарными режимами).

В теории либеральной (либертарианской) справедливости критерием выступает свобода распределения при учете свободы и равенства стартовых возможностей. В сравнении стоит отметить, что если для обеспечения эгалитарной справедливости речь идет о критериях, которыми выступает наличие жестких формальных процедур, то для либеральной – критерием выступает наличие свободы выбора в реализации возможностей всеми и каждым.

В концепции демократической справедливости находят место синхронно воздающая и распределительная справедливость, наличие которых направлено на сбалансирование распределения по труду и по потребностям, признание различий с учетом уравнивания возможностей. Стоит отметить, что, например, в утилитаризме основной ценностью является польза. Данное социологическое направление в праве признает истинным то, что максимально полезно «работает», то есть то, что приносит пользу для наибольшего количества людей.

На основе указанных концепций в их различном соотношении возникает ряд иных теорий, среди которых *эгалитарный либерализм, коммунитаризм* (Д. Ролз, Р. Дворкин). Здесь мы можем говорить о так называемой *элитарной справедливости* как основе различия между людьми в их возможностях, и *иерархической справедливости*, критерием которой выступает неравенство.

Все изложенные выше и иные не указанные нами концепции справедливости в праве, если рассматривать их с точки зрения правовых интересов, направлены, по сути, на поиск социальной справедливости в каждом отдельно взятом социуме. Это, по сути, – *поиск «золотой середины» в балансе различных интересов в обществе, как поиск общих наиболее значимых благ и способов их достижения*.

Каждая разработанная теория, каждый выделенный вид справедливости по отдельно взятому критерию направлен на одно – поиск способа разрешения социальных проблем и конфликтов.

Заключение

Проведенный анализ теорий дает право утверждать, что разновидность самих теорий справедливости всегда будет варьироваться

от приоритетности того или иного блага в социуме, который заложен в основу социальных институтов, политической, правовой идеологии, процедуры установления результата. Установление приоритетного блага позволит рассматривать соотношение интересов и признание их легитимными, и тогда, как следствие, речь пойдет о балансе частных и публичных интересов.

Поддерживая авторитетное мнение А. Сена, необходимо отметить, что систематизация справедливости должна выстраиваться путем открытости и критического осмысления альтернативных взглядов к социальным проблемам, публичного обоснования справедливости в рамках демократии, которая раскрывается с точки зрения «управления путем обсуждения», а не «управления путем выборов» [7, с. 113].

Отсюда система права, государственные и социальные институты – элементы механизма *институционализации дискурса* в социуме, который придает легитимность праву и публичной власти.

Таким образом, проведенное исследование позволило еще раз акцентировать важность четкого уяснения *содержания понятия справедливости (используемого в доктрине права, правотворчестве, правоинтерпретации, в том числе и Конституции Российской Федерации, и правоприменении)* и, как следствие, *справедливого баланса интересов*, алгоритма его установления в том смысле, что подобная характеристика соотношения интересов является прямо зависимой от согласования, которое, в свою очередь, зависит от сложившейся модели отношений между гражданским обществом и государством, которая для легитимности и эффективности права должна быть приближена к дискурсивной модели.

Стоит отметить, что результатом установления баланса может быть приоритет определенного вида интереса над другим в контексте складывающихся или спорных правоотношений, субъективного восприятия участниками научного, публичного либо правоприменительного дискурса критериев справедливости и их иерархии. Вынося на обсуждение ряд теорий справедливости, стоит отчасти поддержать тезис И.М. Чурносова о том, что субъективизм (как принцип методо-

логии модерна) в толковании теорий справедливости позволяет говорить о нецелесообразности научных теорий о ней из-за этического и научного плюрализма [8, с. 527]. Но и выдвигать теорию справедливости, которая будет принята всеми, означало бы

«упереться» в объективизм, который в рамках современного социума в условиях важности индивидуальной, групповой, национальной идентичности является не актуальным и способствует непринятию установленных ценностей.

Список источников

1. Еришов В.В. Парные категории «определенность права» и «неопределенность права» // Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: материалы 12 Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. М.: РГУП, 2018. Ч. 1. С. 12-42. <https://elibrary.ru/gyglbz>
2. Пресняков М.В. Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. 45 с. <https://elibrary.ru/zoavsv>
3. Цыбулевская О.И., Рясина А.С. Нравственно-оценочные категории в современном российском праве. Саратов: Поволжский ин-т управления им. П.А. Столыпина, 2015. 148 с. <https://elibrary.ru/vtiwwh>
4. Корнакова С.В. К вопросу о принципе справедливости // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2014. № 2 (6). С. 64-70. <https://elibrary.ru/tpxthv>
5. Честнов И.Л. Концепт справедливости в постклассическом правопонимании // Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 35-50. <https://elibrary.ru/qbkcdx>
6. Драгель Л.В. Содержательные и процедурные принципы справедливости // Философия и культура. 2017. № 2. С. 36-44. <https://elibrary.ru/ygxfxr>
7. Сен А. Идея справедливости / пер. с англ. Д. Кралечкина; науч. ред. перевода В. Софронов, А. Смирнов. М., 2016. 520 с.
8. Чурносков И.М. Баланс равенства и свободы в концепции справедливости Джона Ролза // Философия и культура. 2014. № 4. С. 525-534. <https://doi.org/10.7256/1999-2793.2014.4.11339>, <https://elibrary.ru/sctijd>

References

1. Ershov V.V. (2018). Parnye kategorii «opredelennost' prava» i «neopredelennost' prava» [Paired categories "certainty of law" and "uncertainty of law"]. *Materialy XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Opredelennost' i neopredelennost' prava kak parnye kategorii: problemy teorii i praktiki»: v 3 ch.* [Proceedings of the 12th International Scientific and Practical Conference "Certainty and Uncertainty of Law as Paired Categories: Problems of Theory and Practice": in 3 pts]. Moscow, RSUJ Publ., pt 1, pp. 12-42. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gyglbz>
2. Presnyakov M.V. (2010). *Konstitutsionnyi printsip spravedlivosti: yuridicheskaya priroda i normativnoe sodержanie: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Constitutional Principle of Justice: Legal Nature and Normative Content. Dr. habil. (Law) diss. abstr.]. Saratov, 45 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zoavsv>
3. Tsybulevskaya O.I., Ryasina A.S. (2015). *Nravstvenno-otsenochnye kategorii v sovremennom rossiiskom prave* [Moral and Evaluative Categories in Modern Russian Law]. Saratov, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin Publ., 148 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vtiwwh>
4. Kornakova S.V. (2014). The question of the principle of justice. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, no. 2 (6), pp. 64-70. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tpxthv>
5. Chestnov I.L. (2013). Concept of justice in the postclassical law understanding. *Pravovedenie* [Legal Science], no. 2 (307), pp. 35-50. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qbkcdx>
6. Dragel' L.V. (2017). Conceptual and procedural principles of justice. *Filosofiya i kul'tura = Philosophy and Culture*, no. 2, pp. 36-44. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2017.2.18035>, <https://elibrary.ru/ygxfxr>
7. Sen A. (2016). *Ideya spravedlivosti* [The Idea of Justice]. Moscow, 520 p. (In Russ.)

8. Churnosov I.M. (2014). The balance between equality and freedom in John Rawls' theory of justice. *Filosofiya i kul'tura = Philosophy and Culture*, no. 4, pp. 525-534. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/1999-2793.2014.4.11339>, <https://elibrary.ru/sctijd>

Поступила в редакцию / Received 01.12.2023

Поступила после рецензирования / Revised 13.03.2024

Принята к публикации / Accepted 18.03.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-24-31>

Шифр научной специальности 5.1.4

Профессиональный преступный мир в первые годы утверждения советской власти: особенности детерминации и условия развития

© ЗАРУБИНА Кристина Александровна,

преподаватель кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, <https://orcid.org/0000-0003-2725-6906>, kris1996z@mail.ru

Аннотация

В переломные моменты истории развития любого государства преступный мир заметно трансформируется. В периоды политической дестабилизации, кризисных явлений в социально-экономической, культурной сферах жизни общества криминогенная обстановка в стране, как правило, ухудшается. При этом во время крушения основ государственности преступный мир не просто трансформируется, а меняет вектор своего развития. Таким периодом для истории России были революционные события 1917 г. и гражданская война – время коренного слома всех государственных институтов, социально-экономических и духовно-нравственных основ, ставшее отправной точкой для формирования и развития монолитного и хорошо организованного профессионального советского преступного мира. Цель исследования – проанализировать особенности детерминации и условия развития профессиональной преступности в первые годы утверждения советской власти. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: изучить особенности развития отечественного профессионального преступного мира в условиях политической нестабильности 1917–1920-х гг.; определить сущность идеологического противоборства представителей «царского» уголовного мира с «новым» советским в первые годы утверждения советской власти; выявить детерминанты развития профессиональной преступности в России в изучаемый период. В процессе работы использовались метод синтеза, анализа, обобщения, сравнительно-правовой метод. Доказано, что на фоне ярко выраженной политической нестабильности 1917–1920-х гг., повлекшей кризис традиционного правосознания, эрозию духовно-нравственных и религиозных ценностей, ухудшение социально-экономического положения большей части населения, наблюдалось резкое обострение криминогенной обстановки и, как следствие, особо активное развитие профессиональной преступности, которая создавала в исследуемый период реальную угрозу не только обществу, но и национальной безопасности государства.

Ключевые слова

профессиональная преступность, профессиональный преступный мир, криминал, детерминанты преступности, «воры в законе», политическая нестабильность, кризисные явления

Благодарности

НИР подготовлена в рамках государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

Для цитирования

Зарубина К.А. Профессиональный преступный мир в первые годы утверждения советской власти: особенности детерминации и условия развития // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1. С. 24-31. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-24-31>

Professional criminal world in the first years of the establishment of Soviet power: features of determination and conditions of development

© Kristina A. ZARUBINA,

Lecturer of Theory and History of State and Law Department, Southwest State University, 94 50 Let Oktyabrya St., Kursk, 305003, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-2725-6906>, kris1996z@mail.ru

Abstract

At turning points in the history of the development of any state, the underworld is noticeably transformed. During periods of political destabilization, crisis phenomena in the socio-economic, cultural spheres of society, the crime situation in the country, as a rule, worsens. At the same time, during the collapse of the statehood foundations, the criminal world not only transforms, but changes the vector of its development. Such a period in the history of Russia was the revolutionary events of 1917 and the civil war – a time of radical breakdown of all state institutions, socio-economic and spiritual-moral foundations, which became the starting point for the formation and development of a monolithic and well-organized professional Soviet underworld. The purpose of the study is to analyze the features of determination and conditions for the development of professional crime in the first years of the establishment of Soviet power. To achieve this goal, the following tasks are being solved: to study the features of the development of the domestic professional underworld in the conditions of political instability of the 1917–1920s; determine the essence of the ideological confrontation between representatives of the “tsarist” criminal world and the “new” Soviet one in the first years of the establishment of Soviet power; identify the determinants of the development of professional crime in Russia during the period under study. In the process of work, the method of synthesis, analysis, generalization, and comparative legal method are used. It is proven that against the backdrop of pronounced political instability of the 1917–1920s, which led to a crisis of traditional legal consciousness, erosion of spiritual, moral and religious values, deterioration of the socio-economic situation of the majority of the population, there was a sharp aggravation of the crime situation and, as a result, especially the active development of professional crime, which during the period under study created a real threat not only to society, but also to the national security of the state.

Keywords

professional crime, professional underworld, crime, crime determinants, “thieves in law”, political instability, crisis phenomena

Acknowledgements

The research is prepared within the framework of the state task for 2024 “Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state” (number 0851-20200033).

For citation

Zarubina, K.A. (2024). Professional criminal world in the first years of the establishment of Soviet power: features of determination and conditions of development. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1, pp. 24-31 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-24-31>

Введение

Общеизвестно, что кризисные явления в разных сферах жизни общества и государства ухудшают криминогенную ситуацию. Даже в современной России, по справедливому замечанию доктора юридических наук В.Д. Малкова, на рост преступности, повышение степени общественной опасности некоторых видов преступлений оказывает самое непосредственное влияние сложившаяся

социальная напряженность, снижение авторитета органов власти, а также кризисные явления в политике, социально-экономической сфере [1]. Стоит ли говорить о том, что в периоды смены формы правления, государственного устройства, крушения духовных, социально-экономических, политических основ государственности уголовный мир перестает быть контролируемым, и из «недр» преступности высвобождаются «дремлющие»

до этого момента криминальные силы, способные не только значительно ухудшить криминогенную ситуацию в стране, но и разрушить и без того «хрупкие» новые образованные государственные структуры.

Таким периодом в истории России были 1917–1920-е гг. (период революций и гражданской войны), время слома всех дореволюционных буржуазных государственных институтов власти и образования нового государства, построенного на совершенно иных идеологических, духовно-нравственных, социально-экономических и политических началах, чуждых имперскому российскому обществу. Подчеркнем, что именно в это время помимо общего ухудшения криминогенной обстановки (об этом свидетельствуют сохранившиеся статистические сведения¹²) в стране активно развивается профессиональная преступность, как особо опасный само детерминирующий вид преступности, представляющий существенную угрозу обществу и национальной безопасности государства в целом. Однако сам факт ухудшения криминогенной обстановки в сложных политических, социально-экономических и духовных условиях не стоит воспринимать как данность, поскольку факторы, детерминирующие развитие преступности, в том числе и профессиональной, в этих условиях также выделяются разные.

Цель исследования – анализ особенностей детерминации и условий развития профессиональной преступности в первые годы утверждения советской власти. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: изучить особенности развития отечественного профессионального преступного мира в условиях политической нестабильности 1917–1920-х гг.; определить сущность идеологического противоборства представителей «царского» уголовного мира с «новым» советским в первые годы утверждения советской власти; выявить детерминанты развития профессио-

нальной преступности в России в изучаемый период.

В процессе работы над темой использовались метод синтеза, анализа, обобщения, сравнительно-правовой метод, а также некоторые иные методы специального и общенаучного исследования.

Результаты исследования, обсуждения

В первую очередь отметим, что катализатором активизации преступников-профессионалов, как особо опасных криминальных элементов, в рассматриваемый период выступило падение монархии, а вместе с ней и традиционных институтов, охраняющих общественный порядок в стране. После ликвидации имперских полицейских государственных органов в первые годы утверждения советской власти новые «альтернативные» структуры либо еще не были созданы, либо не прошли необходимую «обкатку» в сложных общественно-политических и социально-экономических реалиях. В связи с этим эффективные средства борьбы с преступностью у советской власти пока отсутствовали. Яркий пример неумелых шагов советского правительства по нормализации криминогенной ситуации в стране в исследуемый период – создание рабочей милиции (Постановление Наркомата по внутренним делам РСФСР от 28 октября 1917 г.), не имеющей штатной структуры (фактически на добровольных началах)³. Некоторые исследователи справедливо называют принятое постановление неэффективным источником права, не только не решившим проблемы с обеспечением правопорядка в государстве, но и не нормализовавшим административную деятельность [2]. В подтверждение данного вывода обозначим, что в условиях отсутствия эффективно функционирующей системы противодействия и общеуголовной, и профессиональной преступности нередко население занималось самосудом, собственноручно расправляясь с конокрадами (профессиональными преступниками, промышленными кражами коней), о чем сообщала пресса рассматриваемого периода [3].

¹ Тарновский Е.Н. Движение преступности в 1920–1921 гг. (по данным нарсудов) // Ежедневник советской юстиции. М., 1922. № 19-20. 31 мая. С. 9-10.

² Тарновский Е.Н. Голод, нэп и движение гражданских и уголовных дел в народных судах // Ежедневник советской юстиции. М., 1922. № 29-30. 10–17 авг. С. 9-10.

³ Постановление Наркомата по внутренним делам РСФСР от 28.10.1917. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3940#73oWLyT4tSFhYIVA> (дата обращения: 13.11.2023)

Кроме того, заметим, что поиск действенных мер противодействия как общеуголовной, так и профессиональной преступности не был первоочередной задачей для советского правительства. Общеизвестно, что советская власть, в первую очередь, «расправлялась» не с «традиционными» и, тем более, профессиональными преступниками, а с политическими оппонентами, «врагами народа», вследствие чего уголовная политика страны выстраивалась в совершенно ином русле.

Отдельно подчеркнем, что отсутствие действенных механизмов противодействия преступности было связано, в том числе, с тем, что советская элита все негативные явления развития общества связывала с пережитками прошлого, капиталистическим наследием, поэтому целенаправленная борьба с общеуголовной и, тем более, профессиональной преступностью в первые годы утверждения советской власти не велась. В этот период бытовало мнение, что криминальная ситуация в стране станет благополучной, как только все пережитки капитализма будут устранены. Данную ситуацию хорошо иллюстрирует утверждение советского исследователя, современника событий Г.П. Барина: «Основной источник преступности – это частновладельческая собственность, которая в СССР уничтожена...». Поэтому и преступности, по утверждению ученого, как таковой в советском государстве не было⁴. Небезынтересным представляется утверждение исследователя В.С. Орлова: «Преступность следует за капитализмом, как его тень. Поэтому не может быть и речи о ликвидации преступности в буржуазном обществе». А в связи с тем, что в советском государстве уничтожался капитализм, по утверждению ученого, коренные причины преступности также уничтожались, вследствие чего борьба с преступниками иными мерами не имела смысла⁵.

Так, описываемые факторы самым непосредственным образом сказывались на преступной активности «профессионалов»,

которые в условиях функционирования малоэффективной системы противодействия профессиональной преступности, наконец, почувствовали в определенном смысле свободу.

Еще одним важным фактором, детерминирующим развитие преступности в 1917–1920-х гг., особенно – профессиональной, стало столкновение в результате политического противоборства представителей капиталистического и социалистического лагеря: «царского» уголовного мира с «новым» советским. Отдельные филологи, исследователи криминальной субкультуры и жаргона называли это противоборство «великой битвой», временем, когда «благородный преступный мир» столкнулся с вихрем революции [4]. Однако подчеркнем, что это противоборство было «детищем» не только Октября 1917 года, но и следствием опрометчивых реформ Временного правительства.

Как известно, А.Ф. Керенский, председатель Временного правительства, для того чтобы привлечь широкие народные массы к «защите нового государственного порядка, открывающего путь к обновлению и светлой жизни», использовал, в том числе, и криминальные силы [5, с. 12]. Таким образом, он стремился «купить» авторитет любыми средствами. С этой целью А.Ф. Керенский объявил весной 1917 г. об общеуголовной амнистии по отношению к целому ряду категорий преступников. По оценкам отдельных исследователей, на свободу вышли до 95 тыс. преступников, что составляло по отношению к общему числу заключенных более 60 % (по состоянию на 1 февраля 1917 г.) [6]. За месяц, с 1 марта по 1 апреля 1917 г., количество заключенных сократилось на 75 %. Так, на свободе для «напряжения творческих сил» (по утверждению самого А.Ф. Керенского) оказались уголовники, которые, к сожалению, не выказали ожидаемой преданности новой власти (Временному правительству). Многие амнистированные не были приняты из-за их прежней преступной деятельности в войсковые части. Часть была исключена из воинских формирований и возвращена для дальнейшего отбывания наказания в места заключения. При этом большинство амнистированных уголовников «растворились»

⁴ Барин Г.П. Основные вопросы конституции СССР: пособие для преподавателей средней школы. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1948. С. 247.

⁵ Орлов В.С. Преступления, нет. М.: Знание, 1964. С. 19.

среди мирного населения, продолжив вести антиобщественный образ жизни [7]. Не удивительно, что они встали в конфронтацию с «благородным» криминальным миром царской России. Как итог, бездумная амнистия привела к обострению криминогенной ситуации в стране.

При этом не только опрометчивые решения Временного правительства привели к расколу преступного мира на два лагеря. Криминальные элементы противостояли друг другу и чисто идеологически. Новую советскую действительность как должное приняли не все. Ряд историков и правоведов справедливо утверждают, что многие несогласные с действующим политическим режимом не стремились открыто высказывать свое недовольство, а находили себя в криминале, противопоставляя новый советский «закон» своему собственному. Не все в открытую боролись с советской властью на фронтах гражданской войны, поэтому нередко неприятие новой политической действительности приводило к слиянию политически оппозиционно настроенных масс с преступностью. В связи с этим облик преступного мира после 1917 г. заметно изменился.

Особо хочется подчеркнуть, что эти изменения коснулись, в том числе, профессиональной преступности. Так, если ранее на профессиональной основе преступления, как правило, совершали представители низших социальных групп, не имеющих средств к существованию (или имеющих, но в недостаточной степени), то в связи с изменением мотивации к профессиональной преступной деятельности (не для собственного материального обогащения, а для выражения протеста против действующего политического режима) некоторым образом изменился социальный портрет типичного преступника, а преступный мир заметно «поумнел». Если ранее даже «профессионалы» совершали по большей части «примитивные» преступления, не требующие серьезного интеллектуального напряжения и тем более особого мастерства, например, традиционные кражи, грубую подделку денежных средств и т. д., то уже после 1917 г. криминальный профессионализм преступников значительно повысился. Так, многие фальшивомонетчики в дореволюционный период ввиду малогра-

мотности в основном обращали внимание только на цифирные обозначения, поэтому изготовители фальшивок без опаски допускали опечатки в словах: к примеру, иногда на купюрах вместо слова «ходячий» печатали «халячий», а вместо «ассигнация» «ассинация» и т. д. [8]. Однако после утверждения советской власти ситуация изменилась. В связи с приходом в криминальный мир бывшей интеллигенции, среднего класса более распространены стали интеллектуальные разновидности профессиональной преступной деятельности. Например, в этот период активно развивались разные виды мошенничества, в том числе так называемое «нэпманское» (торговое) мошенничество, которое заключалось в организации деятельности всевозможных фиктивных торговых домов, «продаже» «воздуха» (несуществующих товаров) и т. п. [9].

Отдельно подчеркнем, что многие политические преступники, вставшие на путь криминала в 1917–1920-х гг., из идеологических соображений в связи с неприятием советской действительности, возглавляя преступные группировки, пытались внедрить в уголовный мир новые «законы», традиции, правила поведения. Например, так в среде высшего криминалитета возник запрет на общественно полезный труд, семью, участие в военных кампаниях, сотрудничество с властями и многое другое [10]. Впоследствии эти идеи были восприняты новой преступной «кастой» – сообществом «воров в законе» [11]. Не случайно во многих источниках указывается на то, что феномен «воров в законе» появился именно после революционных событий 1917 г. [10]. Вследствие этого можно заключить, что столь опасная «категория» преступников, если не появилась в 1917 г. (согласно общепринятой точке зрения эта «каста» возникла в 1920–1930-х гг. [12–14]), то начала формироваться именно на фоне этих исторических событий. Так, именно революционный 1917 год оставил неизгладимый след на развитии российского криминалитета, в том числе и его «профессиональной» части.

Не оставим без внимания и изменение отношения к преступности российского общества после революционных событий 1917 года. Как известно, не только в белогвардей-

ской мемуаристке, но и в сознании широких народных масс большевиков, иных лиц, участвующих в октябрьском перевороте, воспринимали как самых настоящих преступников, посягающих как на основы государственного строя, так и на правопорядок в целом. Измена политическому курсу оценивалась обществом гораздо негативнее, чем, например, преступления против личности или собственности. Как писал в своем дневнике бывший русский военачальник М.Г. Дроздовский: «Что можем мы сказать убийце трех офицеров или тому, кто лично офицера приговорил к смерти за «буржуизм и контрреволюционность»? Или как отвечать тому, кто являлся духовным вождем насилий, грабежей, убийств, оскорблений, их зачинщиком, их мозгом...»⁶ Русский философ первой половины XX века И.А. Ильин прямо ставил знак равенства между революцией и преступлением, большевиками и преступниками [15, с. 374]. Безусловно, неверно оспаривать тот факт, что политическая преступность (к которой, по сути, имели прямую прикосновенность большевики в революционном 1917 г.), всегда считалась одной из самых опасных для государства разновидностей преступности. Однако именно такие серьезные потрясения, как Октябрьская революция 1917 г., переход к строительству совершенно иного, незнакомого и чуждого широкой общественности советского строя, позволили сформировать удачный «сравнительный ряд», по-иному оценить другие виды правонарушений, и если сформировать у общества не положительное отношение к «обычной», а также профессиональной преступности, то хотя бы нейтральное.

И, наконец, отметим, что общее ухудшение материального положения большей части населения в связи с переустройством политической и социально-экономической действительности также являлось детерминантой развития как общеуголовной, так и профессиональной преступности. Не случайно новый пик роста преступности на Юге России, а также в ряде иных регионов в период гражданской войны приходился именно на 1920–1921 гг. [16]. Исследователь

Н.Е. Тарновский отмечал, что этот рост был обусловлен серьезными кризисными явлениями в социально-экономической сфере, тяжелым положением населения в отдельных регионах страны. Ученый справедливо утверждал: «...Так как запасов прошлых лет в голодающих губерниях не оказалось <...> число осужденных возросло много энергичнее, чем число уголовных дел, как в голодных губерниях, так и в неголодных...»⁷. Максимум процентного отношения уголовных дел при минимуме гражданских в рассматриваемый период времени был достигнут уже во втором полугодии 1920 г.⁸

Заключение

Таким образом, факторами, детерминирующими развитие профессионального ухудшения экономического положения большей преступности в исследуемый период, являлись части населения страны, изменение отношения общества к преступности вследствие идеологического противостояния новым государственным преобразованиям, приведшим к коренной ломке традиционных социальных, политических, экономических институтов, отсутствие эффективных механизмов противодействия как общеуголовной, так и профессиональной преступности, а также некоторые другие факторы. На фоне ярко выраженной политической нестабильности в стране в 1917–1920-е гг., повлекшей кризис традиционного правосознания, эрозию духовно-нравственных и религиозных ценностей, ухудшение социально-экономического положения большей части населения в государстве наблюдалось обострение криминогенной обстановки, особо активное развитие преступности, в том числе и профессиональной, которая создавала реальную угрозу не только обществу, но и национальной безопасности страны. «Старый царский» уголовный мир столкнулся с «новым советским», вследствие чего преступность превратилась в мало контролируемое и чрезвычайно опасное антисоциальное явление, высвободившее «дремлющие» до этого момента всеразрушающие силы профессионального криминалитета, ставшие не только реаль-

⁶ Дроздовский М.Г. Дневник. Берлин: Отто Кирхнер и К^о, 1923. С. 38.

⁷ Тарновский Е.Н. Движение преступности в 1920–1921 гг. (по данным нарсудов).

⁸ Тарновский Е.Н. Голод, нэп и движение гражданских и уголовных дел в народных судах.

ной угрозой для действующей советской власти, но «надежным оплотом» для формирования новой «касты» наиболее уважаемых

и почитаемых в криминальном мире – сообщества преступников-профессионалов, в будущем – «воров в законе».

Список источников

1. Малков В.Д. Преступность как социально-правовое явление, ее криминологические характеристики и основные тенденции в современной России // Общество и право. 2007. № 3 (17). С. 61-70. <https://elibrary.ru/qarljb>
2. Урусов З.Х. От милиции к полиции: проблемы и перспективы // Журнал прикладных исследований. 2023. № 3. С. 141-144. https://doi.org/10.47576/2949-1878_2023_3_141, <https://elibrary.ru/uksqyf>
3. Хипхенов Г.И. Правда и «Кривда» о красных отрядах. Из военно-политической истории периода «Первой советской власти» в Восточной Сибири (1917–1918 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. № 4 (25). С. 154-175. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-154-175>, <https://elibrary.ru/ylvrua>
4. Сидоров А.А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга первая (1917–1940 гг.). Ростов н/Д.: МарТ, 1999. 164 с.
5. Сидоров А.А. Жиганы, уркаганы, блатари: подлинная история воровского братства, 1917–1940. М.: Эксмо, 2005. 347 с.
6. Поцелуев Е.Л. Амнистии временного правительства России в марте 1917 г. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2017. № 3. С. 25-30. <https://elibrary.ru/zgbvuv>
7. Твердюкова Е.Д. Общество и преступный мир: некоторые аспекты взаимоотношений после Февральской революции // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2007. № 2. С. 29-34. <https://elibrary.ru/pzygnv>
8. Яковлев К.Л., Яковлева О.Н. К вопросу об участии органов центрального отраслевого управления в борьбе с фальшивомонетничеством в Российской империи // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 1 (25). С. 89-93. <https://elibrary.ru/pysztzn>
9. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юрид. лит., 1990. 301 с.
10. Ефимкин М.С. Роль «воров в законе» в организации преступной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 4. С. 98-99. <https://elibrary.ru/mvnsol>
11. Клейменов М.П., Корнеев Д.В. Криминальные лидеры вчера и сегодня // Вестник Омского университета. 2012. № 3 (65). С. 404-414. <https://elibrary.ru/pgktsl>
12. Важеннин В.В., Васильченко Д.А., Зуев Е.А. Закономерности формирования и развития высшего криминального сословия в России // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 18-22. <https://elibrary.ru/vkvkbl>
13. Шалагин А.Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4 (26). С. 36-39. <https://elibrary.ru/xdryzh>
14. Мальчук О.И. История развития феномена «вор в законе» // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 109-110. <https://elibrary.ru/ycnbgh>
15. Ильин И.А., Лисица Ю.Т. Собрание сочинений (Основное нравственное противоречие войны; О сопротивлении злу силою; Статьи. Письма. Выступления): в 10 т. М.: Русская книга, 1996. Т. 5. 608 с.
16. Фидельский С.В. Уголовная преступность как проблема революционной повседневности 1917–1920 гг. (на материалах юга России) // Наука и школа. 2011. № 5. С. 141-143. <https://elibrary.ru/oozovb>

References

1. Malkov V.D. (2007). Prestupnost' kak sotsial'no-pravovoe yavlenie, ee kriminologicheskie kharakteristiki i osnovnye tendentsii v sovremennoi Rossii [Crime as a social and legal phenomenon, its criminological characteristics and main trends in modern Russia]. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, no. 3 (17), pp. 61-70. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qarljb>
2. Urusov Z.Kh. (2023). From police to police: problems and prospects. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied Research*, no. 3, pp. 141-144. (In Russ.) https://doi.org/10.47576/2949-1878_2023_3_141, <https://elibrary.ru/uksqyf>
3. Khipkhenov G.I. (2017). True and “falsehood” about the red detachments. From the military-political history of the period of the “first Soviet power” in Eastern Siberia (1917–1918). *Izvestiya Laboratorii drevnikh*

- tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies, no. 4 (25), pp. 154-175. (In Russ.) <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-154-175>, <https://elibrary.ru/ylvrva>
4. Sidorov A.A. (1999). *Velikie bitvy ugolovnoy mira. Istoriya professional'noy prestupnosti Sovetskoy Rossii. Kniga pervaya (1917–1940 gg.)* [Great Battles of the Criminal World. History of Professional Crime in Soviet Russia. Book One (1917–1940)]. Rostov-on-Don, MarT Publ., 164 p. (In Russ.)
 5. Sidorov A.A. (2005). *Zhigany, urkagany, blatari: podlinnaya istoriya vorovskogo bratstva, 1917–1940* [Zhigans, Urkagans, Blatars: The True History of the Brotherhood of Thieves, 1917–1940]. Moscow, Ehksmo Publ., 347 p. (In Russ.)
 6. Potseluev E.L. (2017). Amnesties of the Russian Provisional Government March 1917. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: estestvennye, obshchestvennye nauki = Ivanovo State University Bulletin. Series: Natural, Social Sciences*, no. 3, pp. 25-30. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zgbvuv>
 7. Tverdyukova E.D. (2007). Society and criminal world: some aspects of relations after the February revolution. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya = Vestnik of Saint Petersburg University. History*, no. 2, pp. 29-34. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pzygnv>
 8. Yakovlev K.L., Yakovleva O.N. (2013). Participation of agencies of central branch administration in fight against counterfeiting in Russian Empire. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*, no. 1 (25), pp. 89-93. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pysztu>
 9. Gurov A.I. (1990). *Professional'naya prestupnost': proshloe i sovremennost'* [Professional Crime: Past and Present]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 301 p. (In Russ.)
 10. Efimkin M.S. (2010). Role of “thieves in law” in the organization of criminal activity. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 4, pp. 98-99. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mvnsol>
 11. Kleimenov M.P., Korneev D.V. (2012). Criminal leaders yesterday and today. *Vestnik Omskogo universiteta = Herald of Omsk University*, no. 3 (65), pp. 404-414. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pgktsl>
 12. Vazhenin V.V., Vasil'chenko D.A., Zuev E.A. (2015). Regularities of formation and development the highest criminal estate in Russia. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, no. 4 (54), pp. 18-22. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vkvkbl>
 13. Shalagin A.E. (2016). Kriminologicheskaya kharakteristika litsa, zanimayushchego vysshee polozenie v prestupnoy ierarkhii [Criminological characteristics of a person occupying a higher position in the criminal hierarchy]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of Mia of Russia*, no. 4 (26), pp. 36-39. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xdryzh>
 14. Mal'chuk O.I. (2018). The history of the development of the phenomenon of “thief in law”. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, no. 5, pp. 109-110. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ycnbgh>
 15. Il'in I.A., Lisitsa Yu.T. (1996). *Sobranie sochinenii (Osnovnoe npravstvennoe protivorechie voyny; O soprotivlenii zlu siloyu; Stat'i. Pis'ma. Vystupleniya): v 10 t.* [Collected Works (The Main Moral Contradiction of War; On Resistance to Evil by Force; Articles. Letters. Speeches): in 10 vols.]. Moscow, Russkaya Kniga Publ., vol. 5, 608 p. (In Russ.)
 16. Fidel'skii S.V. (2011). Criminal crimes as a problem of daily life during the revolution of 1917–1920s (on the materials of Southern Russia). *Nauka i shkola = Science and School*, no. 5, pp. 141-143. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oozovb>

Поступила в редакцию / Received 25.12.2023

Поступила после рецензирования / Revised 26.02.2024

Принята к публикации / Accepted 18.03.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.73

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-32-40>

Шифр научной специальности 5.1.1

Изменение социального облика финансового права на рубеже XX–XXI веков

© **РЫБАКОВА Светлана Викторовна**,

доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства, ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34, <https://orcid.org/0000-0001-5631-5608>, svrybakova@mail.ru

Аннотация

Закрепление в Конституции Российской Федерации Российского государства как социального потребовало существенных изменений как в системе отечественного права, так и в системе его отдельных отраслей. Одной из ведущих отраслей, на которую легла значительная «нагрузка» по осуществлению соответствующей трансформации, стало финансовое право, которое к тому моменту, по выражению ученых, занимало «скромное место» среди других отраслей. Выполнение возложенной миссии в значительной степени способствовало изменению не только содержания, но и роли финансового права в жизни общества, государства, индивида. По сути, изменился социальный облик финансового права, которое хотя и должно быть социальным в своей основе, однако не всегда ярко социально «окрашено». В этой связи целью настоящего исследования, базирующегося на тезисе об изменении социального облика финансового права на рубеже XX–XXI веков, является аргументация наличия именно социального вектора в развитии данной отрасли права как одной из особых отраслей системы российского права. С помощью исторического, логического методов, а также методов сравнительно-правового исследования и системного анализа выявлены базовые предпосылки и условия соответствующей трансформации, а также ее особенности на примере отдельных подотраслей и институтов финансового права. Обоснован тезис о реализации в нормах финансового права целевых установок государства по реализации планов и прогнозов социально-экономического развития, доказано, что не только традиционные финансово-правовые институты (бюджетно-правовые, налогово-правовые) участвуют в реализации социальных задач государства, но и иные (институты публичного банковского права, денежной эмиссии). Проанализировано действующее финансовое законодательство и отдельные акты стратегического планирования, что позволило аргументировать гипотезу, согласно которой в последние три десятилетия социальный облик финансового права существенно изменился: произошла не только социализация самого финансового права (внешний аспект), но и изменилось его содержание, включая изменение состава его принципов, системы, субъектов (внутриотраслевой аспект).

Ключевые слова

социальное государство, финансовое право, публичные финансы, деньги, финансовые правоотношения, социализация финансового права, принципы права, финансовая правосубъектность, акцессорная правосубъектность, субсидиарная правосубъектность, генезис финансового права

Для цитирования

Рыбакова С.В. Изменение социального облика финансового права на рубеже XX–XXI веков // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1. С. 32–40. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-32-40>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-XXX-XXX>

Changing the social image of financial law at the turn of the 20th–21st centuries

© Svetlana V. RYBAKOVA,

Dr. habil. (Law), Associate Professor, Chief Research Scholar of Financial, Tax and Budget Legislation Department, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34 Bolshaya Cheremushkinskaya St., Moscow, 117218, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-5631-5608>, svrybakova@mail.ru

Abstract

The consolidation of the Russian state as a social state in the Constitution of the Russian Federation required significant changes both in the system of domestic law and in the system of its individual branches. One of the leading industries that bore a significant “burden” to implement the corresponding transformation is financial law, which by that time, as scientists put it, occupied a “modest place” among other industries. The fulfillment of the assigned mission significantly contributed to changing not only the content, but also the role of financial law in the life of society, the state, and the individual. In essence, the social appearance of financial law has changed, which, although it should be social at its core, is not always clearly socially “coloured”. In this regard, the purpose of this study, based on the thesis about the change in the social image of financial law at the turn of the 20th–21st centuries, is to argue for the presence of a social vector in the development of this branch of law as one of the special branches of the Russian legal system. Using historical, logical methods, as well as methods of comparative legal research and system analysis, the basic prerequisites and conditions for the corresponding transformation, as well as its features, are identified using the example of individual sub-sectors and institutions of financial law. The thesis about the implementation in the norms of financial law of the state’s targets for the implementation of plans and forecasts of socio-economic development is substantiated, it is proven that not only traditional financial and legal institutions (budgetary and legal, tax and legal) are involved in the implementation of the social tasks of the state, but also other (institutions of public banking law, money issue). The current financial legislation and individual acts of strategic planning are analyzed, which made it possible to argue the hypothesis that in the last three decades the social appearance of financial law has changed significantly: not only the socialization of financial law itself has occurred (external aspect), but its content has also changed, including changes the composition of its principles, system, subjects (intra-industry aspect).

Keywords

social state, financial law, public finance, money, financial legal relations, socialization of financial law, law principles, financial legal personality, accessory legal personality, subsidiary legal personality, genesis of financial law

For citation

Rybakova, S.V. (2024). Changing the social image of financial law at the turn of the 20th–21st centuries. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1, pp. 32–40 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-32-40>

Введение

Российское финансовое право (как, собственно, и не только российское) имеет не столь длительную историю своего существования, как, например, гражданское или уголовное право, а также конституционное

или административное. При этом финансовое право является не единственной самостоятельной отраслью права, находящейся в ряду «молодых» отраслей. Сюда также можно отнести трудовое право и право социального обеспечения.

Возникновение новых отраслей права, безусловно, связывается с развитием общественных отношений, а порой – с цивилизационными волнами, что и придает праву как надстройке над экономическим базисом характер ретроспективного регулирования¹.

Интересен тот факт, что независимо от длительности истории той или иной отрасли права, ее внутреннее содержание может существенным образом меняться в зависимости от типа политического режима, хозяйственных связей и проч. В качестве примера можно привести уголовное право Отечественного государства XX и XXI веков. Если в Уголовном кодексе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (1960) Особенную часть открывала глава «Государственные преступления», в Уголовном кодексе Российской Федерации (1996) – открывает раздел «Преступления против личности» (глава «Преступления против жизни и здоровья»), что свидетельствует об изменении социального облика уголовного права в сторону защиты прав личности.

В этом контексте интересен генезис преобразований в финансовом праве, что связано не только с его активной социализацией, но и с социальным «окрашиванием» самих финансово-правовых норм, а также появлением в связи с этим новых финансово-правовых институтов.

Последнее десятилетие XX века стало для финансового права началом нового этапа в его развитии. Сохраняя доктринальную преемственность во взглядах на базовые категории финансово-правовой науки, на рубежах веков ученые не только продолжили

изучать правовую природу традиционных финансово-правовых институтов, но и стали исследовать новые, рассматривая их через призму основ конституционного строя современного Российского государства, к числу которых, в первую очередь, относится признание за Российской Федерацией статуса социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7 Конституции Российской Федерации).

Начиная с конца XX века и по сегодняшний день, социальные аспекты становятся стержнем развития финансового права и как отрасли права, и как отрасли законодательства, и во многом как финансово-правовой науки. Это можно увидеть, изучая содержание соответствующих правовых норм, пояснительных записок к законопроектам, монографических исследований, докладов на научно-практических конференциях, учебников.

Е.Г. Беликов, ученый-финансовед, под социальным государством понимает правовое государство, основной целью которого является достижение и поддержание высокого уровня жизни человека и общества путем активной, сознательной и ответственной деятельности, во многом финансовой, государственных и муниципальных органов в целях обеспечения социальной защищенности и общественной стабильности, условий реализации личностного потенциала, минимизации социальных рисков и неоправданных социальных различий [2, с. 144].

Автор данного определения совершенно обоснованно подчеркивает, что обеспечение такого качества государства, как «социальное государство», во многом обеспечивается именно посредством финансовой деятельности государственных и муниципальных органов.

Социальная направленность финансовой деятельности государства входит в круг принципов финансового права [3, с. 50], и это вхождение произошло именно в середине 1990-х гг., когда стали реализовываться положения Конституции Российской Федерации после ее принятия в 1993 г. Существенным образом изменив свой социальный облик на рубеже XX–XXI веков, финансовое

¹ Н.В. Путило, характеризуя не только фиксирующую, но и созидательную функцию права, выделяет несколько этапов в отечественной правовой науке, в которых возникали идеи о творческой, преобразующей роли права (после Октябрьской революции, после принятия Конституции Российской Федерации 1993 г.). «Право как часть культуры создается людьми и функционирует, используя объекты и явления материального мира, но при этом право не следует считать просто зеркальным отражением в нормах связей и смыслов, уже имеющих в реальности» [1, с. 157–161].

В этом аспекте нормы финансового права принято характеризовать как перспективные, а не ретроспективные, поскольку они создают конкретные финансово-правовые модели в рамках публичной финансовой деятельности.

право, по сути, трансформировалось в право публичных финансов.

Результаты исследования

Определив социальность как один из векторов развития современного финансового права, заданный на рубеже XX–XXI веков, необходимо перейти к сути обозначенного исследования, связанной с социализацией финансовой деятельности современного Российского государства.

Система финансового права на рубеже XX–XXI веков

Как известно, финансовое право регулирует те денежные отношения, которые носят распределительный и перераспределительный характер, а также отношения в сфере эмиссии и обеспечения устойчивости законного платежного средства. В силу того, что в последние годы в науке финансового права ведутся дискуссии о том, какие из этих отношений приоритетны, видится необходимым высказать авторскую точку зрения о том, что в денежную эпоху финансов отношения в сфере национальной валюты (в аспекте ее легитимации и обеспечения устойчивости) являются первичными по отношению к производным от них распределительным (перераспределительным) отношениям, поскольку первые не только обуславливают их денежную форму, но также предсказуемость и стабильность.

В области финансов (денег и кредита) в публичных интересах (то есть в сфере финансово-правового регулирования) действуют не только государство и иные публично-правовые образования, но и другие субъекты, которые либо призваны к такому служению законом либо приняли на себя определенные публичные обязательства по собственной инициативе.

В этой связи за последние три десятилетия существенно расширился круг субъектов финансового права, которые стали участниками новых (либо ранее существовавших, но трансформированных) правоотношений. Подобное стало возможно именно благодаря преобразованию предметной области финансового права, которая в современных условиях охватывает все сферы распределительных и перераспределительных отношений, включая даже частные финансы, однако последние, как правило, только в аспекте обеспече-

ния их финансовой устойчивости либо создания условий, позволяющих сформировать благоприятную среду потребителям соответствующих финансовых услуг.

Формулируемые в несколько преобразованном формате определения отрасли финансового права свидетельствуют о признании научным сообществом (однако не абсолютным большинством ученых) включения в рамки финансового права помимо общественных отношений, связанных с формированием централизованных и децентрализованных фондов денежных средств, принадлежащих на праве собственности государству и иным публично-правовым образованиям, иных финансовых, а также денежных отношений. Так, Н.И. Химичевой (2008) была высказана позиция о включении в предмет финансового права «иных финансовых ресурсов публичного характера, необходимых для реализации соответствующих задач государства» [4, с. 38].

Особого внимания заслуживает определение предметной области финансового права как отрасли законодательства, сформулированное в рамках Научных концепций развития российского законодательства (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве российской Федерации, 2024), как «совокупности общественных отношений, складывающихся по поводу создания, введения в обращение денежных средств, распределения последних и расходования в интересах государства и общества, а также осуществления контроля и надзора за соответствующими процессами» [5, с. 134]. Подобный подход не только раскрывает контент современного финансового права, позволяющий определить его внутреннюю логику, но и регулирование им как материальных, так и организационных финансовых правоотношений, а также определенным образом предвосхищает круг лиц, обладающих финансовой правосубъектностью.

Расширение границ предмета финансового права, безусловно, повлекло обогащение спектра элементов его системы, фактически приведшее к выделению в нем крупных разделов, включающих подотрасли и институты, как традиционно входящие в предмет финансово-правового регулирования, так и вошедшие вновь.

Среди таких разделов можно выделить разделы, содержащие правовые нормы о централизованных финансах, децентрализованных финансах, эмиссионное право, публично-правовое регулирование финансового рынка. Первые два раздела аккумулируют правовые нормы, связанные с функционированием публичных финансов (бюджетное право, налоговое право, право публичного кредита и долга, финансы государственных и муниципальных предприятий, финансов государственных и муниципальных учреждений, финансов государственных корпораций и проч.), третий – денежно-кредитной системы (институт эмиссии наличных денег и организации их обращения, институт платежной системы, институт обеспечения устойчивости банковской системы (публичное банковское право), институт валютного регулирования и валютного контроля, институт публичного регулирования цифровых валют), четвертый – финансовых рынков (институт защиты прав потребителей финансовых услуг и др.). Безусловно, в двух последних случаях речь идет о публично-правовых аспектах деятельности названных сфер экономических отношений.

В предложенном виде матрица бытия финансового права упорядочивает правовое регулирование публичных финансовых отношений в социальном государстве.

Принцип социальной направленности финансовой деятельности государства

Как представляется, финансовая деятельность государства социальна по своей сути. Однако в различных исторических условиях и обстоятельствах это может проявляться самым различным образом.

Развивая идеи Н.И. Химичевой о принципе социальной направленности финансовой деятельности государства, Е.Г. Беликов справедливо относит к наиболее значимым аспектам данного принципа такие существенные черты социального государства, как социальная справедливость, социально ориентированная экономика, социально-экономическое равноправие индивидов, социальных, национальных и иных общностей, социальная ответственность, социальная солидарность, включая социальное партнерство, социальную безопасность [6, с. 13-14].

Соглашаясь с высказанным автором данной токи зрения позицией о существенных чертах социального государства, следует особо подчеркнуть, что социальность как концепт публичной финансовой деятельности не сводится лишь к проведению социальной политики посредством финансирования расходных обязательств и предоставления налоговых льгот и преимуществ, безусловно, он простирает свои границы гораздо шире.

Ввиду многообразия социально-ориентированных задач многообразен и инструментарий способов их решения. Так, одним из трендов финансово-правового регулирования отношений в сфере финансовых рынков является защита экономически слабой стороны, что связано с формированием таких новых финансово-правовых институтов, как поведенческий надзор, гарантирование вкладов и т. п.

Правовое регулирование экономических и социальных вопросов в социальном государстве практически всегда дуально, ввиду чего стратегическое планирование и, соответственно, последующее правовое регулирование осуществляются именно в рамках общего социально-экономического направления. Например, это ежегодно отражается в таком акте, как Прогноз социально-экономического развития на текущий финансовый год и плановый период².

В соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» в Российской Федерации каждые шесть лет разрабатывается Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации, являющаяся основой для формирования и корректировки перечня государственных программ. Такая Стратегия содержит не только оценку текущей социально-экономической ситуации и степени достижения целей социально-экономического развития, но и определение целей такого развития, приоритетов как на федеральном уровне, так и на региональном, а также оценку позиций

² См., напр.: Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/> (дата обращения: 29.01.2024).

Российской Федерации в мировой экономике (статья 16). В свою очередь государственные программы являются одним из юридических оснований формирования целевых статей расходов бюджетов (статья 21 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ)).

Таким образом, значимой основой для формирования расходов бюджетов являются приоритеты социального развития государства.

Ввиду особой роли государства в решении социальных проблем в период финансовых кризисов, а также иных чрезвычайных обстоятельств (например, пандемии COVID-19) бюджетно-правовая составляющая социальной финансовой деятельности становится наиболее значимой.

Дуализм социализации публичной финансовой деятельности проявляется и во взаимной ответственности всех участников общественных отношений: государства, общества, бизнеса и каждого отдельного индивида.

Так, одной из новелл бюджетного права стало закрепление в положениях бюджетного законодательства принципа участия граждан в бюджетном процессе (статья 28 БК РФ) и формирование института инициативного бюджетирования [7, с. 18], что позволяет гражданам проявлять свою социальную активность, по сути, солидаризируясь с другими участниками бюджетного процесса в решении задач публичного характера.

Социальность в современном финансовом праве проявляется не только в содержании, но и в наименованиях отдельных финансово-правовых институтов, подинститутов и проч. Так, в Налоговом кодексе Российской Федерации закреплено понятие «социальный налоговый вычет», в Бюджетном кодексе Российской Федерации – «страховые взносы на обязательное социальное страхование». Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации имеет сокращенное наименование Социальный фонд России (статья 4 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации»).

По справедливому замечанию О.О. Журавлевой, в 2020 г. принцип справедливости занял второе место по количеству упомина-

ний в актах Конституционного суда Российской Федерации [8, с. 79].

Одной из причин изменения социального облика финансового права в аспекте стала такая тенденция развития финансового законодательства, как возрастание его роли для решения задач иных отраслей законодательства [5, с. 130], что в аспекте социализации можно особо отметить в соотношении с развитием законодательства о социальном обеспечении, образовательном законодательстве и проч.

Правовое регулирование денежной и банковской систем в аспекте социализации публичной финансовой деятельности

Упреждая раскрытие обозначенного вопроса, важно отметить, что указанные системы сформированы по различным критериям: первая – по объектному, вторая – по субъектному. Если в отношении первой системы активные действия предпринимаются извне, то в отношении второй – как извне, так и изнутри.

В Основных направлениях развития наличного денежного обращения на 2021–2025 годы³ отмечается, что «наличные деньги как минимум в ближайшие десятилетия продолжат играть существенную роль в экономическом обороте и жизни людей. Вот почему вопросы поддержания и развития системы наличного денежного обращения, ее оптимизации, повышения качества и эффективности не теряют своей актуальности», что явным образом свидетельствует именно о социальных детерминантах предпринимаемых управленческих решений.

В числе характеристик наличных денег, определяющих необходимость развития наличного денежного обращения, в указанном документе были названы: независимость от специальной инфраструктуры как возможность использования в любых условиях, в том числе при отсутствии доступа к сети Интернет и при отключении электропитания (что актуально во время устранения последствий стихийных бедствий и техногенных катастроф), а также востребованность со стороны отдельных социальных групп (люди

³ Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/119613/onrmdo_2021-2025.pdf (дата обращения: 29.01.2024).

старшего возраста, сельские жители, трудовые мигранты, слабовидящие граждане и др.).

Указанные факторы, обеспечивающие процессы правообразования, а также администрирования в сфере эмиссионных отношений, очевидным образом свидетельствуют именно о социальной направленности правового регулирования эмиссионной деятельности в цифровую эпоху⁴.

В отношении банковской системы можно выделять различные аспекты его социальной, но чаще всего они будут связаны с публично-правовыми характеристиками деятельности банков как хозяйствующих субъектов.

Например, в соответствии со статьей 3.1. Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» банковское сопровождение государственного оборонного заказа может осуществлять уполномоченный банк, то есть банк, созданный в соответствии с законодательством Российской Федерации, обладающий лицензией на проведение работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну, и в отношении которого Правительством Российской Федерации по согласованию с Президентом Российской Федерации принято решение об отнесении к категории уполномоченных банков. В качестве другого примера можно назвать деятельность кредитных организаций, выполняющих функции агентов Правительства Российской Федерации по исполнению расходных обязательств Российской Федерации в том или ином текущем финансовом году. Так, в соответствии с Федеральным законом от 27 ноября 2023 г. № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» подобные функции уполномочены выполнять Публичное акционерное общество «Сбербанк России», Публичное акционерное общество «Промсвязьбанк», иные банки, определенные Правительством Российской Федерации. Выполнение указанных функций также может осуществляться финансовыми организациями, отобранными в установленном порядке

(статья 18), что означает возможность привлечения к этому процессу не только кредитных, но и некредитных финансовых организаций. Такой вывод следует из системного толкования положений Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», определяющих содержание понятия «финансовая организация».

В перечень соответствующих функций, которые осуществляются в интересах государства субъектами хозяйствования, входят: выплата компенсаций в возмещение вреда гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие радиационных аварий, единовременных пособий потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной защиты (защищаемое лицо), выполнение операций по вопросам обеспечения исполнения долговых обязательств иностранных государств перед Российской Федерацией, по вопросам размещения и выкупа государственных ценных бумаг Российской Федерации и др.

Приведенные примеры – лишь незначительная часть того широкого спектра публичных задач в сфере финансовой деятельности, которые решаются кредитными организациями на современном этапе развития финансовых правоотношений. С этой целью автором предложены особые типы финансовой правосубъектности кредитных организаций (субсидиарная и акцессорная), которые позволяют на основе имеющихся доктринальных разработок осуществлять эффективное правовое регулирование их деятельности как участников частно-публичных правоотношений [9, с. 51-53; 10].

Кредитные организации в силу их исключительной правоспособности осуществлять банковские операции, по сути, имеют финансовую правосубъектность во всех подотраслях и институтах финансового права. Особым случаем участия кредитных организаций в финансовых правоотношениях

⁴ В России к 2021 г. количество наличных денег в обращении увеличилось на 57,5 % (за последние 5 лет) // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/> (дата обращения: 29.01.2024).

является факт их присутствия на нижнем уровне банковской системы. С целью обеспечения финансовой устойчивости кредитных организаций государство в лице Центрального банка Российской Федерации осуществляет не только правовое регулирование названной финансовой устойчивости, но и принимает иные меры по ее гарантированию, обеспечивая тем самым доверие к банковскому сектору экономики, прилив в нее капитала и, соответственно, кредитование экономики, включая финансирование дефицита бюджетов публично-правовых образований.

Также кредитные организации обеспечивают поступление налоговых и прочих фискальных платежей в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации, участвуют в отношениях по размещению временно свободных денежных средств бюджетов бюджетной системы, участвуют в проведении различных видов финансового контроля (налогового, валютного, в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и др.), что свидетельствует об активной социальной составляющей в их финансовой деятельности.

По справедливому высказыванию Я.А. Гейвандова, «социальная сущность банковской системы и банковской деятельности, как и всей денежно-кредитной сферы» [11, с. 34]. Государство, с одной стороны, поощряет и стимулирует социальную направленность банковской деятельности (применяя способы диспозитивного воздействия), с другой стороны, привлекает банки для ее реализации (чаще всего используя императивный инструментарий), наконец, регулирует ее саму таким образом (применяя совокупность императивных и диспозитивных начал), чтобы благодаря стабильности банковской системы обеспечивалась социальная стабильность в обществе.

Таким образом, социальный облик финансового права в последние три десятилетия стал многоликим, поскольку все элементы системы финансового права, число которых в эти годы значительно возросло, пронизаны реализацией принципа социальной направленности финансовой деятельности государства на основе закрепленных в Конституции Российской Федерации основ социального государства и провозглашения Российской Федерации в качестве такового.

Список источников

1. Азнагулова Г.А., Гаунова Ж.А., Еремина О.Е. и др. Право как созидатель новой социальной реальности / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Проспект, 2024. 304 с.
2. Беликов Е.Г. Становление Российской Федерации как социального государства: финансово-правовые аспекты. М.: Изд-во Юрлитинформ, 2015. 160 с. <https://elibrary.ru/trxvnnv>
3. Финансовое право / отв. ред. Н.И. Химичева. М.: Изд-во БЕК, 1997. 525 с.
4. Финансовое право / отв. ред. Н.И. Химичева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 803 с. <https://elibrary.ru/qqlhkt>
5. Кучеров И.И., Поветкина Н.А., Журавлева О.О., Хаванова И.А., Борисенко Е.А. Финансовое законодательство // Научные концепции развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2024. 656 с.
6. Беликов Е.Г. Проблемы финансово-правового обеспечения развития Российской Федерации как социального государства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. 22 с. <https://elibrary.ru/zqcraj>
7. Рыбакова С.В. Инициативное бюджетирование как новая категория бюджетного права // Финансовое право. 2022. № 5. С. 12-18. <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2022-5-12-18>, <https://elibrary.ru/wznzyt>
8. Журавлева О.О. Справедливость как принцип налогового права // Союз криминалистов и криминологов. 2022. № 4. С. 77-83. <https://doi.org/10.31085/2310-8681-2022-4-216-77-83>, <https://elibrary.ru/trxabh>
9. Рыбакова С.В. Финансовая правосубъектность кредитных организаций // Журнал российского права. 2017. № 9 (249). С. 47-54. https://doi.org/10.12737/article_599d74420102b9.21368460, <https://elibrary.ru/zgfukd>
10. Рыбакова С.В. Акцессорная правосубъектность кредитных организаций: к постановке проблемы // Финансовое право. 2015. № 2. С. 9-12. <https://elibrary.ru/tjhzdl>
11. Гейвандов Я.А. Социальные и правовые основы банковской системы Российской Федерации. М.: Аванта+, 2003. 496 с. <https://elibrary.ru/qqdwjn>

References

1. Aznagulova G.A., Gaunova Zh.A., Eremina O.E. et al. (2024). *Pravo kak sozidatel' novoi sotsial'noi real'nosti* [Law as the Creator of a New Social Reality]. Moscow, Prospekt Publ., 304 p. (In Russ.)
2. Belikov E.G. (2015). *Stanovlenie Rossiiskoi Federatsii kak sotsial'nogo gosudarstva: finansovo-pravovye aspekty* [Development of the Russian Federation as a Social State: Financial and Legal Aspects]. Moscow, Urlitinform Publ., 160 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/trxvny>
3. Khimicheva N.I. (executive ed.). (1997). *Finansovoe pravo* [Financial Law]. Moscow, BEK Publ., 525 p. (In Russ.)
4. Khimicheva N.I. (executive ed.). (2008). *Finansovoe pravo* [Financial Law]. Moscow, Norma Publ., 803 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qqlhkt>
5. Kuchеров I.I., Povetkina N.A., Zhuravleva O.O., Khavanova I.A., Borisenko E.A. (2024). *Finansovoe zakonodatel'stvo* [Financial Legislation]. *Nauchnye kontseptsii razvitiya rossiiskogo zakonodatel'stva* [Scientific Concepts for the Development of Russian Legislation]. Moscow, Norma Publ., 656 p. (In Russ.)
6. Belikov E.G. (2016). *Problemy finansovo-pravovogo obespecheniya razvitiya Rossiiskoi Federatsii kak sotsial'nogo gosudarstva: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Problems of Financial and Legal Support for the Development of the Russian Federation as a Social State. Dr. habil. (Law) diss. abstr.]. Saratov, 22 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zqcray>
7. Rybakova S.V. (2022). Participatory budgeting as a new budget law category. *Finansovoe pravo = Financial Law*, no. 5, pp. 12-18. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2022-5-12-18>, <https://elibrary.ru/wznzyt>
8. Zhuravleva O.O. (2022). The equity as a principle of tax law. *Soyuz kriminalistov i kriminologov = The Union of Criminalists and Criminologists*, no. 4, pp. 77-83. <https://doi.org/10.31085/2310-8681-2022-4-216-77-83>, <https://elibrary.ru/trxabh>
9. Rybakova S.V. (2017). Financial legal personality of the credit organizations. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 9 (249), pp. 47-54. (In Russ.) https://doi.org/10.12737/article_599d74420102b9.21368460, <https://elibrary.ru/zgfukd>
10. Rybakova S.V. (2015). Accessory legal standing of credit organizations: on the problem statement. *Finansovoe pravo = Financial Law*, no. 2, pp. 9-12. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tjhzdl>
11. Geivandov Ya.A. (2003). *Sotsial'nye i pravovye osnovy bankovskoi sistemy Rossiiskoi Federatsii* [Social and Legal Foundations of the Banking System of the Russian Federation]. Moscow, Avanta+ Publ., 496 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qqdwnj>

Поступила в редакцию / Received 01.02.2024

Поступила после рецензирования / Revised 14.03.2024

Принята к публикации / Accepted 18.03.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО SUBSTANTIVE LAW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.3/.7

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-41-53>

Шифр научной специальности 5.1.4

Соотношение проектов статей, предусматривающих составы преступлений в сфере незаконного оборота и применения оружия, основанного на новых физических принципах, с действующим уголовным законодательством

© АБАСАЛИЕВА Элона Энверовна,

соискатель ученой степени кандидата юридических наук, кафедра уголовного права и криминологии, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», Российская Федерация, Республика Дагестан, 367000, г. Махачкала, ул. Коркмасова, 8, <https://orcid.org/0009-0003-3763-4170>, elonaabasalieva@gmail.com

Аннотация

Целью исследования является проведение уголовно-правового анализа статей 355 и 356 Уголовного кодекса РФ, предусматривающих ответственность за оборот и применение оружия массового поражения, выявление особенностей их норм, а также соотношение с проектами статей, включающих в себя составы преступлений в сфере незаконного оборота и применения оружия, основанного на новых физических принципах (ОНФП). Использованы общие и частные научные методы: проведен анализ норм национального и международного законодательства, устанавливающего запрет оборота оружия массового поражения, а также изучены научные подходы ученых в области международного гуманитарного права, международного публичного права и сравнительного правоведения. Доказано принципиальное различие составов преступлений, предусмотренных статьями 355 и 356 Уголовного кодекса РФ, устанавливающих уголовную ответственность за оборот и применение оружия массового поражения и составов преступлений, предусмотренных проектами статей 222.3. и 222.4. Уголовного кодекса РФ о запрете незаконного оборота и применения оружия, основанного на новых физических принципах. Обоснована необходимость их разграничения и, соответственно, целесообразность криминализации преступных деяний, совершаемых с применением оружия, основанного на новых физических принципах. Результаты научного исследования прошли апробацию в ходе проведения Международных научных чтений «Право. Адвокатура. Нотариат», организованных Российской академией адвокатуры и нотариата 19 апреля 2023 г., а также в рамках проведения III Международной научной студенческой конференции «Актуальные проблемы международного права в контексте вызовов поддержанию мира и безопасности», организованной Московским государственным институтом международных отношений (МГИМО) МИД России 25 апреля 2023 г. и других научно-практических мероприятий. Сформулированные в исследовании предложения могут быть использованы в законотворческом процессе, а также при установлении уголовной ответственности в правоприменительной практике действующих уголовно-правовых норм.

Ключевые слова

основанное на новых физических принципах оружие, «оружие направленной энергии», нейротехнологии, «целевое лицо», «калейдоскоп», криминализация незаконного оборота оружия, «киберпытка», целенаправленное убийство, оружие массового поражения, статья 355 Уголовного кодекса РФ, статья 356 Уголовного кодекса РФ

Для цитирования

Абасалиева Э.Э. Соотношение проектов статей, предусматривающих составы преступлений в сфере незаконного оборота и применения оружия, основанного на новых физических принципах, с действующим уголовным законодательством // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1. С. 41-53. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-41-53>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-41-53>

Correlation of the draft articles providing for the crimes elements in the field of illegal trafficking and weapons use based on new physical principles with the current criminal legislation

© Elona E. ABASALIEVA,

PhD Student (Law), Criminal Law and Criminology Department, Dagestan State University, 8, Korkmasova St., Makhachkala, 367000, Republic of Dagestan, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0003-3763-4170>, elonaabasalieva@gmail.com

Abstract

The purpose of the study is to conduct a criminal law analysis of Articles 355 and Articles 356 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provide for liability for the circulation and use of weapons of mass destruction, to identify the features of their norms, as well as the relationship with the draft articles, which include the elements of crimes in the field of illicit trafficking and use of weapons based on new physical principles. The author of the scientific article used general and private scientific methods: the analysis of the norms of national and international legislation prohibiting the circulation of weapons of mass destruction, as well as the scientific approaches of scientists in the field of international humanitarian law, public international law and comparative law have also been studied. The main results of the work consist in the fact that the author of the study proved the fundamental difference between the elements of crimes provided for in Articles 355 and 356 of the Criminal Code of the Russian Federation, establishing criminal liability for the circulation and use of weapons of mass destruction and the elements of crimes provided for in draft Articles 222.3. and 222.4. of the Criminal Code of the Russian Federation on the prohibition of illegal trafficking and use of weapons based on new physical principles. The necessity of their differentiation and, accordingly, the expediency of criminalizing criminal acts committed with the use of weapon based on new physical principles is justified. The results of scientific research were tested during the International Scientific Readings “Law. Bar. Notary”, organized by the Russian Academy of Lawyers and Notaries on April 19, 2023, as well as within the framework of the 3rd International Scientific Student Conference “Current Problems of International Law in the context of challenges to maintaining peace and security”, organized by the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) The Russian Foreign Ministry on April 25, 2023 and other scientific and practical events. The proposals formulated in the study can be used in the legislative process, as well as in establishing criminal liability in the law enforcement practice of existing criminal law norms.

Keywords

weapon based on new physical principles, “directed energy weapons”, neurotechnologies, “target person”, “kaleidoscope”, criminalization of illegal arms trafficking, “cyber torture”, targeted killing, weapons of mass destruction, Article 355 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation

For citation

Abasalieva, E.E. (2024). Correlation of the draft articles providing for the crimes elements in the field of illegal trafficking and weapons use based on new physical principles with the current criminal legislation. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1, pp. 41-53 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-41-53>

Введение

В связи с наличием острой необходимости криминализации общественно-опасных деяний, совершаемых с применением оружия, основанного на новых физических принципах, автором исследования разработан проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», что подтверждается полученным 16 февраля 2023 г. Свидетельством о депонировании объекта интеллектуальной собственности № 138-885-525¹ [1, с. 261; 2].

Предложенным автором законопроектом предлагается дополнить Главу 24 Раздела IX Уголовного кодекса Российской Федерации статьей 222.3. о запрете незаконного оборота оружия, основанного на новых физических принципах. В то же время в пояснительной записке к законопроекту обоснована необходимость дополнения уголовного законодательства статьей 222.4. Уголовного кодекса РФ о запрете незаконного применения оружия, основанного на новых физических принципах².

Под оружием, основанным на новых физических принципах, в проектах статей Уголовного кодекса РФ следует понимать оружие, основанное на качественно новых или ранее не использовавшихся физических, биологических и других принципах действия и технических решениях, базирующихся на достижениях в новых областях знаний и на новых технологиях, а также имеющее принцип нелетального действия (рис. 1)³ [1, с. 261].



Рис. 1. Инфразвуковое оружие – один из видов ОНФП
Fig. 1. Infrasound weapon – one of the types of NPPW

Следует обратить внимание на то, что сотрудники Министерства внутренних дел РФ и Федеральной службы войск национальной гвардии РФ (Росгвардии) неоднократно признавали факт существования и возможность незаконного применения оружия, основанного на новых физических принципах. Кроме того, в ответах на обращения пострадавших (к примеру, А.Я. Петуховой, В.И. Чмутова и др.) представители вышеуказанных органов отмечали, что необходимо возбуждать уголовные дела в случае обнаружения факта его незаконного применения [3, с. 48].

Так, например, на обращение пострадавшего от применения данного вида оружия Виктора Ивановича Чмутова в Аппарат Правительства РФ начальник Уголовно-правового управления Договорно-правового департамента МВД России Дмитрий Сергеевич Рыжов в уведомлении от 15 января 2018 г. № 3/177718460010 прямо указал на то, что в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения, соответствующие деяния могут быть квалифицированы по статье 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), статье 112 УК РФ

¹ Свидетельство о депонировании объекта интеллектуальной собственности Абасалиевой Элоны Энверовны № 138-885-525 от 16 февраля 2023 года // АО «Национальный Реестр интеллектуальной собственности». URL: <https://nris.ru/deposits/deponirovanie-obuektov-intellektualnoj-sobstvennosti/> (дата обращения: 03.05.2023).

² Заявление Абасалиевой Элоны Энверовны члену Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству Федерального Собрания РФ с просьбой внести проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 марта 2023 года. Вх. рег. № от 28 марта 2023 года. URL: https://priemnaya.duma.gov.ru/private_office/citizen/my_message/#user_history (дата обращения: 03.05.2023).

³ Купить инфразвуковой излучатель. URL: <https://all-audio.pro/c18/img/kupit-infrazvukovoy-izluchatel.jpg> (дата обращения: 03.05.2023).

(умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью), статье 115 УК РФ (умышленное причинение легкого вреда здоровью) и статье 355 УК РФ (разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения).

Вместе с тем автор настоящей публикации не разделяет данную точку зрения и считает некорректной квалификацию преступных деяний, совершаемых с применением оружия, основанного на новых физических принципах, по статье 355 Уголовного кодекса РФ.

Целью работы является стремление автора исследования составить собственное представление по спорным аспектам при дифференциации вышеуказанных составов преступлений, чтобы предложить научно обоснованные критерии определения эффективной меры уголовно-правового воздействия в случаях совершения преступлений с применением оружия, основанного на новых физических принципах.

Результаты исследования

Отличия составов преступлений, предусматривающих ответственность за оборот и применение оружия массового поражения, от норм проектов статей 222.3 и 222.4 Уголовного кодекса Российской Федерации о запрете незаконного оборота и применения оружия, основанного на новых физических принципах

Аргументируя свое несогласие с позицией представителя Уголовно-правового управления Договорно-правового департамента МВД России, прежде всего, необходимо отметить ряд аргументов, обосновывающих позицию автора.

Следует подчеркнуть то, что предусмотренные законопроектом диспозиции статей о незаконном обороте и применении оружия, основанного на новых физических принципах, имеют несколько принципиальных отличий от уголовно-правовых норм, устанавливающих запрет оборота и применения оружия массового поражения, то есть статей 355 и 356 Уголовного кодекса РФ.

Во-первых, статьей 355 Уголовного кодекса РФ установлена ответственность за разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт химического, биологического, токсинного, а также другого вида оружия мас-

сового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации⁴.

Вместе с тем часть 2 статьи 356 Уголовного кодекса РФ предусматривает запрет применения оружия массового поражения, запрещенного международным договором РФ.

Необходимо отметить то, что диспозиции действующих статей 355 и 356 Уголовного кодекса РФ устанавливают запрет и применение оружия массового поражения, предусмотренного исключительно международным договором.

Среди международных правовых актов, регулирующих оборот оружия массового поражения, участницей которых является Российская Федерация, необходимо выделить:

1. Договор о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 г. (ДНЯО)⁵, ратифицированный Советским Союзом (СССР) 24 ноября 1969 г. В этой связи отметим то, что Российская Федерация является правопреемником СССР по выполнению этого договора.

2. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г.⁶, подписанный от имени Российской Федерации в городе Нью-Йорке 24 сентября 1996 г.

3. Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой⁷ (известен и как Московский договор), который был подписан 5 августа 1963 г. в Москве.

4. Венскую Конвенцию о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.⁸, которая была ратифицирована СССР в 1986 г. Российская Федерация стала правопреемником СССР по выполнению данного договора.

5. Международную конвенцию о борьбе с актами ядерного терроризма от 13 апре-

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁵ Договор о нераспространении ядерного оружия от 01.07.1968 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. № 14. Ст. 118.

⁶ Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний от 24.09.1996 // Дипломатический вестник МИД РФ. 1996. № 10. С. 38-59.

⁷ Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой от 05.08.1963 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. № 42. Ст. 431.

⁸ Венская Конвенция о праве международных договоров от 23.05.1969 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

ля 2005 г.⁹, подписанную Российской Федерацией 14 сентября 2005 г. и ратифицированную 07 июля 2007 г.

6. Конвенцию о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 18 мая 1977 г.¹⁰, разработка которой была инициирована СССР. Конвенция вступила в силу 05 октября 1978 г., и Российская Федерация является правопреемником СССР по выполнению договоренностей данной конвенции.

Соответственно, нормы статей 355 и 356 Уголовного кодекса РФ о запрете оборота и применения оружия массового поражения ограничены рамками норм вышеуказанных международных правовых актов и, прежде всего, нормами Договора о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 г. Однако данный международный договор обязывает ядерные державы не передавать неядерным странам ядерное оружие и осуществлять контроль над ним, не помогать им в его приобретении или производстве. Следовательно, он не содержит запрета незаконного оборота и применения оружия, основанного на новых физических принципах.

Вместе с тем организацией, которая осуществляет контроль за соблюдением норм Договора о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 г. со стороны государств-участниц, является Международное агентство по атомной энергии (сокр. МАГАТЭ, англ. International Atomic Energy Agency, сокр. IAEA).

Однако следует отметить тот факт, что МАГАТЭ уполномочено осуществлять проверку обязательств государств-участниц только по нераспространению ядерного материала и его уничтожению в случае накопления¹¹. Соответственно, у МАГАТЭ отсутствуют полномочия по контролю за незаконным оборотом и применением оружия, основанного на

новых физических принципах, находящегося на территории Российской Федерации.

Во-вторых, объектом преступлений, предусмотренных статьями 355 и 356 Уголовного кодекса РФ, являются общественные отношения, возникающие по поводу совершения актов оборота и применения оружия массового поражения, как преступлений против мира и безопасности человечества.

Объектом преступлений, предусмотренных проектами статей 222.3. и 222.4. Уголовного кодекса РФ, являются общественные отношения, возникающие по поводу совершения актов незаконного оборота и применения оружия, основанного на новых физических принципах, как преступлений против общественной безопасности.

Следовательно, различны объекты рассматриваемых преступлений.

В-третьих, оружие, основанное на новых физических принципах, кардинальным образом отличается по своим свойствам от оружия массового поражения.

Оружие, основанное на новых физических принципах, действует узконаправленно, пучок энергии, то есть излучение может направляться в цель – в конкретного человека, а именно в конкретный орган и область организма пострадавшего. Например, члены преступного сообщества (преступной организации) направляют оружие в область внутренних органов жертвы, в область его головы, рук или ног поочередно, ежедневно меняя режим интенсивности и область применения (рис. 2)¹².

Такие криминальные деяния юрист С.Я. Ворошилов назвал «калейдоскоп» [4, с. 6]. Поэтому само оружие в США и других странах Западной Европы оправданно называют «directed energy weapon», то есть «оружие направленной энергии» (ОНЭ) (рис. 3)¹³.

⁹ Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма от 13.04.2005 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 33. Ст. 3819.

¹⁰ Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 10.12.1976. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml (дата обращения: 12.04.2023).

¹¹ Основные гарантии МАГАТЭ. URL: <https://www.iaea.org/ru/temy/osnovy-garantiy-magate> (дата обращения: 02.05.2023).

¹² “Targeted individual” from Spain. Available at: <https://www.stopeg.es/> (accessed: 21.12.2023); Cuba Psionic Weapons Attack: Brain Scans Confirm 40 Victims Were Hit... by Something. Available at: <https://stillnessinthestorm.com/> (accessed: 01.07.2023)

¹³ Acoso electrónico vecinal organizado (организованное электронное преследование соседей). Available at: <https://www.stopeg.es/home.htm?tid=1429609026> (accessed: 10.04.2023); Directed-energy weapon. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Directed-energy_weapon (accessed: 02.05.2023).

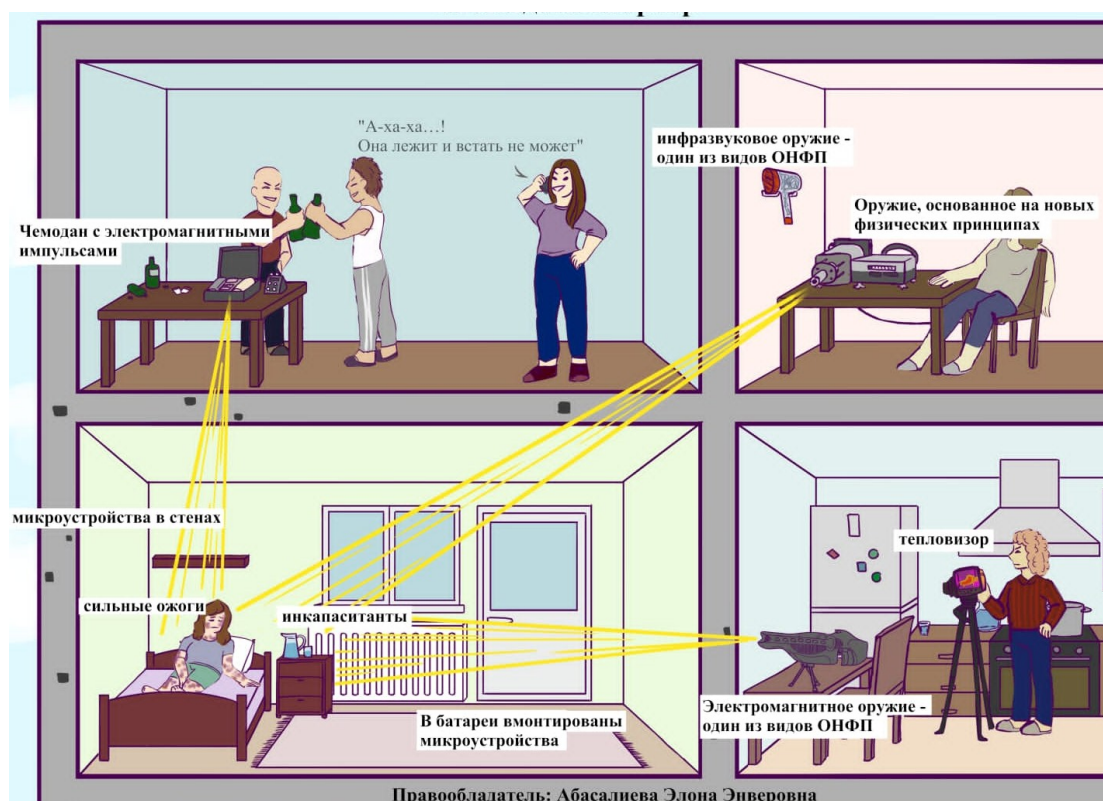


Рис. 2. Незаконное применение оружия, основанного на новых физических принципах (ОНФП), из соседних квартир¹⁴

Fig. 2. Illegal use of weapons based on new physical principles (NPPW) from neighboring apartments

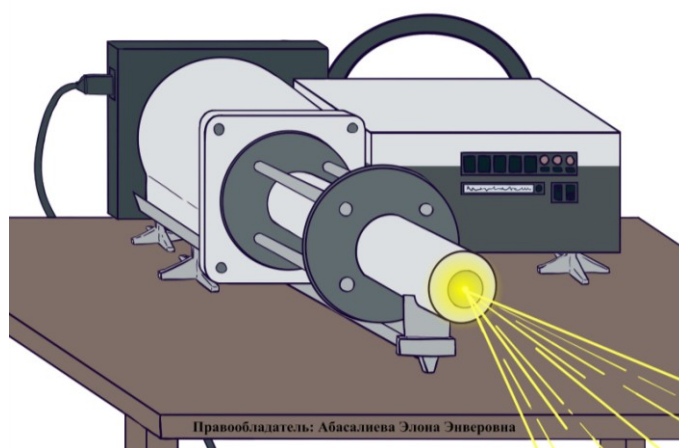


Рис. 3. Оружие, основанное на новых физических принципах («Оружие направленной энергии»)¹⁵

Fig. 3. Weapons based on new physical principles ("Directed energy weapons")

¹⁴ Правообладателем рисунка 2 «Незаконное применение оружия, основанного на новых физических принципах (ОНФП), из соседних квартир» является автор исследования Абасалиева Элона Энверовна. Рисунок изготовлен по договору авторского заказа.

¹⁵ Правообладателем рисунка 3 «Оружие, основанное на новых физических принципах («Оружие направленной энергии»))» является автор исследования Абасалиева Элона Энверовна. Рисунок изготовлен по договору авторского заказа.

И, напротив, действие ядерного оружия основано на поражающих факторах ядерного или термоядерного взрыва, радиус поражения которого составляет от нескольких километров до нескольких сотен километров.

Следовательно, область поражения рассматриваемыми видами оружия кардинальным образом различается. Соответственно, имеются отличия в предмете, способе и орудии преступлений.

В-четвертых, отличие состоит и в том, что оружие, основанное на новых физических принципах, действует целенаправленно в отношении индивидуального пострадавшего, поэтому жертву незаконного применения такого оружия называют “target”, то есть «цель» в переводе с английского языка, или “target individual”, то есть «целевое лицо», или «живая мишень». Так, например, 29 августа 2019 г. пострадавшими от применения «оружия направленной энергии», так называемыми «целевыми лицами», проводились глобальные митинги одновременно в 21 городе земного шара¹⁶ (рис. 4). В руках они держали плакаты с надписями “target individual”, “targeted individual day”, “stop targeting”, что в переводе с английского языка означает «целевое лицо», «день жертв целенаправленного уничтожения», «остановите целенаправленное уничтожение».

Вышеуказанную трактовку принципа действия оружия, основанного на новых физических принципах, можно встретить в ряде научных исследований ученых и юристов, рассматривавших вышеуказанную сферу преступности с криминологических, криминалистических и технических позиций, например, Г.П. Лозовицкой, С.Я. Ворошилова, В.В. Савлущинского, Н.П. Новицкой, П.Д. Баренбойм, О.С. Почечуевой, А.А. Невмоненко, Е.Н. Чиркова и др. [5, с. 17; 6, с. 174; 7, с. 4, 6; 8, с. 100; 9, с. 1; 10, с. 1; 11; 12, с. 68-69].

И, напротив, применение оружия массового поражения, к примеру, ядерного оружия, может привести к одновременной гибели большого количества жертв, например, в результате ядерного взрыва, с поражением

недвижимых объектов. Так, вследствие применения ядерного оружия, осуществленного Вооруженными силами США в отношении японских городов Хиросима и Нагасаки в августе 1945 г., погибло более полумиллиона человек (рис. 5)¹⁷.

Таким образом, ядерное оружие влечет массовое поражение жертв и окружающей территории с находящимися на ней строениями, в то время как оружие, основанное на новых физических принципах, обычно применяется в отношении одного конкретного «целевого лица».

В частности, М.Ш. Гедиев и Р.А. Пыхтин отмечают, что авторы, то есть авторы научных исследований в области международного и сравнительного права, такие как Г.Н. Борзенков, В.С. Комиссаров, Е.Н. Трикоз, А.Г. Кибальник, И.Г. Соломоненко, Л.В. Иногамова-Хегай, И.И. Бикеев, солидарны в том, что одним из главных признаков оружия массового поражения является неизбирательный характер его воздействия [13, с. 194; 14, с. 361-362; 15, с. 264; 16, с. 160; 17, с. 208; 18, с. 169].

Аналогичной точки зрения придерживаются специалисты Министерства обороны РФ, которые относят к оружию массового поражения виды оружия, способные вызвать массовые потери и разрушения вплоть до необратимых изменений окружающей среды¹⁸. Кроме того, ими подчеркивается, что оружие на новых физических принципах по своей эффективности не уступает, а даже превосходит уже известные виды оружия массового поражения.

¹⁷ Сумитэру Танигучи. Выживший во время ядерного взрыва в Нагасаки 9 августа 1945 г. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Sumiteru_Taniguchi (дата обращения: 12.04.2023).

Фотография Танигучи, сделанная фотографом морской пехоты США Джо О'Доннеллом 31 января 1946 г., была представлена на нескольких выставках и в настоящее время хранится в Музее атомной бомбы Нагасаки. Этот файл является работой морского пехотинца США, созданной в рамках исполнения служебных обязанностей. Поскольку это работа федерального правительства США, она находится в общественном достоянии. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Sumiteru_Taniguchi_back.jpg (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁸ Оружие массового поражения (ОМП) // Официальный сайт Министерства обороны Российской Федерации. URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=13769%40morfDictionary> (дата обращения: 10.04.2023).

¹⁶ Целевые лица по всему миру начинают мобилизовываться (Targeted individuals all around the Globe are starting to mobilize). URL: <https://stillnessinthestorm.com/2019/11/targeted-individuals-all-around-the-globe-are-starting-to-mobilize/> (дата обращения: 12.04.2023).



Рис. 4. Митинги пострадавших («целевых лиц») от применения оружия, основанного на новых физических принципах, 29 августа 2019 г.

Fig. 4. Rallies of victims (“targeted persons”) from the use of weapons based on new physical principles, 29 August, 2019



Рис. 5. Сумитэру Танигучи. Выживший во время ядерного взрыва в Нагасаки 9 августа 1945 года
Fig. 5. Sumiteru Taniguchi. Survivor of the nuclear explosion in Nagasaki on the 9th of August, 1945

В-пятых, ни одним из действующих международных договоров не предусмотрена ответственность за незаконное применение и оборот оружия, основанного на новых физических принципах, которое разработано, произведено, приобретено или применяется на территории Российской Федерации.

Кроме того, в мировой практике нет такого документа, договора или конвенции, который бы имел статус международного и предусматривал бы запрещение незаконного оборота и применения оружия, основанного на новых физических принципах, государствами-участниками, подписавшими его.

Ряд ученых в области международного права в своих исследованиях указывали на наличие данного пробела. В частности, об этом заявлял профессор Международного права Университета Глазго Нилс Мельцер,

будучи Специальным докладчиком Организации Объединенных Наций по пыткам и другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания (рис. 6)¹⁹. В монографии «Целенаправленное убийство в Международном праве» Нилс Мельцер анализирует правовую базу и судебную практику, которые посвящены вопросам применения государствами смертоносной силы против отдельных лиц²⁰ [19, с. 6].

Исходя из вышеизложенного, мировому сообществу необходимо объединить усилия



Рис. 6. Нилс Мельцер – Специальный докладчик Организации Объединенных Наций (ООН) по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания

Fig. 6. Nils Melzer – United Nations Special rapporteur on torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment

¹⁹ ПРОРЫВ. Злоупотребление технологиями, психология и домогательства сливаются в пытку без прикосновения, также известную как киберпытка. Представляем новаторский отчет Нилса Мельцера, эксперта Организации Объединенных Наций по пыткам. URL: <https://thelegalcoop.wordpress.com/2020/03/breakthrough-cyber-torture-united-nations-expert-report/> (дата обращения: 10.04.2023).

«Пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания». Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. URL: <https://thelegalcoop.files.wordpress.com/2020/03/n-melzer-united-nations-report-on-psychological-torture.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

²⁰ Целенаправленное убийство в Международном праве – Targeted Killing in International Law. URL: https://ru.zahn-info-portal.de/wiki/Targeted_Killing_in_International_Law (дата обращения: 10.04.2023).

и урегулировать запрет оборота и применения данного вида оружия в отношении мирного населения, а также выработать комплекс мер, направленных на противодействие распространению транснациональных преступных сообществ, отразив их результаты, в том числе, и в международных соглашениях, и в нормах национальных уголовных законодательств.

В-шестых, состав преступления, предусмотренный статьей 355 Уголовного кодекса РФ, включает в себя ограниченное число преступных действий, образующих объективную сторону преступления, а именно пять деяний, совершаемых с применением оружия массового поражения, такие как:

- 1) разработка,
- 2) производство,
- 3) накопление,
- 4) приобретение,
- 5) сбыт.

Предлагаемый автором исследования законопроект статьи 222.3. Уголовного кодекса РФ предусматривает полный комплекс альтернативных действий, входящих в понятие «оборот оружия», а именно следующие незаконные деяния, совершаемые с применением оружия, основанного на новых физических принципах:

- 1) разработка,
- 2) производство,
- 3) приобретение,
- 4) передача,
- 5) сбыт,
- 6) хранение,
- 7) перевозка,
- 8) пересылка.

Таким образом, передача, хранение, перевозка и пересылка оружия, основанного на новых физических принципах, наиболее полно отражает степень общественной опасности его применения, а также объективную сторону преступных деяний, и соответствует общепризнанным способам совершения преступления.

Российский законодатель регламентирует понятие и отчасти запрет такого вида оружия в Военной доктрине РФ от 25 декабря 2014 г. № Пр-2976²¹ и в Федеральном законе РФ «Об

²¹ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976) // Российская газета. 2014. № 298.

оружии» от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ²² [1, с. 260]. Однако преступные деяния, состоящие в его незаконном обороте и применении, не отражены в Уголовном кодексе РФ, и это является большим пробелом. В этой связи предлагаемый законопроект учитывает пробелы действующего законодательства.

В-седьмых, новеллой отечественного уголовного законодательства станет статья 222.4. Уголовного кодекса РФ, которая предусмотрит уголовную ответственность за незаконное применение оружия, основанного на новых физических принципах, осуществление которого не предусмотрено диспозицией части 2 статьи 356 Уголовного кодекса РФ.

Принципиальное отличие от диспозиции вышеуказанной статьи состоит в субъекте преступления, поскольку в предлагаемом законопроекте предусмотрена уголовная ответственность не государства в целом, а членов организованных преступных групп и преступных сообществ, которые незаконно применяют его в отношении пострадавших людей.

В-восьмых, часть 2 статьи 356 Уголовного кодекса РФ предусматривает запрет применения оружия массового поражения только в качестве средств ведения войны, в то время как жертвами от применения оружия, основанного на новых физических принципах, являются мирные российские граждане, страдающие от его применения в мирное время.

Как известно, незаконный оборот оружия, основанного на новых физических принципах, осуществляется зачастую членами организованных преступных групп и преступных сообществ (преступных организаций) для последующего незаконного применения данного вида оружия в отношении пострадавшего и носит длительный характер его применения, то есть характер, свойственный для истязаний, пыток²³ (рис. 7²⁴).

²² Об оружии: Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 51. Ст. 5681.

²³ Targeted individual from Spain. Available at: <https://www.stopeg.es/> (accessed: 21.12.2023)

²⁴ Правообладателем рисунка 7 «Незаконное применение оружия, основанного на новых физических принципах (ОНФП), из автомобилей и соседних домов в отношении «целевого лица» является автор исследования Абасалиева Элона Энверовна. Рисунок изготовлен по договору авторского заказа.

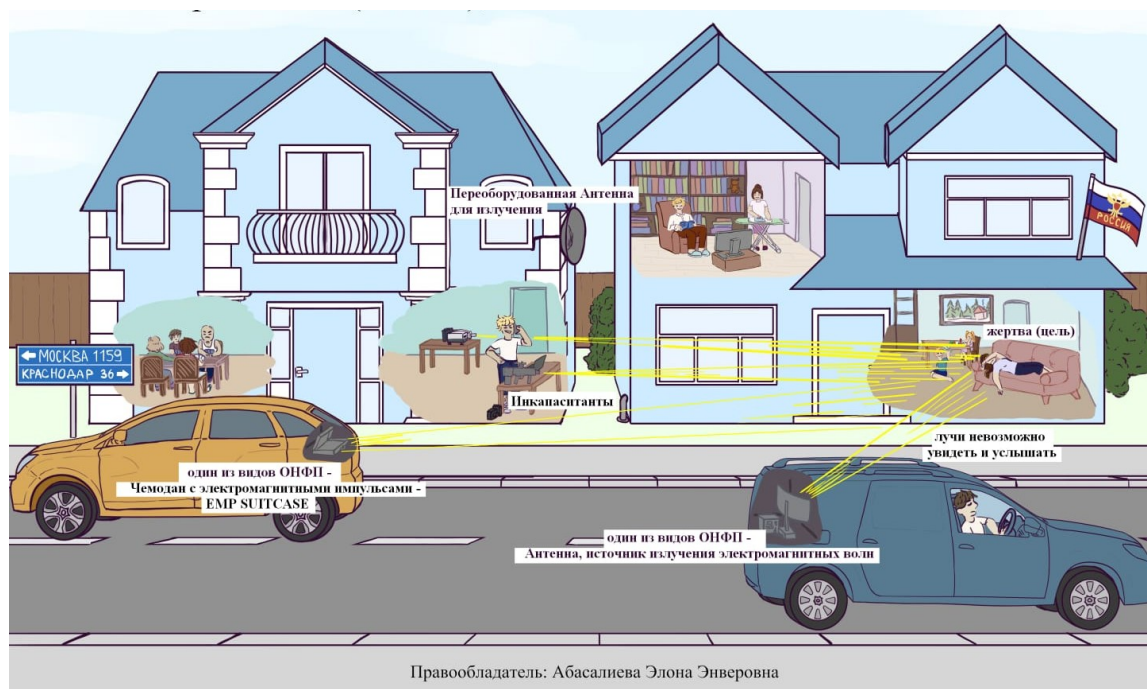


Рис. 7. Незаконное применение оружия, основанного на новых физических принципах (ОНФП), из автомобилей и соседних домов в отношении «целевого лица»
Fig. 7. Illegal use of weapons based on new physical principles (NPPW) from cars and neighboring houses against the “target person”

Именно длительное применение преступниками – садистами по своим психологическим качествам, оружия, основанного на новых физических принципах, в руках которых оно превращается в орудие пыток, и предлагается указать в статье 222.4 Уголовного кодекса РФ в качестве уголовного наказуемого деяния [20, с. 1-7; 3, с. 48].

Вместе с тем криминализация деяний, состоящих в незаконном применении оружия, основанного на новых физических принципах, и определение их в качестве отдельной уголовно наказуемой категории преступления позволит, в том числе, осуществлять статистический учет таких преступлений.

Как следует из информации, полученной от заместителя начальника Главного управления Судебного департамента при Верховном суде РФ Ю.С. Егорова, в данный момент учет дел по преступлениям, совершаемым с применением оружия, основанного на новых физических принципах, в автоматизированной системе судебного делопроизводства не ведется именно ввиду отсутствия специальной уголовно-правовой нормы [3, с. 49].

Заключение

На основании вышеизложенного можно сформулировать несколько выводов.

1. Составы преступлений, установленные статьями 355 и 356 Уголовного кодекса РФ, не совпадают с составами преступлений, предусмотренных нормами проектов статей 222.3 и 222.4 Уголовного кодекса РФ.

2. При разграничении данных преступлений следует исходить из различий в признаках составов преступлений. В связи с этим одной из важных целей, стоящих перед отечественным законодателем, является совершенствование Уголовного кодекса РФ в части уголовно-правовой охраны отношений в сфере общественной безопасности.

3. Важнейшая роль в противодействии незаконному обороту и применению оружия, основанному на новых физических принципах, должна отводиться уголовно-правовому регулированию на национальном и международном уровнях.

4. Криминализация деяний, совершаемых с применением оружия, основанного на

новых физических принципах, приведет к устранению пробелов законодательства.

Несомненно, принятие законодателем специальной уголовно-правовой нормы о запрете незаконного применения оружия,

основанного на новых физических принципах, по аналогии с введением статьи 356 Уголовного кодекса РФ, будет способствовать объективной реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности.

Список источников

1. *Абасалиева Э.Э.* Научно-исследовательские проблемы в области правоприменительной практики в сфере незаконного оборота оружия, основанного на новых физических принципах // *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 4 (220). С. 259-262. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_4_259, <https://elibrary.ru/vwcyna>
2. *Абасалиева Э.Э.* Проблемы реализации законодательства о незаконном обороте оружия, поражающего излучением // *ЛОМОНОСОВ-2023: материалы Междунар. молодежного науч. форума*. М.: МАКС Пресс, 2023. С. 1-2.
3. *Абасалиева Э.Э.* Совершенствование правотворчества на основе анализа эффективности правовых норм, регулирующих оборот и применение оружия, основанного на новых физических принципах // *Российский судья*. 2023. № 10. С. 46-50. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2023-10-46-50>, <https://elibrary.ru/qbfugj>
4. *Ворошилов С.Я.* Невидимый террор // *Красноярская версия*. 2009. № 09 (179). 7 с.
5. *Лозовицкая Г.П.* Проблемы противодействия высокотехнологичной и цифровой преступности // *Вестник Восточно-Сибирской открытой Академии*. 2023. № 50 (50). Ст. 9. <https://elibrary.ru/pqgzxh>
6. *Ворошилов С.Я., Лозовицкая Г.П.* Оружие, поражающее излучением, как средство совершения преступлений // *Труды Академии управления МВД России*. 2017. № 4 (44). С. 174-179. <https://elibrary.ru/ymidsz>
7. *Савлущинский В.В., Капкович М.И., Савик С.А., Зырянов А.В.* Физиологические основы информационно-психологического воздействия. Минск: БНТУ, 2022. 86 с.
8. *Новицкая Н.П.* Техника и технологии изменения человека и проблемы правового обеспечения информационно-психологической (психофизической) безопасности человека в сфере научно-исследовательских разработок // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2020. № 2-2 (92). С. 99-112. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.92.2.054>, <https://elibrary.ru/huetpn>
9. *Баренбойм П.Д.* Электромагнитные бандиты // *Адвокатская газета*. М., 2014. № 16 (177).
10. *Почечуева О.С.* Электромагнитная пытка // *Адвокатская газета*. М., 2020. № 23 (328).
11. *Почечуева О.С.* Электромагнитные излучения, намеренно направленные на вас. М.: ЛУМ, 2015. 34 с.
12. *Невмоленко А.А., Чирков Е.Н.* Проблемы использования в органах внутренних дел оружия, основанного на новых физических принципах // *Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина*. 2016. № 1 (27). С. 67-70. <https://elibrary.ru/vvdmhv>
13. *Гедиев М.Ш., Пыхтин Р.А.* Понимание оружия массового поражения // *Общество и право*. 2011. № 3 (35). С. 194-197. <https://elibrary.ru/ookskx>
14. *Курс уголовного права / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова*. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. Т. 5. Особенная часть. 512 с.
15. *Трикоз Е.Н.* Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. М.: Юрлитинформ, 2007. 504 с. <https://elibrary.ru/qxhmfv>
16. *Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г.* Преступления против мира и безопасности человечества. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 385 с. <https://elibrary.ru/tdltlb>
17. *Иногамова-Хегай Л.В.* Международное уголовное право. СПб.: Юридический Центр-Пресс, 2003. 493 с. <https://elibrary.ru/xsvgjh>
18. *Бикеев И.И.* Оружие массового поражения, материалы или предметы, которые могут быть использованы при создании такого оружия, как предметы преступления по российскому уголовному праву // *Уголовное право: стратегия развития в XXI веке*. М., 2008. 272 с.
19. *Мельцер Н.* Целенаправленное убийство в международном праве. Оксфорд: Изд-во Оксфорд. ун-та, 2008. 524 с.
20. *Абасалиева Э.Э.* Криминологический портрет исполнителя преступлений, совершаемых с применением оружия, основанного на новых физических принципах // *Вестник Восточно-Сибирской открытой академии*. 2023. № 49 (49). Ст. 2. <https://elibrary.ru/bogcym>

References

1. Abasaliyeva E.E. (2023). Research problems in the field of law enforcement practice in the field of illegal arms trafficking based on new physical principles. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, no. 4 (220), pp. 259-262. (In Russ.) https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_4_259, <https://elibrary.ru/vwcyna>
2. Abasaliyeva E.E. (2023). Problemy realizatsii zakonodatel'stva o nezakonnom oborote oruzhiya, porazhayushchego izlucheniem [Problems of implementing legislation on illicit trafficking in radiation weapons]. *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV-2023»* [Proceedings of the International Youth Scientific Forum "LOMONOSOV-2023"]. Moscow, MAKSS Press, pp. 1-2. (In Russ.)
3. Abasaliyeva E.E. (2023). Improving law-making by analyzing the effectiveness of legal rules governing the proliferation and use of weapons based on new physical principles. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, no. 10, pp. 46-50. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2023-10-46-50>, <https://elibrary.ru/qbfugj>
4. Voroshilov S.Ya. (2009). Nevidimyi terror [Invisible terror]. *Krasnoyarskaya versiya* [Krasnoyarsk Version], no. 09 (179), 7 p.
5. Lozovitskaya G.P. (2023). Problemy protivodeistviya vysokotekhnologichnoi i tsifrovoi prestupnosti [Problems of combating high-tech and digital crime]. *Vestnik Vostochno-Sibirskoi otkrytoi Akademii* [Bulletin of the East Siberian Open Academy], no. 50 (50, art. 9). (In Russ.) <https://elibrary.ru/pqgzxh>
6. Voroshilov S.Ya., Lozovitskaya G.P. (2017). Striking irradiation weapon as a mean of making crimes. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*, no. 4 (44), pp. 174-179. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ymidsz>
7. Savluchinskii V.V., Kapkovich M.I., Savik S.A., Zyryanov A.V. (2022). *Fiziologicheskie osnovy informatsionno-psikhologicheskogo vozdeistviya* [Physiological Basis of Information and Psychological Impact]. Minsk, BNTU Publ., 86 p. (In Russ.)
8. Novitskaya N.P. (2020). Technique and technology of human change and problems of legal support of information and psychological (psychophysical) human security in the field of research. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, no. 2-2 (92), pp. 99-112. (In Russ.) <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.92.2.054>, <https://elibrary.ru/huetpn>
9. Barenboim P.D. (2014). Ehlektromagnitnye bandity [Electromagnetic bandits]. *Advokatskaya gazeta* [Advocate Newspaper], Moscow, no. 16 (177). (In Russ.)
10. Pochechueva O.S. (2020). Ehlektromagnitnaya pytko [Electromagnetic torture]. *Advokatskaya gazeta* [Advocate Newspaper], Moscow, no. 23 (328). (In Russ.)
11. Pochechueva O.S. (2015). *Ehlektromagnitnye izlucheniya, namerenno napravlennye na vas* [Electromagnetic Radiation Intentionally Directed at You]. Moscow, LOOM Publ., 34 p. (In Russ.)
12. Nevmoenko A.A., Chirkov E.N. (2016). Use problem in the internal affairs of weapons based on new physical principles. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina = Vestnik of Putlin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*, no. 1 (27), pp. 67-70. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vvdmvb>
13. Gediev M.SH., Pykhtin R.A. (2011). Ponimanie oruzhiya massovogo porazheniya [Understanding weapons of mass destruction]. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, no. 3 (35), pp. 194-197. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ookskx>
14. Borzenkova G.N., Komissarova V.S. (eds.). (2002). *Kurs ugolovnogo prava* [Criminal Law Course]. Moscow, Publishing Bookselling House "Zertsalo-M", vol. 5. Special part, 512 p. (In Russ.)
15. Trikoz E.N. (2007). *Prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva: sravnitel'nyi i mezhdunarodno-pravovoi aspekty* [Crimes against the Peace and Security of Mankind: Comparative and International Legal Aspects]. Moscow, Uralinform Publ., 504 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qxhmfv>
16. Kibal'nik A.G., Solomonenko I.G. (2004). *Prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva* [Crimes against Peace and Security of Mankind]. St. Petersburg, Law Center Press, 385 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tdltlb>
17. Inogamova-Khegai L.V. (2003). *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo* [International Criminal Law]. St. Petersburg, Law Center Press, 493 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xsvghj>
18. Bikeev I.I. (2008). Oruzhie massovogo porazheniya, materialy ili predmety, kotorye mogut byt' ispol'zovany pri sozdani takogo oruzhiya, kak predmety prestupleniya po rossiiskomu ugolovnomu pravu [Weapons of mass destruction, materials or items that can be used in the creation of such weapons, as objects of crime under Russian criminal law]. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke* [Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century]. Moscow, 272 p. (In Russ.)

19. Mel'tser N. (2008). *Tselenapavlennoe ubiistvo v mezhdunarodnom prave* [Targeted Killing in International Law]. Oxford, Oxford University Press, 524 p. (In Russ.)
20. Abasalieva E.E. (2023). Criminological portrait of the principal offender of crimes committed with the use of weapons based on new physical principles. *Vestnik Vostochno-Sibirskoi otkrytoi akademii* [Bulletin of the East Siberian Open Academy], no. 49 (49), art. 2. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bogcym>

Поступила в редакцию / Received 27.12.2023

Поступила после рецензирования / Revised 01.03.2024

Принята к публикации / Accepted 18.03.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.964.1

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-54-61>

Шифр научной специальности 5.1.2, 5.1.3

К вопросам обращения взыскания по налоговой задолженности в исполнительном производстве

© ЗАРУБИН Алексей Вячеславович,

соискатель, кафедра гражданского процесса, ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»,
Российская Федерация, 660041, г. Красноярск, просп. Свободный, 79, <https://orcid.org/0000-0003-0139-2678>, zarubin.v-sud@yandex.ru

Аннотация

Рассмотрены позиции различных авторов по вопросам применяемых судебными приставами мер и действий принудительного исполнения и сотрудниками налоговых органов по взысканию налоговой задолженности. Затронута возможность взыскания с должника-гражданина налоговой задолженности за его экономическую деятельность в ликвидированной, находящейся под банкротством компании или при отсутствии у нее собственности, когда гражданин присвоил для себя финансовые суммы без выплаты с них налогов. Предложена передача полномочий по обращению взыскания по налоговой задолженности, составления статистической отчетности от ФНС к ФССП с оставлением функции «наложения ареста» на имущество должника на претензионной стадии урегулирования налоговой задолженности на ФНС, чтобы должнику в последующем невозможно было избежать его взыскания приставом. В связи с этим предполагается вполне логичным сократить численность штата в ФНС и с его увеличение в ФССП. Обосновано введение запрета регистрации фирм-однодневок недостаточностью страховых финансовых и (или) имущественных активов. Обоснована позиция нецелесообразности судебного истребования денежных средств приставом, причитающихся должнику от третьего лица по судебным актам, при наличии подтвержденности причитающихся финансовых или имущественных средств должнику документальными доказательствами, собираемыми по запросам судебного пристава или предоставляемые взыскателем – ФНС, поскольку обращение взыскания приставом на эти средства возможно и без судебного истребования.

Ключевые слова

налоговая задолженность, обращение взыскания, должник, взыскатель, судебный пристав-исполнитель, исполнительное производство

Для цитирования

Зарубин А.В. К вопросам обращения взыскания по налоговой задолженности в исполнительном производстве // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1. С. 54-61. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-54-61>

On issues of foreclosure on tax debt in enforcement proceedings

© Aleksei V. ZARUBIN,

PhD Student, Civil Procedure Department, Siberian Federal University, 79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-0139-2678>, zarubin.v-sud@yandex.ru

Abstract

The positions of various authors on the issues of enforcement measures and actions used by bailiffs and tax officials to collect tax debts are considered. The possibility of collecting tax debt from a debtor-citizen for his economic activities in a liquidated, bankrupt company or in the absence of its property, when the citizen appropriated financial amounts for himself without paying taxes on them, is touched upon. It is proposed to transfer the powers to foreclose on tax debts and compile statistical reports from the Federal Tax Service to the Federal Bailiffs Service, leaving the function of “seizure” of the debtor’s property at the claim stage of settling tax debts to the Federal Tax Service, so that the debtor would subsequently be unable to avoid its collection by a bailiff. In this regard, it is expected to be quite logical to reduce the number of staff in the Federal Tax Service and increase it in the Federal Bailiffs Service. The introduction of a ban on registration of shell companies is justified by the insufficiency of insurance financial and (or) property assets. The position of the inexpediency of judicial collection of funds by a bailiff due to a debtor from a third party under judicial acts is substantiated, if there is confirmation of financial or property funds due to the debtor by documentary evidence collected at the request of a bailiff or provided by the recoverer – the Federal Tax Service, since foreclosure by a bailiff on these funds is possible and without legal recourse.

Keywords

tax debt, foreclosure, debtor, collector, bailiff, enforcement proceedings

For citation

Zarubin, A.V. (2024). On issues of foreclosure on tax debt in enforcement proceedings. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1, pp. 54-61 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-54-61>

Введение

Устанавливаемый минимум налогов конкретизируется суммой денежных средств, которые должны быть собраны, чтобы государство могло осуществлять большинство своих функций [1]. Правильное понимание природы и сущности налога позволяет оптимизировать налоговую политику государства, совершенствовать налоговое законодательство [2]. Именно поэтому Федеральной налоговой службой Российской Федерации (далее – ФНС) к образовавшейся налоговой недоимке, включающей неоплаченный налог, пенью, штраф, налогоплательщика вначале применяются методы добровольного погашения налоговой задолженности, однако, после выявления недоимки налогоплательщику направляется уведомление [3] в электронной форме через сервис Госуслуги, личный кабинет налогоплательщика сервиса ФНС, смс, push-сообщения с требованием погашения налоговой недоимки. По прошествии срока

для добровольной уплаты, после получения налогового уведомления налогоплательщиком, он становится должником, и ФНС формирует по программе автоматизированной информационной системы (АИС) «Налог-3» документы, подтверждающие налоговую задолженность, для последующей их подачи вместе с заявлением в суд либо непосредственно в Федеральную службу судебных приставов Российской Федерации (далее – ФССП) [4]. В связи с этим налоговая задолженность остается актуальной темой в исполнительном производстве и налоговом законодательстве ввиду возникновения вопросов по процедуре ее погашения, исполнения и взыскания. Предметом исследования стали процедура и практика взыскания налоговой задолженности, а соответственно объектом исследования явились правоотношения по порядку взыскания налоговой задолженности судебными приставами и сотрудниками налоговых органов. Целью исследования

встают задачи по разрешению предложенными авторами различных работ по данной тематике вопросов, которые возникают ввиду неясности некоторых процессуальных и практических моментов в деятельности судебных приставов и сотрудников налоговых органов. В частности, степени научной разработанности темы исследования посвящены научные работы следующих авторов: В.А. Баталовой, И.Г. Виноходовой, О.В. Диденко, Е.С. Ефремовой, И.А. Севостьянова, В.А. Суханова, Д.А. Легачевой, Л.К. Чекуевой, Е.В. Овчаровой, В.М. Пищулова, А.Г. Саакян, Д.Г. Бобок, К.Р. Кудиярова, Е.О. Завьяловой, В.И. Завьялова, М.С. Трахановой, Д.Л. Неменовой, Д.А. Сорокина. Задачи исследования: рассмотрение некоторых аспектов процессуального порядка взыскания налоговой задолженности; выявление практических проблем взыскания налоговой задолженности; разрешение проблем взыскания налоговой задолженности. По этим причинам в ходе исследования были использованы логический метод, методы анализа и синтеза, систематизации и обобщения.

Результаты исследования

Наиболее результативными методами принудительной стадии урегулирования налоговой задолженности на взгляд О.В. Диденко, Л.К. Чекуевой являются «приостановление операций по счетам налогоплательщика в банке», «направление инкассового поручения налогового органа для списания средств со счетов налогоплательщика», а также «обращение взыскания на имущество должника» [5, с. 115; 6, с. 5]. В исполнительном производстве применяются все поименованные действия по исполнению налогового задолженности, как требование судебного пристава-исполнителя (далее – пристав), путем направления постановления об аресте (запрете на списание) денежных средств на счет должника, в том числе поступающих на него, либо постановления об обращении взыскания (списании) денежных средств со счета, в том числе поступающих на него, составления акта описи арестовываемого либо взыскиваемого имущества, прав на него должника и последующего вынесения постановления об аресте либо взыскании имущества, прав на него должника и дальнейшей реализации на торгах. Подобные меры являются основными

и помогают приставу исполнить требования исполнительного документа, а иные действия и меры принудительного исполнения, применяемые при погашении налоговой задолженности, являются второстепенными.

Так, В.А. Баталова указывает на то, что причина, отмеченная Конституционным судом России, как «утрата способности взыскать налоги с налогоплательщика – юридического лица», трактуется судами общей юрисдикции шире, то есть как окончание исполнительного производства по целесообразному налоговому требованию по поводу собственно ликвидации, банкротства компании или недостатка у компании собственности для обращения взыскания. «Утрата» не заканчивается окончанием функционирования компании, удалением ее из ЕГРЮЛ или понятием того, что компания служит маскировкой незаконной или полузаконной деятельности гражданина. Это толкование не дает возможности гражданину, наблюдающему за операциями компании, миновать взваливания на гражданина платежа налоговой недоимки. Обращение взыскания по налоговой недоимке компании с гражданина должно быть только тогда, когда гражданин присвоил для себя финансовые суммы без выплаты с них налогов [7, с. 8]. Представляется, что в случаях, когда обращение взыскания с юридических лиц невозможно, пристав обязан в соответствии с налоговым законодательством и Законом об исполнительном производстве взыскивать с граждан, являющихся собственниками имущества компании и его обязательств, которые были возложены на компанию в период его активной деятельности, что конечно не может не сказаться на материальном благополучии данных граждан, однако, это является вполне справедливым, поскольку граждане должны отвечать за свою экономическую деятельность, какая бы она ни была. Упомянутое обстоятельство вполне обеспечивало бы наполнение федерального бюджета за счет подобных взысканий в части недоимки по налогам и сборам, что также является целесообразным и вполне логичной практикой ФССП.

И.Г. Виноходова в своем исследовании отмечает, что когда возбуждается исполнительное производство при неполучении платежа по задолженности в определенные для

добровольного покрытия сроки, лицо обязательно уступить приставам право запрета деятельности по патентам, лицензиям. В целях роста производительности взыскания в течение исполнительного производства допустимо перенести «часть» полномочий по обращению взыскания налоговой задолженности от ФССП к ФНС. Однако для этого требуется расширение штата отделов налоговой службы и пересмотр законодательства. Кроме того отрицательно отражается на производительности взыскания сходная статистическая отчетность по налоговой задолженности, которая создается в управлениях ФНС и ФССП. Подобные средства наблюдения контролирующими лицами за нижестоящими сотрудниками ФНС [8, с. 203] и ФССП не повышают показатели взыскиваемости налоговой задолженности, а укорачивают время, необходимое на исполнение собираемости финансовых ресурсов в бюджет [9, с. 45-46]. Запрет деятельности по патентам, лицензиям может негативно сказаться на внедрении новых технологий в производство и промышленность не только нашей страны, но и за рубежом, поскольку это является важной составляющей экономического развития и возможности дальнейшего взыскания денежных средств в случае получения должником-налогоплательщиком дохода от патента или лицензионной деятельности. Полномочия по обращению взыскания по налоговой задолженности несовместимы со специализацией ФНС, которая должна собирать налоги, налоговые сборы, пени, штрафы и подобные налоговые исчисления на основании налогового законодательства, а не налоговую задолженность, поскольку сбор задолженности по всем видам экономической деятельности – прерогатива ФССП, а «полная» передача полномочий по обращению взыскания по налоговой задолженности с сокращением штата налоговых сотрудников из отделов ФНС, которые занимаются налоговой задолженностью, с увеличением штата приставов ФССП могло бы положительно сказаться на эффективности ее работы и снижении производственной нагрузки. Немаловажной остается только функция ареста имущества, имущественных прав, банковских и иных счетов, которую важно оставить за ФНС и другими органами, у которых перед

ними имеется задолженность у лица, для предотвращения их последующей реализации или утаивания, траты, чтобы должнику невозможно было избежать взыскания приставом данных имущества, прав на него, денежных средств со счетов. Предоставление статистической отчетности по налоговой задолженности необходимо возложить на приставов ФССП ввиду наличия специальных программных средств, в частности АИС ФССП, в которых формируются электронные отчеты у каждого пристава за его исполнительскую деятельность, а в конце года, квартала, полугодия или месяца суммируются в форме общей исполнительской отчетности. В свою очередь общие итоги исполнительской отчетности по налоговой задолженности, сформированной ФССП, могут быть использованы органом ФНС в своей налоговой отчетности, что позволило бы сократить временные затраты налоговых сотрудников на формирование отчетности по налоговой задолженности.

Помимо этого И.Г. Виноходова также выделяет такую проблему как избегание налогоплательщиков от платежа налогов благодаря использованию схем их сокращения путем вовлечения в роли третьего лица в экономических отношениях «фирм-однодневок», не располагающих имуществом и зарегистрированных с целью осуществления некоторых значительных экономических сделок [10, с. 3]. Обыкновенно задолженность намеченной разновидности налогоплательщиков обнаруживается в ходе производства налоговых проверок [9, с. 47]. Взыскание налоговой задолженности затрудняется для приставов отсутствием имущества для взыскания и, как правило, заканчивается окончанием по причине невозможности взыскания ввиду отсутствия имущества или прекращением в связи с ликвидацией организации. Создание фирм-однодневок не должно допускаться ФНС, а для этого стоило бы принять меры, в частности, запретить их регистрацию в ЕГРЮЛ по причине недостаточности страховых финансовых и (или) имущественных активов для минимизации и исключения долговых рисков, установить размер данных активов, если это финансовые, то они должны храниться на специальном счете и в ячейке, а если имущественные, то храниться у

третьих лиц, к активам должен отсутствовать также доступ самой фирмы, ее собственников, владельцев, сотрудников, в связи с чем дополнить предложенными условиями Закон «О регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Эти меры позволили бы пристава при появлении задолженности у организации обратиться на них взыскание, окончив исполнительное производство фактическим исполнением.

Е.С. Ефремова, рассматривая проблему принудительного обращения взыскания в зачет налоговой задолженности должника его дебиторского долга, появляющейся после принятия решения суда, которое удостоверяет дебиторскую задолженность и является поводом к возбуждению исполнительного производства касательно дебитора, полагает, что, учитывая приверженность равновесия личных и общественных интересов в имеющемся обстоятельстве, наипаче логичным был бы механизм обращения взыскания дебиторского долга через судебное производство с требования пристава, из-за чего надлежит предоставить пристава в Законе «Об исполнительном производстве» полномочия по обращению взысканию с помощью судебного производства полагающегося размера дебиторского долга с дебитора [11, с. 46]. С нашей стороны позиция истребования денежных средств, причитающихся должнику от третьего лица через судебные органы, представляется нецелесообразной, поскольку при подтверждении отношения причитающихся финансовых или имущественных средств должнику документальными доказательствами, собираемыми по запросам пристава или предоставляемые взыскателем – ФНС, возможно обращение взыскания приставом на эти средства и без судебного истребования, так как удостоверение факта, который и так установлен, не нуждается в разрешении судом ввиду того, что судом или ФНС, которая с 31 июля 2023 г. может выносить постановления о взыскании налоговой задолженности, являющиеся исполнительным документом по пункту 5.2 части 1 статьи 12 Закона «Об исполнительном производстве», уже принимаются акты по возложению обязанности по погашению налоговой задолженности, а то, какими материальными средствами должника и права-

ми на них будет погашаться долг, не имеет значения потому, что исполнение является непосредственной должностной обязанностью пристава путем определения всего баланса имущества должника и прав на него и обращения взыскания на имущество и имущественные права должника, кроме имущества, на которое не может быть обращено взыскание по статье 79 указанного Закона.

И.А. Севостьянов, основываясь на пунктах 41, 43 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г., пришел к выводу, что действительное применение порядка наложения ареста на имущество, несопоставимое с суммой долга, в том числе на единственно пригодное для проживания жилое помещение должника, даст существенно повысить показатель взыскания долга, включая налоговые отчисления, поэтому текущий механизм представляет плодотворную предупредительную меру опережающего характера, которая приносит надежду побуждения недобросовестного налогоплательщика незамедлительно справиться свои налоговые обязанности [12, с. 84-85]. Арест с возможностью последующего обращения взыскания на имущество, имущественные права, стоимость которого превышает размер налоговой задолженности, должника при отсутствии запрета на взыскание в Законе «Об исполнительном производстве» является не только эффективной мерой погашения налоговой задолженности в исполнительном производстве, но превентивной мерой для должников, не пытающихся хоть как-то ее погасить. При этом необходимо учитывать то обстоятельство, что в случае обращения взыскания на единственно пригодное для проживания жилое помещение у должника ему, чтобы он не оказался бездомным, на улице, предоставить альтернативное жилое помещение из вырученных от продажи денежных средств меньшее по стоимости, к примеру, дешевую однокомнатную квартиру или комнату в общежитии в том же населенном пункте или другом, удобном ему для последующего проживания. Для реализации данного положения считаем важным внести дополнения в Закон «Об исполнительном производстве», по которому на пристава налагается обязанность после реализации единственно пригодного жилого помещения

у должника оставшиеся денежные средства направить на покупку нового жилого помещения или съем, если денежных средств недостаточно для приобретения по согласованию с должником о местонахождении жилого помещения, либо в случае отказа должника от покупки или съема жилого помещения передаче оставшихся от продажи взысканного жилого помещения денежных средств должнику.

В.А. Суханов, Д.А. Левачева отмечают, что у налогоплательщиков возникают проблемы по причине недостатка денежных средств, повышения кредитных ставок, которые приводят к последующей просрочке уплаты в определенные сроки кредита и налога. В связи с этим на данное время у налоговой службы имеется задача обеспечить положительный рост оплаты налоговых обязательств по каждому уровню бюджетной направленности в обстоятельствах замедления и снижения роста экономики при сравнительно небольших макроэкономических результатах [13]. Важным требованием разрешения обозначенной задачи и получения значимости осуществления налоговых возможностей является оплата налоговой задолженности [14, с. 212]. Применение экономических послаблений для граждан помогло бы сократить количество налоговых задолженностей, образованных по данным причинам, но для этого понадобилось бы применение связанных с налоговой задолженностью мер, в частности, увеличение рабочих мест в провинциальных городках и селах не только в центральной части России, а и в Сибири, и на Дальнем Востоке, где из-за этого происходит отток населения. В связи с этим также возможно применение повышенных размеров налоговых льгот в сельском хозяйстве для сокращения числа лиц, имеющих налоговую задолженность [15, с. 46]. Уменьшение кредитных ставок, в том числе по ипотеке, не создавало бы столько проблем у экономически активного населения с погашением кредитов, ипотек, по-

скольку это также способствует снижению платежеспособности налогоплательщиков и как следствие к появлению не только задолженностей по коммунальным платежам, но налоговым, обращение взыскания для погашения по которым также возлагается на приставов ФССП и ведет к многократному повышению исполнительской нагрузки в работе приставов и выгоранию на службе, профессиональной деформации сотрудников районных отделов ФССП, и вследствие чего к их увольнению. Законодателю необходимо установить максимальный размер кредитования, тем более ипотечного, на законодательном уровне для исключения риска появления налоговой задолженности и финансовой нагрузки на приставов по ее взысканию и как следствие – на федеральный бюджет.

Заключение

Таким образом, избавление ФНС от несвойственной ей функции по обращению взыскания, а также составления статистической отчетности по налоговой задолженности, которая является специализацией ФССП, освободило бы кадры ФНС и привлекло их в ФССП, поскольку у приставов производственная нагрузка намного выше, и привлечение кадров из ФНС в ФССП сбалансировало бы их объемы работ. Создание фирм-однодневок должно ограничиться ФНС путем запрета их регистрации в ЕГРЮЛ в случае недостаточности страховых финансовых и (или) имущественных активов, размер которых должен быть установлен законодателем для минимизации и исключения долговых рисков. Применение рассмотренных предложений по исследованным и разрешенным вопросам исполнения налоговой задолженности путем внесения дополнений и изменений в законодательство об исполнительном производстве, о налогах и сборах помогло бы упростить процедуры погашения налоговой недоимки как приставами, так и налоговыми сотрудниками, отчего вероятность возрастания поступлений в федеральный бюджет увеличилась.

Список источников

1. Саакян А.Г., Бобок Д.Г. Необычные налоги России // Естественно-гуманитарные исследования. 2019. № 23 (1). С. 52-54. <https://elibrary.ru/kuoequ>
2. Пищулов В.М. Определение налога – налог как долговое отношение // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 7 (205). С. 39-48. <https://elibrary.ru/oozemz>

3. Неменова Д.Л. Механизмы взыскания налога, сбора, страховых взносов пеней, штрафов за счет имущества налогоплательщиков // Вестник РМАТ. 2020. № 4. С. 31-38. <https://elibrary.ru/mpvoyu>
4. Сорокин Д.А. Актуальные проблемы действующего законодательства о порядке взыскания налоговой задолженности // Журнал административного судопроизводства. 2019. № 4. С. 29-33. <https://elibrary.ru/gojrms>
5. Диденко О.В. Анализ результатов организационной работы налогового органа по урегулированию налоговой задолженности // Вестник современных исследований. 2018. № 6.2 (21). С. 106-115. <https://elibrary.ru/uvitjw>
6. Чекуева Л.К. Налоговая задолженность: проблемы и пути решения // Вестник Евразийской науки. 2019. Т. 11. № 5. С. 1-7. <https://elibrary.ru/sjaipt>
7. Баталова В.А. Влияние Постановления Конституционного суда Российской Федерации от 08.12.2017 г. № 39-П на практику судов общей юрисдикции, касающейся субсидиарного исполнения обязанности по уплате налога // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 2 (30). С. 6-9. <https://elibrary.ru/yyhspr>
8. Овчарова Е.В. Административная юрисдикция в области налогов и сборов и производство по делам об административных правонарушениях налогового законодательства: проблемы дуализма в правовом регулировании // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 2. С. 201-215. <https://elibrary.ru/tywtwf>
9. Виноходова И.Г. Совершенствование практики взыскания задолженности организаций по налогам и сборам // Известия Великолукской государственной сельскохозяйственной академии. 2019. № 2. С. 41-47. <https://elibrary.ru/gflvex>
10. Завьялова Е.О., Завьялов В.И. Почему регистрация организаций в жилом фонде препятствует увеличению доходов бюджета // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. № 5. С. 1-10. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7\(5\).5](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7(5).5), <https://elibrary.ru/xdethn>
11. Ефремова Е.С. Погашение недоимки за счет дебиторской задолженности налогоплательщика: нужно ли вносить изменения в законодательство? // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4 (101). С. 40-47. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.101.4.040-047>, <https://elibrary.ru/fpomid>
12. Севостьянов И.А. Механизм принудительного взыскания налоговой задолженности: проблемы и пути решения // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2016. № 4. С. 82-85. <https://elibrary.ru/wezwul>
13. Кудияров К.Р. Экономические взгляды на налоги и влияние налогов на экономическое развитие // Мировая наука. 2020. № 8 (41). С. 97-102. <https://elibrary.ru/gyooij>
14. Суханов В.А., Легачева Д.А. К вопросу сохранения жизнедеятельности налогоплательщиков в условиях дефицита финансовых средств // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 2-1. С. 212-218. <https://elibrary.ru/ytlvnf>
15. Траханова М.С. Налоговые льготы, направленные на поддержку сельского хозяйства // Вопросы науки и образования. 2018. № 1. С. 45-47. <https://elibrary.ru/uuojvk>

References

1. Saakyan A.G., Bobok D.G. (2019). Unusual Russian taxes. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural-Humanitarian Studies*, no. 23 (1), pp. 52-54. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kuoequ>
2. Pishchulov V.M. (2012). Opredelenie naloga – nalog kak dolgovoe otnoshenie [Definition of tax – tax as a debt relationship]. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchet = International Accounting*, no. 7 (205), pp. 39-48. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oozemz>
3. Nemenova D.L. (2020). Mechanisms of collecting tax, fees, insurance premiums, fines and penalties at the expense of taxpayer's property. *Vestnik RMAТ = Vestnik RIAT*, no. 4, pp. 31-38. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mpvoyu>
4. Sorokin D.A. (2019). Actual problems of the existing legislation about the procedure for collection the tax debt. *Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva = Journal of Administrative Proceedings*, no. 4, pp. 29-33. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gojrms>
5. Didenko O.V. (2018). Analiz rezul'tatov organizatsionnoi raboty nalogovogo organa po uregulirovaniyu nalogovoi zadolzhennosti [Analysis of the results of the organizational work of the tax authority to settle tax debts]. *Vestnik sovremennykh issledovaniy [Bulletin of Modern Research]*, no. 6.2 (21), pp. 106-115. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uvitjw>
6. Chekkueva L.K. (2019). Tax debt: problems and solutions. *Vestnik Evraziiskoi nauki = The Eurasian Scientific Journal*, vol. 11, no. 5, pp. 1-7. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sjaipt>
7. Batalova V.A. (2019). Impact of the Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 39-P of December 8, 2017 on the practice of courts of general jurisdiction regarding the subsidiary performance of

- the tax payment obligation. *Skif. Voprosy studencheskoi nauki = Sciff. Questions of Student Science*, no. 2 (30), pp. 6-9. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yyhspr>
8. Ovcharova E.V. (2019). Administrative jurisdiction and proceedings in administrative offence cases in the area of taxes and levies: the problems of dualism in legal regulation. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo = Bulletin of VSU. Series: Law*, no. 2, pp. 201-215. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ytywtf>
 9. Vinokhodova I.G. (2019). Sovershenstvovanie praktiki vzyskaniya zadolzhennosti organizatsii po nalogam i sboram [Improving the practice of collecting tax debts of organizations]. *Izvestiya Velikolukskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii* [News of Velikiye Luki State Agricultural Academy], no. 2, pp. 41-47. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gflvex>
 10. Zav'yalova E.O., Zav'yalov V.I. (2016). Why registration of organizations in the housing stock prevents increase in budget revenues. *Baikal Research Journal*, vol. 7, no. 5, pp. 1-10. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7\(5\).5](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7(5).5), <https://elibrary.ru/xdethn>
 11. Efremova E.S. (2019). Repayment of an outstanding debt through tax receivables of the taxpayer: do we need to amend the legislation? *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of the Russian Law*, no. 4 (101), pp. 40-47. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.101.4.040-047>, <https://elibrary.ru/fpomid>
 12. Sevost'yanov I.A. (2016). Procedure of tax debt enforcement: problems and solutions. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ehkonomicheskogo universiteta = Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*, no. 4, pp. 82-85. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wezwul>
 13. Kudiyarov K.R. (2020). Economic views on taxes and the impact of taxes on economic development. *Mirovaya nauka = World Science*, no. 8 (41), pp. 97-102. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gyooij>
 14. Sukhanov V.A., Legacheva D.A. (2017). To preserve the life of the taxpayers in the conditions of deficit of financial resources. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ehkonomicheskie i yuridicheskie nauki = News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*, no. 2-1, pp. 212-218. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yltvnf>
 15. Trakhanova M.S. (2018). Nalogovye l'goty, napravlennye na podderzhku sel'skogo khozyaistva [Tax incentives aimed at supporting agriculture]. *Voprosy nauki i obrazovaniya = Issues of Science and Education*, no. 1, pp. 45-47. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uuojvk>

Поступила в редакцию / Received 07.12.2023

Поступила после рецензирования / Revised 12.02.2024

Принята к публикации / Accepted 18.03.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.2/.7

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-62-72>

Шифр научной специальности 5.1.4

Уголовно-правовая охрана водных объектов: национальный, зарубежный и международный опыт

© КОЗОДАЕВА Олеся Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0003-4177-3037>, tam_fon@mail.ru

© КУЗЬМЕНКО Элла Юрьевна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33; профессор кафедры гражданское право и процесс, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 106/5, <https://orcid.org/0000-0001-7886-7948>, ella.yurevna1010@mail.ru

© ПОПОВА Елена Альбертовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0002-6903-1775>, elenap2672@yandex.ru

Аннотация

Раскрыты актуальные вопросы, связанные с правовой охраной водных объектов, обеспечивающей их возрастающую ценность в современных условиях. Рассматриваемые вопросы правовой охраны актуальны как на международном, так и на внутригосударственном уровне. Цель исследования – рассмотреть негативное влияние ослабления административного режима в сфере охраны окружающей среды, сказывающегося на применении мер уголовно-правового и процессуального принуждения к виновным лицам, причиняющим существенный вред природным ресурсам. С уголовным правом тесно связано административное право, в связи с этим на практике административными наказаниями предотвращается ущерб объектам посягательства (общественным отношениям в сфере рационального использования природных ресурсов), который может перерасти в общественно-опасное последствие преступления. В качестве методов исследования были использованы общенаучные и специально юридические методы. Основное внимание было уделено методу анализа. Установлено, что создание единой базовой методики, которая помогала бы органам следствия и дознания повысить процент раскрываемости уголовных и административных дел по экологическим преступлениям, на данный момент не представляется возможным. Межотраслевой характер и бланкетность норм существенным образом отличают между собой такие деяния. Отсутствие профессиональной подготовки следователей и дознавателей, нехватка знаний и специальной литературы по расследованию экологических преступлений, безусловно, не может положительно влиять на сдерживание преступности в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова

экологические преступления, правовая охрана водных объектов, водные ресурсы

Для цитирования

Козодаева О.Н., Кузьменко Э.Ю., Попова Е.А. Уголовно-правовая охрана водных объектов: национальный, зарубежный и международный опыт // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1. С. 62-72. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-62-72>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-62-72>

Criminal legal protection of water bodies: national, foreign and international experience

© Olesa N. KOZODAEVA,

PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor Criminal Law and Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-4177-3037>, tam_fon@mail.ru

© Ella Yu. KUZMENKO,

Dr. habil. (Law), Associate Professor, Associate Professor Criminal Law and Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation; Professor of Civil Law and Process Department, Tambov State Technical University, 106/5 Sovetskaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-7886-7948>, ella.yurevna1010@mail.ru

© Elena A. POPOVA,

PhD (Law), Professor, Associate Professor Criminal Law and Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-6903-1775>, elenap2672@yandex.ru

Abstract

Current issues related to the legal protection of water bodies, ensuring their increasing value in modern conditions, are revealed. The issues of legal protection under consideration are relevant both at the international and domestic levels. The purpose of the study is to consider the negative impact of the weakening of the administrative regime in the field of environmental protection, which affects the application of measures of criminal law and procedural coercion against those responsible for causing significant harm to natural resources. Administrative law is closely related to criminal law; therefore, in practice, administrative penalties prevent damage to the objects of encroachment (public relations in the field of rational use of natural resources), which can develop into a socially dangerous consequence of the crime. General scientific and specifically legal methods are used as research methods. The main attention is paid to the method of analysis. It is established that the creation of a unified basic methodology that would help investigative and inquiry authorities increase the percentage of detection of criminal and administrative cases of environmental crimes is currently not possible. The intersectoral nature and blanket nature of the norms significantly distinguish such acts from each other. The lack of professional training of investigators and interrogators, the lack of knowledge and special literature on the investigation of environmental crimes, of course, cannot have a positive effect on curbing crime in this area.

Keywords

environmental crimes, water bodies legal protection, water resources

For citation

Kozodaeva, O.N., Kuzmenko, E.Yu., & Popova, E.A. (2024). Criminal legal protection of water bodies: national, foreign and international experience. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1, pp. 62-72 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-62-72>

Введение. Постановка проблемы

Актуальность темы настоящей публикации связана с тем, что ценность водных ресурсов возрастает в современном мире с каждым годом, поскольку человечество постоянно сталкивается с проблемой нехватки гидроресурсов, в связи с чем одной из важнейших проблем современности является проблема сохранения поверхностных пресных вод.

Современные государства могут быть дифференцированы в зависимости от обеспеченности основной потребности людей в воде, а также по количеству запасов пресной воды.

Положительный опыт правового регулирования водных объектов различных зарубежных государств впоследствии трансформировался в международный опыт, который сейчас также учитывается многими странами.

Одной из национальных целей, выделенной президентом Российской Федерации на период до 2030 года, является «комфортная и безопасная среда для жизни». В основу ее реализации положено следующее: снизить выбросы опасных загрязняющих веществ, оказывающих наибольшее негативное воздействие на окружающую среду и здоровье человека. Кроме этого, не без внимания остается процесс ликвидации наиболее опасных объектов накопленного вреда окружающей среде и экологическое оздоровление водных объектов (река Волга, озеро Байкал и Телецкое).

Вопрос правовой охраны водных объектов был предметом исследования в работах следующих ученых, как А.П. Демин, Д.М. Дубовик, М.Г. Козлов, В.А. Мокрушина, Н.В. Ткачева, Е.С. Шевченко.

Вместе с тем в российской правовой науке отсутствуют научные изыскания, позволяющие провести комплексный анализ состояния и перспектив уголовно-правовой охраны водных объектов.

Цель исследования – определить пути совершенствования и разработки новых уголовно-правовых и научно-практических рекомендаций по вопросам противодействия экологическим преступлениям, а в частности по вопросам охраны водных объектов.

Используемые методы исследования – общенаучные и специально юридические методы, метод анализа.

Результаты исследования

Каждый год водные ресурсы становятся все более ценными в современном мире, поскольку человечество постоянно сталкивается с проблемой нехватки гидроресурсов. Сохранение поверхностных пресных вод является одной из важнейших проблем современности. Современные государства могут быть классифицированы в зависимости от того, насколько они обеспечены основной потребностью людей в воде и сколько у них запасов пресной воды.

На сегодняшний день 145 стран мира пользуются трансграничными водными бассейнами совместно со своими соседями, а территории 21 государства полностью входят в международные бассейны, в связи с чем возрастает необходимость правовой охраны водных объектов.

Многие страны сейчас учитывают международный опыт, основанный на положительном опыте правового регулирования водных объектов различных зарубежных государств, который был успешно трансформирован.

Так, «в США, первые законодательные акты по борьбе с загрязнением вод появились в 1899 г. с принятием Закона «О реках и портах», положения которого запрещали сброс мусора и отходов в судоходные воды страны. Впоследствии, в 1948 г., появился закон «О контроле за загрязнением вод», взявший на себя задачу по уменьшению загрязнения вод от деятельности промышленных предприятий, добывающей индустрии и сельского хозяйства. Два последующих закона – «О контроле за загрязнением вод» (1956 г.) и «О качестве вод» (1965 г.) – делегировали органам власти штатов разработку программ по контролю за загрязнением вод, принятие стандартов качества вод, а на проведение исследований в данной области выделялись федеральные средства» [1, с. 127]. Однако предпринятые действия оказались малоэффективными, и к 1970 г. на основании данных проведенного анализа уровень загрязнения вод в США был критическим. Новая стратегия в борьбе с загрязнением вод, существующая и по настоящее время, появилась в 1972 г. с принятием изменений и дополнений к закону 1948 г. и введением в действие Закона «О чистоте вод», который содержал два кардинальных решения, изме-

нивших стратегию государства в рассматриваемой сфере, в том числе и предусмотрел уголовную ответственность для нарушителей законодательства об охране водных ресурсов. Таким образом, закон оказал серьезное влияние на разработку новых технологий для предотвращения загрязнения вод, создание современных очистных сооружений и оборудования. Преступные деяния в сфере водопользования относятся к федеральным преступлениям, поскольку данными действиями вред может быть причинен нескольким штатам. К сожалению, преступные загрязнения вод являются самым распространенным видом экологических преступлений, и количество их увеличивается. Несмотря на некоторые недостатки, выявленные практикой применения рассматриваемого закона, можно говорить о том, что система законодательного обеспечения охраны вод в США достаточно эффективна и может быть использована в качестве положительного примера и опыта для других государств и всего мирового сообщества.

Если говорить об особенностях правовой охраны вод в Китае, то можно отметить, что проблема их загрязнения уже довольно длительный период времени волнует государственные органы данной страны. Основной массив законодательных актов в этой области был принят в 1980-е гг., однако, до настоящего времени законодательство в сфере охраны вод постоянно дополняется. Основным законодательным актом является Закон «О мерах по предотвращению загрязнения вод» (1984 г.), а особая роль отводится Водному Кодексу КНР, принятому в 2002 г., благодаря которому значительно сократились выбросы загрязняющих веществ в водные объекты. Существенные изменения в водоохранное законодательство были внесены в 2000 г. с принятием «Подробных правил применения Закона КНР о предотвращении загрязнений вод», изменивших ряд принципиальных подходов к строительству, функционированию и эксплуатации систем, могущих оказать негативное влияние на состояние вод. Согласно Конституции КНР, охрана окружающей среды представляет собой базовую функцию государства и основную составляющую природоохранной политики. Обеспечивается данная функция нормами, в

том числе, и уголовного кодекса КНР, предусматривающего наступление уголовной ответственности за преступное загрязнение водных ресурсов. Согласно статистическим данным, за 2018 г. «было рассмотрено 250 000 уголовных дел, связанных с преступлениями в области охраны окружающей среды, что составляет 1 % общего числа рассмотренных уголовных дел, в том числе 2204 уголовных дела, связанных с загрязнением окружающей среды» [2, с. 190]. Конечно, процент рассматриваемых уголовных дел, связанных конкретно с загрязнением вод, будет еще меньшим, однако можно отметить значительное увеличение общего массива уголовных дел, связанных с экологическими преступлениями. Все же основная роль в обеспечении механизма чистоты вод отводится Водному Кодексу КНР, который доказал свою эффективность. Полагаем, что опыт правовой охраны вод Китая также может быть заимствован государствами при разработке и совершенствовании водоохранного законодательства.

Говоря о правовом регулировании охраны вод такого надгосударственного объединения, как Содружество Независимых Государств (СНГ), можно выделить общие и специальные нормативные правовые акты. К общим, в первую очередь, можно отнести Устав Содружества Независимых Государств от 1993 г., в котором «нашли свое закрепление положения, обеспечивающие права и основные свободы человека, включая экологические; сотрудничество в развитии систем транспорта, включая деятельность по повышению его экологичности; охрана здоровья и окружающей среды; борьба с организованной преступностью, включающая преступления в экологической области. Специальными нормативными правовыми актами в водоохранной сфере являются такие, как Соглашение об основных принципах взаимодействия в области рационального использования и охраны трансграничных водных объектов государств-участников СНГ, Модельный Водный кодекс для государств-участников СНГ, Модельный закон о рациональном использовании и охране трансграничных вод. Данные законодательные акты основываются на положениях таких основных международных договоров в сфере охраны вод, как Конвенция по охране и ис-

пользованию трансграничных водотоков и международных озер, Конвенция ООН «О несудоходном использовании международных водотоков», Правила пользования водами международных рек» [3, с. 63], однако, ежегодно заключается дополнительно несколько договоров по трансграничным водным объектам либо по иным вопросам, затрагивающим сферу охрану вод. Правовые нормы, принимаемые в сфере водоохранного законодательства, должны оказывать влияние на формирование внутригосударственного законодательства.

В ходе проводимого исследования актуальным и важным остается законодательство России и состояние водных объектов на ее территории. Президент Российской Федерации выделил одну из национальных целей на период до 2030 г. – создание комфортной и безопасной среды для жизни. Для ее достижения необходимо снизить выбросы опасных загрязняющих веществ, которые наносят наибольший вред окружающей среде и здоровью людей. Также важным является процесс ликвидации наиболее опасных объектов, которые наносят вред окружающей среде, и экологическое оздоровление водных объектов, таких как река Волга, озера Байкал и Телецкое.

Согласно Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. состояние окружающей среды на 15 % территории страны оценивается как не благополучное по экологическим показателям. Самыми загрязненными водоемами в 2020 г. стали реки Обь, Волга, Амур. Водная экология близка к критической отметке в следующих областях: Амурской, Архангельской, Ярославской, Калининградской, Томской, Курганской, в Приморском крае, Камышки и др. Не исключением является и Тамбовская область.

Вода потребляется во всех сферах жизнедеятельности человека. Она составляет 70 % земного покрова. Негативное воздействие на состояние водных объектов оказывают не только природные, но и антропогенные факторы. Халатность должностных лиц, слабый контроль с их стороны за правилами природопользования, нежелание хозяйствующих субъектов вкладывать средства в мероприятия по обеспечению экологи-

ческой безопасности приводят к развитию криминогенных ситуаций с наступлением уголовно-наказуемых последствий загрязнения вод, например, путем промышленных отходов, канализации, утечки масла, топлива, химических удобрений, животных отходов и др. Все эти явления и процессы отрицательно влияют на здоровье человека. Вредоносные бактерии, патогенные микроорганизмы вызывают массовые заболевания населения, эпидемии, что наносит определенный урон национальной безопасности.

На федеральном уровне яркие примеры преступного характера продемонстрированы в средствах массовой информации. Резонансный случай зафиксирован в 2020 г. в Норильске, где произошла утечка дизельного топлива на ТЭЦ-3. Уголовное наказание после экологической катастрофы понес бывший мэр Норильска, которого признали виновным по уголовному делу о халатности, неисполнение им своих должностных обязанностей при возникновении чрезвычайной ситуации. Так, произошла разгерметизация бака резервного топлива на ТЭЦ-3, принадлежащей Норильско-Таймырской энергетической компании (НТЭК), которая входит в группу компаний «Норильский никель». В открытом доступе в СМИ можно увидеть последствия аварии, где отмечено, что более 21 000 тонн дизельного топлива разлились далеко за пределы промзоны, попав в грунт реки, озера Красноярского края. Ущерб органами государственной власти был оценен в 148 млрд руб., срок восстановительных работ был установлен от 5 до 10 лет. В ходе расследования, по итогам работы органов прокуратуры были возбуждены уголовные дела по статье 250 РФ «Загрязнение вод», статье 246 УК РФ «Нарушение правил окружающей среды при производстве работ» и статье 254 УК РФ «Порча земли».

Несколько случаев наступления общественно-опасных последствий были зафиксированы, например, в 2018 г. В реке Солоница Костромской области органами Следственного Комитета Российской Федерации была дана правовая оценка факту массовой гибели рыб по части 2 статьи 250 УК РФ. В 2021 г. массовая гибель рыбы была обнаружена в старице реки Суры города Пензы. Из-за выброса химических веществ фенола,

нефтепродуктов, меди, цинка водным биологическим ресурсам был причинен ущерб в размере более 400 тыс. руб., что повлекло за собой возбуждение уголовного дела по части 1 статьи 250 УК РФ.

«Популярность» экологических споров в российском судопроизводстве велика и актуальна. Категории дел включают в себя рекордные суммы компенсаций за причиненный вред окружающей среде. «Мягкая судебная практика» исключает назначение наказания в виде лишения свободы виновным лицам. При рассмотрении дел суды учитывают разъяснения Пленума Верховного суда РФ о практике рассмотрения судами дел в сфере защиты экологии. Справедливо было отмечено судьей Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации, что в целом уголовных дел об экологических преступлениях за последние годы было немного.

По данным ГИАЦ МВД РФ, зарегистрировано экологических преступлений в: 2015 г. – 24857, 2016 – 23688, 2017 – 24379, 2018 – 23899, 2019 – 22230, 2020 – 22676, 2021 – 20289, 2022 – 19070, 2023 г. – 11220.

Следует отметить, что за последнее время раскрываемость экологических преступлений составила не более 60 %. Так, из представленных показателей за текущий период 2023 г. было раскрыто 6387 преступлений рассматриваемой сферы, за 2022 г. – 10451, а за 2021 г. – 10432 преступных посягательства в сфере экологии. Проблема состоит в том, что такие уголовно-правовые нормы – бланкетные, при квалификации деяния требуются знания межотраслевого законодательства (лесного, водного, о недрах и т. д.). В последней редакции Пленума Верховного суда от 2022 г. «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»¹ разъясняется необходимость указывать на стадии предварительного следствия в обвинительном заключении, обвинительном акте конкретные положения

из нормативно-правовых актов, на которые ссылается правоприменитель при обнаружении правонарушений в сфере экологических отношений. В противном случае уголовное дело возвращается следователю для устранения препятствий рассмотрения дела судом.

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что за последние 5 лет количество осужденных за экологические преступления уменьшилось на 41 %, а по некоторым составам преступлений главы 26 УК РФ приговоров суда не было вообще. Например, в 2020 г. за экологические посягательства было осуждено 5,3 тыс. лиц, это на 14 % меньше, чем в 2019 г. В 2021 г. материальный ущерб за экологические преступления составил 23 863195.

Дискуссионной является практика по фактам загрязнения вод статьи 250 УК РФ. Очевидно, что в судебной статистике зафиксированы единичные случаи. Каждому осужденному было назначено наказание в виде штрафа. Без сомнений можно полагать, что истинная картина совершенных деяний в этой сфере искажена, статистика судимости реальные показатели не отражает из-за гиперлатентности таких посягательств. Следовательно, с учетом высоких показателей латентности реальный размер ущерба значительно выше указанного ГИАЦ МВД РФ. Осуждено лиц по статье 250 УК РФ «Загрязнение вод» в: 2016 г. – 1; 2017 – 1; 2018 – 2; 2019 – 2; 2020 – 2; 2021 – 1; 2022 г. – 2.

Из анализа статистических данных очевидно, что удельный вес в группе экологических преступлений занимают деяния, предусмотренные статьей 256 УК РФ «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов». Количество преступлений в: 2016 г. – 3233; 2017 – 2783; 2018 – 2551; 2019 – 1573; 2020 г. – 1516.

Проблемных уголовно-правовых аспектов в квалификации экологических преступлений, влияющих на количественные и качественные показатели преступности, в теории, законодательстве и практике более чем достаточно. Практика перед судами ставит много вопросов, требующих формирования четких правовых позиций. Нельзя не отметить несовершенство конструкции нормы статьи 250 УК РФ. В данном материальном составе преступление считается окончен-

¹ О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 15.12.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136950/ (дата обращения: 30.09.2023)

ным с момента наступления общественно-опасного последствия и доказывания причинно-следственной связи между общественно-опасным деянием и наступившим «существенным вредом...». Спорным вопросом и сложным в доказывании является аспект по факту наступления «двойных последствий». Такая техническая конструкция уголовно-правовой нормы, закреплённая законодателем, не может дать должные результаты в правоприменительной практике. Двойная причинно-следственная связь практически не доказуема. Органы следствия поясняют, что сложно установить субъект преступления по статье 250 УК РФ, дальнейшее расследование таких уголовных дел приостанавливается по части 1 статьи 208 УПК РФ в связи с невозможностью установить лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого. Затруднительным является выяснение обстоятельств о выбросе химических веществ, угрожающих жизни и здоровью человека, на сколько они являются вредными. Кроме сказанного, проведение комплексных экспертиз существенным образом влияет на результат и исход уголовного дела. Встречаются случаи, когда идет недооценка опасности последствий, слабая судебная перспектива уголовного дела, недостаточная оценка криминообразующих признаков в целом. Несмотря на то, что качество водных ресурсов сегодня оставляет желать лучшего, уголовное преследование и ужесточение наказания по рассматриваемой статье в практике не относится к числу распространенных.

На количество возбужденных административных и уголовных дел положительно влияет эффективность и качество прокурорских проверок в порядке надзора за соблюдением законодательства об охране природы. В ходе исследования на примере Тамбовской области был проведен анализ статистических сведений, представленных органами Прокуратуры Тамбовской области. Нами были сделаны выводы о том, что за нарушения законодательства в сфере охраны вод виновных лиц чаще всего привлекают к административной ответственности, а субъекты, в отношении которых проводятся проверки, не в полном объеме соблюдают требования федерального законодательства в рассматриваемой сфере.

Так, в ходе прокурорской проверки на предмет полноты реализации Управлением федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Тамбовской области полномочий по осуществлению надзорной деятельности в сфере охраны вод было установлено, что главным специалистом-экспертом Управления Роспотребнадзора по Тамбовской области по результатам проведения плановой проверки по фактам выявленных нарушений санитарно-эпидемиологического законодательства юридическое лицо (МУП «Росинка») привлекли к административной ответственности по статье 6.5 КоАП РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических требований к питьевой воде». Аналогичных нарушений было выявлено несколько.

В административном порядке в соответствии со статьей 19.6 КоАП РФ подвергаются ответственности должностные лица за непринятие по постановлению (представлению) органа (должностного лица), рассмотревшего дело об административном правонарушении, мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения.

Прокуратурой области нам были предоставлены данные о проведении проверки деятельности Управления по охране окружающей среды и природопользованию Тамбовской области. Отметим, что работниками выявлены многочисленные нарушения законодательства о государственном экологическом контроле, а также административного законодательства.

Так, Управлением по охране окружающей среды и природопользованию Тамбовской области по результатам рассмотрения служебной записки начальника отдела недропользования выявлено нарушение пункта 5.3. условий пользования недрами, являющимися приложением № 1 к лицензии на пользование недрами, выданной ООО «Агротехнологии» (превышение установленных объемов добычи подземных вод), за которое инженер-энергетик ООО «Агротехнологии» привлечен к административной ответственности по части 2 статьи 7.3 КоАП РФ. Прокуратурой выявлены случаи, когда Управление по охране окружающей среды и природопользованию Тамбовской области вопре-

ки части 3 статьи 2.1 КоАП РФ решение о возбуждении дела об административном правонарушении не принимало (по части 2 статьи 7.3 КоАП РФ в отношении ООО «Агро-технологии» по фактам нарушения требований пункта 10 статьи 22 Федерального закона от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах»). Зафиксированы аналогичные нарушения по части 1 статьи 28.1 КоАП РФ «Возбуждение дела об административном правонарушении»: нарушения условий пользования недрами ООО «ПромСтройСервис»; нарушения условий пользования недрами (превышение максимальной величины водоотбора) ООО «Староюрьевская коммунальная служба» и др.

Анализ результатов практической деятельности прокурорских работников показал, что должностными лицами Управления по охране окружающей среды и природопользованию Тамбовской области на систематической основе допускались нарушения требований административного законодательства в части, своевременности возбуждения дел об административных правонарушениях.

Зафиксированы были нарушения в деятельности органов местного самоуправления на предмет нарушения требований санитарно-эпидемиологического законодательства и законодательства об охране недр. Фигурантами административного судопроизводства были главы муниципальных образований. Например, прокурором Моршанского района Тамбовской области было установлено, что администрация Дмитриевского сельсовета совмещает функции органа местного самоуправления и хозяйствующего субъекта при обслуживании объектов добычи подземных вод, которые используются для водоснабжения населения, что является нарушением требований части 3 статьи 15 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», которой установлен запрет на данное совмещение. Идентичные нарушения в 2021 г. были допущены администрациями в нескольких районах. В ходе прокурорских проверок установлено, что администрациями муниципальных образований учет объема забора (изъятия) воды при помощи аттестованных средств измерений не производился. Вопреки требованиям пункта 12 Порядка ведения собственниками

водных объектов и водопользователями учета объема забора (изъятия) водных ресурсов из водных объектов и объема сброса сточных, в том числе дренажных, вод, их качества, утвержденного приказом Минприроды России от 09 ноября 2020 г. № 903, администрациями сельсоветов Моршанского района Тамбовской области учет объема забранной из артезианской скважины воды осуществлялся в журналах по форме, не соответствующей утвержденной описанным выше приказом. Данные обстоятельства свидетельствуют о том, что в отношении глав сельсоветов были возбуждены дела об административных правонарушениях по части 1 статьи 6.3 КоАП РФ.

Интересен случай в Жердевском районе Тамбовской области, когда администрацией Шпикуловского сельсовета в нарушение пункта 3.2.1.1 СанПиН 2.1.4.1110-02 «Зоны санитарной охраны источников водоснабжения и водопроводов питьевого назначения», утвержденных постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 14 марта 2002 г. № 10, не организовано ограждение территорий I пояса зоны санитарной охраны источников водоснабжения (артезианских скважин). По выявленным нарушениям прокуратурой района в отношении главы сельсовета так же было возбуждено дело об административном правонарушении по части 1 статьи 6.3 КоАП РФ «Нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения», виновных лиц по данному факту привлекли к административной ответственности.

Практика работы органов прокуратуры разнообразна, доминируют административно-правовые отношения. За нарушения в сфере охраны вод распространены составы административных деликтов. Например, факт эксплуатации МУП «Бытовик» системы водоотведения, находящейся в аварийном состоянии, повлекшей загрязнение земли сточными водами; факт осуществления МУП «Универсал» добычи подземных вод с использованием 7 артезианских скважин без лицензии; осуществление ООО «Монтажник» добычи подземных вод в нарушение пунктов 4.1, 4.2 Санитарно-эпидемиологических правил и нормативов 2.1.4.1074-01 «Питьевая вода. Гигиенические требования к качеству воды

централизованных систем питьевого водоснабжения. Контроль качества», утвержденным постановлением Главного государственного санитарного врача от 26 сентября 2001 г. № 24, не обеспечивающее проведение контроля качества добываемых вод по микробиологическим, органолептическим и радиологическим показателям: все вышеуказанное послужило основанием для возбуждения в отношении руководителей указанных организаций дел об административных правонарушениях по части 1 статьи 7.3 КоАП РФ, виновные лица были привлечены к административной ответственности.

Безусловно, состояние водных объектов является основным показателем, определяющим качество жизни населения, а загрязнение воды до сих пор для России остается основной нерешенной проблемой. Как объект уголовно-правовой охраны общественные отношения в сфере обеспечения экологической безопасности и рационального использования вод являются значимыми в реализации уголовной политики государства. Необходимость в совершенстве законодательных, организационно-экономических, технологических, механизмов воздействия на них с каждым годом увеличивается.

В заключение проведенного анализа практической деятельности прокуратуры отметим, надзорными мероприятиями на территории области выявлялись нарушения нормативных требований к показателям качества сточных вод, сбрасываемых в водные объекты, законодательства о порядке и условиях добычи вод, о своевременности и целевом использовании денежных средств, выделенных из бюджетов различных уровней на ремонт и строительство канализационно-очистных сооружений и сооружения для добычи вод; выявлялись нарушения в

деятельности хозяйствующих субъектов, а именно требований санитарно-эпидемиологического законодательства, законодательства о недрах и природоохранного законодательства, что впоследствии привело к возбуждению административных дел.

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что ослабление административного режима в сфере охраны окружающей среды негативно сказывается на применении мер уголовно-правового и процессуального принуждения к виновным лицам, причиняющим существенный вред природным ресурсам. Административное право тесно связано с уголовным правом, в связи с этим на практике административными наказаниями предотвращается ущерб объектам посягательства (общественным отношениям в сфере рационального использования природных ресурсов), который может перерасти в общественно-опасное последствие преступления.

Не представляется возможным создать единую базовую методику, которая помогала бы органам следствия и дознания повысить процент раскрываемости уголовных и административных дел по экологическим преступлениям. Межотраслевой характер и бланкетность норм существенным образом отличают между собой такие деяния. Отсутствие профессиональной подготовки следователей и дознавателей, нехватка знаний и специальной литературы по расследованию экологических преступлений, безусловно, не может положительно влиять на сдерживание преступности в рассматриваемой сфере. Мы считаем, что необходимо улучшение и создание новых уголовно-правовых и научно-практических рекомендаций, касающихся борьбы с экологическими преступлениями, особенно в отношении защиты водных объектов.

Список источников

1. Кукушкина А.В. Охрана водных ресурсов и международная экологическая безопасность // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Томск, 2021. С. 127-130. <https://elibrary.ru/vtymnr>
2. Ма С. Уголовная ответственность за экологические правонарушения как инструмент предупреждения экологического вреда в Китае // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 3. С. 187-215. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2019-14-3-ma>, <https://elibrary.ru/epgoll>
3. Козлов М.Г. Обзор правовых норм, регулирующих сферу охраны и использования водных биологических ресурсов как объекта природных ресурсов, животного мира // Современное право. 2022. № 12. С. 62-66. <https://doi.org/10.25799/NI.2022.78.84.011>, <https://elibrary.ru/cgodcs>

4. Антонова Е.Ю. К вопросу об уголовной политике в сфере охраны водных биологических ресурсов // Актуальные проблемы противодействия незаконным добыче и обороту водных биоресурсов в Дальневосточном регионе: сб. ст. по материалам Всерос. круглого стола / отв. ред. Л.Б. Сыромля. Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2023. С. 12-23. <https://doi.org/10.24866/7444-5530-9>, <https://elibrary.ru/ndbzux>
5. Демин А.П. Совершенствование нормативной правовой базы в области охраны вод с учетом роли диффузного загрязнения водных объектов // Чистая вода России-2021: сб. материалов 16 Междунар. науч.-практ. симпозиума и выставки. Екатеринбург, 2021. С. 31-36. <https://elibrary.ru/icrhkq>
6. Дубовик Д.М. Об актуальных проблемах правовой охраны водных объектов // Организационно-правовое обеспечение устойчивого водопользования в Российской Федерации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2022. С. 32-35. <https://elibrary.ru/udmlmm>
7. Дубовик Д.М., Покатова В.П. Правовая охрана водных объектов: проблемы возмещения вреда // Экологическое право. 2022. № 5. С. 30-33. <https://doi.org/10.18572/1812-3775-2022-5-30-33>, <https://elibrary.ru/xdsyuw>
8. Микаэлян Р.С., Евграфова И.В. Международно-правовое регулирование вопросов использования и охраны водных ресурсов между Российской Федерацией и Европейским союзом // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2022. Т. 1. № 2 (101). С. 217-225. https://doi.org/10.51965/20767919_2022_1_2_217, <https://elibrary.ru/kuesds>
9. Мокрушина В.А. Проблемы правовой охраны водных объектов // Актуальные проблемы правовой охраны окружающей среды и природопользования: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. Ижевск, 2022. С. 351-355. <https://elibrary.ru/nkklrr>
10. Пироженов С.А., Приходько Н.Ю. Охрана водных биологических ресурсов как объект уголовной политики // Юрист-Правовед. 2021. № 1 (96). С. 98-103. <https://elibrary.ru/frykum>
11. Ткачева Н.В. Административно-правовая ответственность за экологические правонарушения в сфере охраны водных объектов (на примере Челябинской области) // Проблемы права. 2021. № 2 (81). С. 82-87. <https://doi.org/10.14529/pro-prava210215>, <https://elibrary.ru/doeyyn>
12. Шевченко Е.С., Туркулец С.Е. Правовые основы охраны водных объектов и проблемы установления административной ответственности за нарушения правил охраны // Право и правопорядок в фокусе научных исследований. Хабаровск, 2023. Вып. 4. С. 344-348. <https://elibrary.ru/mqgokw>

References

1. Kukushkina A.V. (2021). Okhrana vodnykh resursov i mezhdunarodnaya ehkologicheskaya bezopasnost' [Protection of water resources and international environmental safety]. *Sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Pravovye problemy ukrepleniya rossiiskoi gosudarstvennosti»* [Collection of Works of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Legal Problems of Strengthening Russian Statehood"]. Tomsk, pp. 127-130. <https://elibrary.ru/vtymnr>
2. Ma S. (2019). Criminal responsibility for environmental offences as a tool for prevention of environmental harm in china. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law*, vol. 14, no. 3, pp. 187-215. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2019-14-3-ma>, <https://elibrary.ru/epgoll>
3. Kozlov M.G. (2022). Review of legal norms regulating the sphere of protection and use of aquatic biological resources as an object of natural resources, wildlife. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], no. 12, pp. 62-66. <https://doi.org/10.25799/NI.2022.78.84.011>, <https://elibrary.ru/cgodcs>
4. Antonova E.Yu. (2023). K voprosu ob ugolovnoi politike v sfere okhrany vodnykh biologicheskikh resursov [On the issue of criminal policy in the field of protection of aquatic biological resources]. *Sbornik statei po materialam Vserossiiskogo kruglogo stola «Aktual'nye problemy protivodeistviya nezakonnym dobyche i oborotu vodnykh bioresursov v Dal'nevostochnom regione»* [Collection of Works Based on Materials from the All-Russian Round Table "Current Issues of Combating Illegal Extraction and Trafficking of Aquatic Biological Resources in the Far Eastern Region"]. Vladivostok, Far Eastern Law University Publ., pp. 12-23. <https://doi.org/10.24866/7444-5530-9>, <https://elibrary.ru/ndbzux>
5. Demin A.P. (2021). Improvement of the regulatory legal framework in the field of water protection taking into account the role of diffuse pollution of water bodies. *Sbornik materialov 16 Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo simpoziuma i vystavki «Chistaya voda Rossii-2021»* [Collection of Materials of the 16th International Scientific and Practical Symposium and Exhibition "Clean Water of Russia – 2021"]. Yekaterinburg, pp. 31-36. <https://elibrary.ru/icrhkq>
6. Dubovik D.M. (2022). Ob aktual'nykh problemakh pravovoi okhrany vodnykh ob'ektov [On current issues of legal protection of water bodies]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Orga-*

- nizatsionno-pravovoe obespechenie ustoichivogo vodopol'zovaniya v Rossiiskoi Federatsii» [Proceedings of International Scientific and Practical Conference “Organizational and Legal Support for Sustainable Water Use in the Russian Federation”]. Moscow, pp. 32-35. <https://elibrary.ru/udmlmm>
7. Dubovik D.M., Pokatova V.P. (2022). Pravovaya okhrana vodnykh ob"ektov: problemy vozmeshcheniya vreda [Legal protection of water bodies: damage compensation problems]. *Ehkologicheskoe pravo = Environmental Law*, no. 5, pp. 30-33. <https://doi.org/10.18572/1812-3775-2022-5-30-33>, <https://elibrary.ru/xdsyuw>
 8. Mikaehlyan R.S., Evgrafova I.V. (2022). International legal regulation of the use and protection of water resources between the Russian Federation and the European Union. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev*, vol. 1, no. 2 (101), pp. 217-225. https://doi.org/10.51965/20767919_2022_1_2_217, <https://elibrary.ru/kuesds>
 9. Mokrushina V.A. (2022). Problemy pravovoi okhrany vodnykh ob"ektov [Problems of legal protection of water bodies]. *Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy pravovoi okhrany okruzhayushchei sredy i prirodopol'zovaniya»* [Collection of Works of the International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Legal Protection of the Environment and Natural Resource Management”]. Izhevsk, pp. 351-355. <https://elibrary.ru/nkklrr>
 10. Pirozhenkov S.A., Prihod'ko N.Yu. (2021). Protection of aquatic biological resources as an object of criminal policy. *Yurist'-Pravoved* [Lawyer-Legislator], no. 1 (96), pp. 98-103. <https://elibrary.ru/frykum>
 11. Tkacheva N.V. (2021). Administrative and legal responsibility for environmental violations in the field of water bodies protection (on the example of the Chelyabinsk region). *Problemy prava = Issues of Law*, no. 2 (81), pp. 82-87. <https://doi.org/10.14529/pro-prava210215>, <https://elibrary.ru/doesyn>
 12. Shevchenko E.S., Turkulets S.E. (2023). Pravovye osnovy okhrany vodnykh ob"ektov i problemy ustanovleniya administrativnoi otvetstvennosti za narusheniya pravil okhrany [The legal basis for the protection of water bodies and problems apply to administrative responsibility for compliance with protection rules]. *Pravo i pravoporyadok v fokuse nauchnykh issledovaniy* [Law and Order in the Focus of Scientific Research]. Khabarovsk, issue 4, pp. 344-348. <https://elibrary.ru/mqgokw>

Поступила в редакцию / Received 16.11.2023

Поступила после рецензирования / Revised 22.02.2024

Принята к публикации / Accepted 18.03.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.77.043

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-73-84>

Шифр научной специальности 5.1.3

Правовое регулирование принудительного лицензирования в странах Центральной Европы (обзор и сравнительный анализ)

© ЛАТЫНЦЕВ Александр Викторович,

кандидат юридических наук, директор, ООО «Научно-исследовательский институт правовых экспертиз и комплексных исследований», Российская Федерация, 125480, г. Москва, ул. Героев Панфиловцев, 9, корп. 3, <https://orcid.org/0000-0002-5698-6302>, info@niilex.ru

Аннотация

Тема принудительного лицензирования является одной из наиболее дискуссионных в сфере защиты интеллектуальной собственности, в том числе в нашей стране в современных реалиях. При этом практически ни у кого из правоведов не возникает сомнения в необходимости данной меры в качестве правового механизма, направленного на достижение компромисса частных интересов патентообладателей и общественных интересов. Однако много вопросов возникает к возможному правовому инструментарию при выдаче принудительных лицензий, поэтому представляет интерес обзор европейского опыта правового регулирования принудительного лицензирования с последующим сравнительным анализом особенностей его правовых механизмов. Представлен обзор особенностей правового регулирования принудительного лицензирования в ряде центральноевропейских стран: Австрии, Венгрии, Германии, Нидерландах и Швейцарии. Выделены основные правовые нормы данных стран, посвященные выдаче принудительных лицензий, с последующим их сравнительным анализом. Так, было отмечено, что, несмотря на общность подходов, в различных государствах возможные основания и условия, а также уполномоченные органы и процедуры выдачи принудительных лицензий отличаются в зависимости от исторически сложившихся национальных особенностей гражданского и административного законодательства. Были выделены страны, в которых принудительное лицензирование осуществляется в административном либо судебном порядке. Особое внимание уделено правовым нормам европейских стран о процедурах принятия решений, об особенностях принудительного лицензирования при выявлении антиконкурентной практики со стороны патентообладателя и т. п. Также рассмотрены примеры выдачи либо отказа в выдаче принудительных лицензий.

Ключевые слова

патенты, результаты интеллектуальной деятельности, принудительное лицензирование в европейских странах, зарубежный опыт, государственная регистрация принудительных лицензий, антиконкурентная практика патентообладателей, общественные интересы в сфере интеллектуальной собственности, Соглашение ТРИПС, вознаграждение патентообладателей, зависимые изобретения, перекрестное принудительное лицензирование

Для цитирования

Латынцев А.В. Правовое регулирование принудительного лицензирования в странах Центральной Европы (обзор и сравнительный анализ) // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1. С. 73-84. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-73-84>

Legal regulation of compulsory licensing in European countries (review and comparative analysis)

© Alexander V. LATYNTSEV,

PhD (Law), Chief, Science and Research Institute of Legal and Integrated Studies, 3 bldg, 9 Geroev Panfilovtsev St., Moscow, 125480, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-5698-6302>, info@niilex.ru

Abstract

The topic of compulsory licensing is one of the most controversial in the field of intellectual property protection, including in our country in modern realities. At the same time, practically none of the legal scholar has any doubts about the need for this measure as a legal mechanism aimed at achieving a compromise between the private interests of patent holders and public interests. However, many questions arise about the possible legal tools for the issuance of compulsory licenses, so it is interesting to review the European experience in the legal regulation of compulsory licensing, followed by a comparative analysis of the legal mechanisms' features. An overview of the legal regulation features of compulsory licensing in a number of Central European countries is presented: Austria, Hungary, Germany, the Netherlands and Switzerland. The main legal norms of these countries devoted to the issuance of compulsory licenses are highlighted, with their subsequent comparative analysis. Thus, it was noted that, despite the commonality of approaches, in different States the possible grounds and conditions, as well as the authorized bodies and procedures for issuing compulsory licenses differ depending on the historically developed national characteristics of civil and administrative legislation. Countries are identified in which compulsory licensing is carried out administratively or judicially. Special attention is paid to the legal norms of European countries on decision-making procedures, on the specifics of compulsory licensing in identifying anti-competitive practices on the part of the patent holder, etc. Examples of the issuance or refusal to issue compulsory licenses are also considered.

Keywords

patents, intellectual activity results, compulsory licensing in European countries, foreign experience, state registration of compulsory licenses, anti-competitive practice of patent holders, public interests in the intellectual property field, TRIPs Agreement, remuneration of patent holders, dependent inventions, cross-compulsory licensing

For citation

Latyntsev, A.V. (2024). Legal regulation of compulsory licensing in European countries (review and comparative analysis). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1, pp. 73-84 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-73-84>

Введение. Актуальность исследования европейского опыта правового регулирования принудительного лицензирования

Тема принудительного лицензирования является одной из наиболее дискуссионных в сфере защиты интеллектуальной собственности, в том числе в нашей стране в современных реалиях. При этом практически ни у кого из правоведов не возникает сомнения в необходимости данной меры в качестве правового механизма, направленного на достижение компромисса частных интересов патентообладателей и общественных интересов.

В.И. Еременко отмечает, что правовой институт принудительного лицензирования предусмотрен в патентном праве большинства

государств мира [1, с. 29]. По результатам проведенных исследований Л.В. Санникова и Ю.С. Харитоновой пришли к выводу, что ведущие развитые страны мира активно используют институт принудительных лицензий на лекарственные средства в случаях, когда патентообладатели – фармацевтические компании злоупотребляют своим доминирующим положением, устанавливая чрезмерно высокие цены на запатентованные лекарства [2, с. 138].

Обеспечиваемый правом в сфере интеллектуальной собственности общественный интерес заключается в возможности доступа к достижениям науки лицами, в том числе не являющимися правообладателями, в интересах всего общества [3, с. 17].

По мнению А.Ю. Иванова, принудительное лицензирование обеспечивает эффективность работы инновационных рынков путем снижения рисков использования патентов как барьеров для изобретательства и инноваций [4, с. 80].

С.А. Сеницын обоснованно обращает внимание на высокую социальную значимость правового института принудительного лицензирования, действие которого способствует дальнейшему развитию технологий, в том числе в сфере охраны здоровья [5, с. 133].

Институт принудительного лицензирования призван согласовать разновекторные и в большинстве своем коллидирующие интересы патентообладателей с объективными потребностями развития научно-технического прогресса общества [6, с. 69].

Принудительные лицензии обусловлены, как правило, необходимостью развития экономики, обеспечения национальной безопасности страны [7, с. 360]. При этом принудительное лицензирование направлено, прежде всего, на обеспечение интересов внутреннего рынка по насыщению запатентованной продукцией и некоторое понуждение к обязательному использованию запатентованных новшеств [8, с. 14].

О.А. Рузакова отмечает, что необходимо выработать механизм договоренности с не вполне добросовестными правообладателями. Некоторые проблемы в этом плане решают нормы о принудительных лицензиях [9, с. 6].

При этом В.И. Елисеев по результатам проведенного исследования пришел к выводу, что институт принудительного лицензирования в существующем в российском праве виде не выполняет своего социального назначения и не обеспечивает баланса интересов патентообладателей и общества [10, с. 92].

Более того, в российской юридической литературе можно встретить спорную позицию о выборочном ограничении применения принудительного лицензирования в отдельных сферах. Так, А.С. Ворожечин отрицает возможность применения принудительного лицензирования в отношении фармацевтических препаратов в России [11, с. 220].

Много вопросов возникает по основаниям и возможному правовому инструментарию при выдаче принудительных лицензий.

Например, О.В. Гутников и В.М. Смирнова пришли к выводу, что уважительными причинами неиспользования запатентованного объекта могут быть только аргументы правомерного характера (в том числе юридического, технико-экономического), подтвержденные компетентными органами. В этом заключается сущность объектов патентных прав [12, с. 67].

Только при наличии указанных в законодательстве предварительных условий любое заинтересованное лицо, желающее и готовое использовать такие изобретения, вправе обратиться в суд с иском к патентообладателю о предоставлении принудительной простой (неисключительной) лицензии на использование на территории РФ изобретения [13, с. 102].

При этом в экспертном сообществе нет единого мнения относительно правовой природы принудительного лицензирования.

Так, по мнению Г.Н. Черничкиной, принудительную лицензию следует рассматривать как санкцию за неисполнение патентообладателем своей обязанности по использованию принадлежащего ему результата [14, с. 75]. А.Г. Матвеев предлагает принудительную лицензию относить к обременениям, поскольку она, не аннулируя полностью монополию правообладателя на определенные способы использования объекта, в то же время предоставляет конкретным третьим лицам права, стесняющие ее [15, с. 310]. Но более обоснованным представляется вывод Э.О. Гаврилова, рассматривающего принудительную лицензию как разновидность гражданского договора, заключение которого для одной стороны договора обязательно [16, с. 17].

С учетом большого количества вопросов в рассматриваемой области, накопившихся в отечественной практике, представляет интерес обзор европейского опыта правового регулирования принудительного лицензирования с последующим сравнительным анализом особенностей его правовых механизмов в различных европейских странах.

В первую очередь, необходимо отметить, что все европейские страны включили возможность выдачи принудительных лицензий в свое законодательство об интеллектуальной собственности. При этом, не-

смотря на общность подходов, в различных государствах возможные основания и условия, а также уполномоченные органы и процедуры выдачи принудительных лицензий отличаются в зависимости от исторически сложившихся национальных особенностей гражданского и административного законодательства.

В опубликованном в 2018 г. Европейской патентной академией обзоре «Принудительного лицензирования в Европе»¹ отмечается, что практика принудительного лицензирования не часто используется в Европе, но с точки зрения общественных интересов его использование может быть необходимым, например, когда речь идет об изобретениях в медицинской сфере. Далее, в частности, будут использованы некоторые выдержки из указанного выше обзора.

Результаты исследования

1. Правовое регулирование принудительного лицензирования в Австрии

В силу статьи 36 и статьи 37 Австрийского закона о патентах существуют три основания для принудительного лицензирования.

1) Новое запатентованное изобретение не может быть использовано без нарушения прав на ранее запатентованное изобретение. При этом новое изобретение, защищенное более поздним патентом, представляет собой важное техническое достижение, имеющее значительное экономическое значение по сравнению с изобретением, защищенным более ранним патентом. Владелец более раннего патента также имеет право на получение неисключительной лицензии на более поздний патент.

2) Запатентованное изобретение не используется в Австрии в надлежащем объеме, и владелец патента не сделал всего необходимого для такого использования (если только владелец патента не докажет, что использование изобретения в Австрии было нецелесообразно).

В этом случае может быть подана заявка на выдачу принудительной лицензии по истечении:

– четырех лет после подачи заявки на получение данного патента; либо

– трех лет после публикации сообщения о выдаче патента, в отношении которого испрашивается лицензия.

3) Выдача лицензии на запатентованное изобретение осуществляется в общественном интересе. При данных обстоятельствах существует возможность выдачи принудительной лицензии на основании ускоренного решения Австрийского патентного ведомства, если в дополнение к тому, что запатентованное изобретение отвечает общественным интересам, существует чрезвычайная ситуация в стране либо «другие обстоятельства крайней срочности».

Во всех перечисленных выше случаях принудительные лицензии выдаются на неисключительной основе. Заявление на получение принудительной лицензии может быть подано, если патентообладатель отказывается выдать лицензию, а потенциальный лицензиат пытался получить ее в разумные сроки при соблюдении разумных и обычных условий ведения бизнеса.

Принудительные лицензии выдаются Австрийским патентным ведомством, то есть органом исполнительной власти в административном порядке, а не судом в порядке гражданского судопроизводства. При этом сохраняется возможность судебных споров по вопросам предоставления принудительной лицензии.

Срок принудительного лицензирования также определяется Австрийским патентным ведомством, в первую очередь, для обеспечения необходимых поставок на национальный рынок, но должен быть ограничен той целью, для реализации которой выдается принудительная лицензия.

Процедура подачи заявки на выдачу принудительной лицензии изложена в статье 37 Австрийского закона о патентах. Вознаграждение патентообладателя должно определяться Австрийским патентным ведомством с учетом экономической ценности лицензии, а необходимые гарантии и другие условия использования должны быть определены с учетом характера изобретения и обстоятельств дела.

Так, австрийская компания Arcana KG доктора Г. Хурки обратилась за принуди-

¹ Compulsory licensing in Europe. A country-by-country overview. Munich: European Patent Office, 2018. 116 p. URL: https://ganado.com/wp-content/uploads/2020/07/compulsory_licensing_in_europe_en-1.pdf (accessed: 04.08.2023).

тельной лицензией в части патента, который принадлежал британской компании Imperial Chemical Industries Ltd. Своим решением Австрийское патентное ведомство выдало принудительную лицензию. С учетом затрат патентообладателя на разработку и продажи было установлено вознаграждение в 14,5 % от отпускной цены всех продаваемых заявителем продуктов, произведенное заявителем с помощью запатентованного процесса, в отношении которого была получена принудительная лицензия. Интересно отметить, что данное решение было оспорено патентообладателем. Суд встал на его сторону, и решение о выдаче принудительной лицензии было отменено со ссылкой на то, что, несмотря на то, что соответствующий продукт, изготовленный по запатентованной технологии, не производился в Австрии, но суд посчитал, что австрийский рынок был в достаточной степени обеспечен при его импорте. В результате судебным решением выдача принудительной лицензии была отменена².

2. Правовое регулирование принудительного лицензирования в Венгрии

Принудительное лицензирование регламентируется Законом Венгрии о защите изобретений и патентах от 1995 года.

Законодательством Венгрии предусмотрены следующие основания для подачи заявления на получение принудительной лицензии:

1) неиспользование либо неэффективное использование патента (статьи 31 и 33 Закона Венгрии о защите изобретений и патентах).

Так, статья 31 Закона Венгрии о защите изобретений и патентах определяет, что, если в течение четырех лет с даты подачи заявки на патент или в течение трех лет с даты выдачи патента (в зависимости от того, какая дата является более поздней) патентообладатель не использовал изобретение на территории страны для удовлетворения внутреннего спроса или, если он не предпринял серьезных подготовительных мероприятий или не выдал лицензию с такой целью, то

заявителю может быть выдана принудительная лицензия, за исключением случаев, когда патентообладатель обосновал неиспользование изобретения. Статья 19 Закона Венгрии о защите изобретений и патентах относит к надлежащему использованию изобретения: изготовление, использование, вывод на рынок или предложение к продаже продукта, являющегося предметом изобретения, или хранение или импорт продукта для таких целей. К надлежащему использованию изобретения также принято относить импорт соответствующей продукции в достаточном количестве для удовлетворения национального рынка;

2) в случае зависимого патента (статьи 32 и 33 Закона Венгрии о защите изобретений и патентах);

3) в интересах общественного здравоохранения (статьи 33/А и 83/А-Н Закона Венгрии о защите изобретений и патентах, директива ЕС 816/2006).

Столичный суд Будапешта обладает исключительной юрисдикцией на уровне первой инстанции по вопросам принудительного лицензирования в случаях неиспользования либо неэффективного использования патента, а также зависимого изобретения.

В силу статьи 33/А Закона Венгрии о защите изобретений и патентах принудительное лицензирование в интересах общественного здравоохранения отнесено к компетенции Венгерского ведомства по интеллектуальной собственности.

При судебном порядке принудительного лицензирования в указанных выше случаях истец должен представить все необходимые доказательства, подтверждающие наличие оснований и соблюдение условий для выдачи принудительной лицензии, изложенные в статьях 31–33 Закона Венгрии о защите изобретений и патентах.

Истец должен представить доказательства:

а) уклонения либо отказа патентообладателя от добровольной выдачи лицензии в разумные сроки;

б) возможности использования истцом изобретение в требуемом объеме.

При выдаче принудительной лицензии патентообладателю гарантируется вознаграждение, размер которого должен отражать

² Compulsory licensing in Europe. A country-by-country overview. Munich: European Patent Office, 2018. 116 p. URL: https://ganado.com/wp-content/uploads/2020/07/compulsory_licensing_in_europe_en-1.pdf (accessed: 04.08.2023).

экономическую ценность принудительной лицензии и соответствовать сумме, которая при подобных обстоятельствах оплачивается патентообладателю согласно сложившейся практике в области, к которой относится изобретение.

По результатам принудительного лицензирования может быть выдана только неисключительная лицензия, которая может использоваться для производства продукции преимущественно для внутреннего рынка. Объем, сфера применения и временные ограничения принудительной лицензии устанавливаются судом с учетом цели ее использования.

Принудительные лицензии подлежат государственной регистрации в патентном реестре.

Срок действия принудительной лицензии автоматически продлевается в случае продления патентной охраны. Если принудительная лицензия не отозвана, она остается в силе до истечения срока, установленного судом, или до истечения срока действия патентной охраны.

3. Правовое регулирование принудительного лицензирования в Германии

Принудительное лицензирование предусмотрено статьей 24 Закона ФРГ о патентах.

В качестве условий выдачи принудительной лицензии части 1 статьи 24 Закона ФРГ о патентах определено следующее:

1) заявитель безуспешно пытался в течение разумного периода времени получить разрешение от владельца патента на использование изобретения на разумных коммерческих условиях;

2) выдачи принудительной лицензии требуют общественные интересы.

Часть 2 статьи 24 Закона ФРГ о патентах предусматривает выдачу принудительной лицензии, если у заявителя есть зависимый патент, и он не может использовать изобретение, на которое он имеет охрану в соответствии с патентом с более поздней датой подачи заявки или приоритета, не нарушая патент с более ранней датой подачи заявки или приоритета, если:

1) выполнены перечисленные выше условия, указанные в части 1 статьи 24 Закона ФРГ о патентах;

2) зависимое изобретение имеет важное технологическое достижение, имеющее существенное экономическое значение по сравнению с патентом с более ранней датой подачи заявки или приоритета.

При этом владелец патента может потребовать от соискателя принудительной лицензии предоставления перекрестной лицензии на разумных условиях на использование запатентованного изобретения с более поздней датой подачи заявки или приоритета.

Особые требования предъявляются при выдаче принудительной лицензии в области полупроводниковых технологий в части 4 статьи 24 Закона ФРГ о патентах. В этом случае принудительная лицензия может выдаваться только для преодоления антиконкурентной практики, проводимой владельцем патента. Эта неправомерная практика должна быть установлена в ходе судебного или административного разбирательства.

Согласно части 5 статьи 24 Закона ФРГ о патентах, если владелец патента не применяет запатентованное изобретение в Германии или импорт соответствующей продукции в Германию недостаточен, то возможна выдача принудительной лицензии при соблюдении перечисленных выше условий, указанных в части 1 статьи 24 Закона ФРГ о патентах, для обеспечения адекватного предложения запатентованного продукта на немецком рынке.

В рамках принудительного лицензирования допускается выдача только неисключительной лицензии. Объем и продолжительность использования принудительной лицензии должны быть ограничены целью, для которой была выдана принудительная лицензия.

Владелец патента имеет право на справедливое вознаграждение от владельца принудительной лицензии с учетом экономической ценности принудительной лицензии. Если в условиях продолжительного периода периодических выплат вознаграждения произойдут существенные изменения в обстоятельствах, которые определяли размер вознаграждения, каждая сторона имеет право потребовать соответствующей корректировки (часть 6 статьи 24 Закона ФРГ о патентах).

В тех случаях, когда обстоятельства, на которых основывалась выдача принудительной лицензии, больше не применяются, и их

повторение маловероятно, владелец патента может потребовать прекращения принудительной лицензии.

В силу статьи 85 Закона ФРГ о патентах принятие решения о выдаче принудительных лицензий в Германии отнесено к компетенции Федерального патентного суда (Bundespatentgericht).

При принятии решения о принудительном лицензировании суд вправе устанавливать ограничения в зависимости от условий конкретного дела и целей выдачи принудительной лицензии. Суд также определяет размер вознаграждения, выплачиваемого владельцу патента. При этом могут учитываться размеры соответствующих вознаграждений по лицензионным договорам.

В качестве примера выдачи принудительной лицензии в Германии можно привести решение Федерального патентного суда от 11 июля 2017 г.³ (BGH GRUR 2017, 1017 Rn. 22 f. – Raltegravir). Заявитель производит лекарственное средство, в состав которого входит активный ингредиент Ралтегравир. Это лекарство может быть использовано для лечения ВИЧ. Патентообладатель утверждал, что Ралтегравир подпадает под действие их патента, и было начато разбирательство о нарушении. Патентообладатель также производит лекарство для лечения ВИЧ. После подачи жалобы патентообладателем на нарушение его прав ответчик подал иск в Федеральный патентный суд на получение принудительной лицензии. Суд установил, что заявитель запрашивал лицензию у патентообладателя на разумных условиях и был согласен оплачивать вознаграждение ему в размере, установленным судом. При этом заявитель указал, что существует общественный интерес в доступности лекарства от ВИЧ несмотря на то, что это затрагивает лишь небольшую группу пациентов. Суд определил, что существовал значительный риск серьезных побочных эффектов, взаимодействия или неудачи терапии для пациентов, если им пришлось бы менять лекарство. Это имело бы место, если бы был удовлетворен иск патентообладателя о на-

рушении его интеллектуальных прав, и заявителю пришлось бы прекратить продажу Ралтегравира. В этом случае всем пациентам, проходящим лечение Ралтегравиром, пришлось бы сменить лечение на другие лекарства со значительным риском побочных эффектов. Таким образом, было выполнено условие о соблюдении общественных интересов.

4. Правовое регулирование принудительного лицензирования в Нидерландах

Вопросы принудительного лицензирования в Голландии регулируются, в частности, статьями 57–60 Закона о патентах от 15 декабря 1994 г.⁴, которым предусмотрены основания для получения принудительной лицензии:

- в общественных интересах;
- недостаточное использование запатентованного изобретения патентообладателем;
- владение зависимым патентом (или зависимым селекционным достижением).

Согласно части 1 статьи 57 голландского Закона о патентах принудительное лицензирование в общественных интересах отнесено к компетенции министерства экономики.

Дела по заявлениям о принудительном лицензировании при недостаточном использовании запатентованного изобретения или владении независимым патентом рассматриваются Окружным судом Гааги, специализированным патентным судом (часть 3 статьи 83 Закона о патентах).

Процедура получения принудительной лицензии в общественных интересах регламентирована частью 1 статьи 57 Закона о патентах. Заявление о выдаче принудительной лицензии в общественных интересах, поданное в министерство экономики, должно быть рассмотрено в течение разумного срока. За исключением случаев крайней необходимости, министерство экономики должно принять меры, направленные на заключение мирового соглашения о предоставлении лицензии на разумных условиях. Патентообладатель вправе представить возражения относительно выдачи принудительной лицензии. Данный порядок несколько отличается от требований статьи 31(b) Соглашения ТРИПС

³ Rechtsprechung . BGH, 11.07.2017 – X ZB 2/17. URL: <https://dejure.org/dienste/vernetzung/rechtsprechung?Gericht=BGH&Datum=11.07.2017&Aktenzeichen=X%20ZB%202%2F17> (abrufen: 08.08.2023).

⁴ Netherlands Enterprise Agency. URL: https://english.rvo.nl/sites/default/files/2013/12/ROW95_ENG_niet_officiele_vertaling_0.pdf (accessed: 10.08.2023).

о предварительном проведении переговоров между сторонами. Но с учетом приоритетности положений международных соглашений к заявлению должны быть приложены доказательства того, что предполагаемый пользователь предпринял усилия для получения разрешения от правообладателя на разумных коммерческих условиях и что такие усилия не увенчались успехом в течение разумного периода времени.

Согласно статье 58 Закона о патентах вопросы принудительного лицензирования в случаях неиспользования или ненадлежащего использования патента либо зависимого изобретения рассматриваются Окружным судом Гааги по обычным правилам гражданского судопроизводства. Подаче иска должен предшествовать отказ либо уклонение патентообладателя в выдаче лицензии.

В силу части 5 статьи 58 Закона о патентах вступившие в силу решения Окружного суда Гааги (при недостаточном использовании запатентованного изобретения патентообладателем или при владении зависимым патентом) и решения министерства экономики (в общественных интересах) о выдаче принудительных лицензий должны быть зарегистрированы в голландском патентном реестре. При этом принудительная лицензия вступает в силу только после ее регистрации.

Согласно части 6 статьи 58 Закона о патентах при выдаче принудительной лицензии должно выплачиваться вознаграждение патентообладателю. При недостижении согласия относительно его размера между патентообладателем и лицензиатом, любая из сторон может обратиться в Окружной суд Гааги с просьбой определить размер вознаграждения. До принятия решения о выдаче принудительной лицензии суд может обязать истца внести обеспечение в счет причитающихся лицензионных платежей (часть 1 статьи 57 и часть 4 статьи 58 Закона о патентах).

Согласно части 1 статьи 58а Закона о патентах принудительная лицензия может быть только неисключительной. Такая лицензия не может быть передана, кроме случаев отчуждения в составе предприятия либо его части (часть 2 статьи 58а Закона о патентах).

В соответствии с частью 3 статьи 58а Закона о патентах принудительная лицензия

может быть прекращена, когда обстоятельства, приведшие к ее выдаче, прекратились, и маловероятно, что они возобновятся.

В соответствии с частью 2 статьи 57 Закона о патентах принудительная лицензия может быть выдана в случае неиспользования или недостаточного использования патента, если с момента выдачи патента прошло три года, и ни патентообладатель, ни его лицензиат не производит продукцию, в которой используется запатентованное изобретение, или производство осуществляется в недостаточных масштабах, а патентообладатель при этом не сможет представить уважительную причину отсутствия надлежащего использования. Заявление о выдаче принудительной лицензии, основанное на неиспользовании патента, может быть отклонено, если патентообладатель сможет в качестве уважительной причины доказать, что поставки в Нидерланды соответствующей продукции были гарантированы производством в другой стране, или существуют обстоятельства, не зависящие от патентообладателя, такие как отсутствие необходимых разрешений или форс-мажорные обстоятельства. К надлежащему использованию патента приравнивается импорт соответствующей продукции из стран Европейского союза или государств – членов ВТО при условии, что импорт из данных стран обеспечивает достаточное предложение данной продукции в Нидерландах.

Согласно части 4 статьи 57 голландского Закона о патентах принудительная лицензия может быть выдана в отношении зависимого изобретения, если запатентованное изобретение необходимо для применения более позднего запатентованного изобретения (зависимый патент). Аналогичное положение в отношении зависимого селекционного достижения изложено в части 5 статьи 57 Закона о патентах. Для получения предварительной лицензии зависимое изобретение должно представлять собой важное техническое достижение, имеющее важное экономическое значение.

5. Правовое регулирование принудительного лицензирования в Швейцарии

Правовой основой принудительного лицензирования в Швейцарии являются статьи 36–40 Федерального закона о патентах на

изобретения, которые предусматривают следующие виды принудительных лицензий:

1) В соответствии со статьей 36 Федерального закона Швейцарии о патентах на изобретения принудительная лицензия может быть выдана в случае зависимого изобретения, то есть если запатентованное изобретение не может быть использовано без нарушения ранее выданного патента. Однако владелец более позднего патента имеет право на принудительную лицензию только в объеме, необходимом для использования его изобретения, и только при условии, что изобретение представляет собой важное техническое достижение, имеющее значительное экономическое значение по отношению к изобретению, являющемуся предметом предшествующего патента. При этом допускает перекрестное лицензирование по требованию владельца более позднего патента.

2) Согласно статье 37 Федерального закона Швейцарии о патентах на изобретения принудительная лицензия может быть выдана, если владелец патента недостаточно использовал запатентованное изобретение в Швейцария в течение трех лет с даты выдачи патента или четырех лет с даты подачи заявки на патент, если только патентообладатель не докажет невозможность использования запатентованного изобретения. Важно обратить внимание, что использование патента трактуется не только как производство соответствующего товара на территории Швейцарии, но и импорт в страну соответствующей продукции в достаточном объеме также квалифицируется как надлежащее использование изобретения. Данное примечание было принято во исполнение применения статьи 27 Соглашения ТРИПС, согласно которой импорт также квалифицируется как использование изобретения.

3) По правилами статьи 40 Федерального закона Швейцарии о патентах на изобретения устанавливается, что любое лицо может предъявить иск о выдаче лицензии на использование изобретения, если того требует общественный интерес, а патентообладатель без достаточных оснований отклонил просьбу о выдаче лицензии⁵. Предваритель-

ное обращение к патентообладателю не требуется в ситуациях чрезвычайного положения в стране или других обстоятельствах крайней срочности, а также в случаях общественного некоммерческого использования.

4) В силу статьи 40с Федерального закона Швейцарии о патентах на изобретения в отношении изобретений, касающихся лечения и диагностики заболевания людей, а также изобретений в области полупроводниковых технологий может быть выдана принудительная лицензия для исправления практики, признанной антиконкурентной в ходе судебного разбирательства или административного разбирательства в органах по вопросам конкуренции. Практика считается антиконкурентной, если она связана с незаконными соглашениями, которые существенно ограничивают эффективную конкуренцию, включая, в частности, соглашения о фиксировании цен, ограничении количества товаров или услуг и/или распределении рынков географически или в соответствии с условиями торговли, или незаконные действия монополистов, включая, в частности, отказы в поставках, дискриминацию торговых партнеров и/или установление несправедливых цен.

В соответствии со статьей 40е Федерального закона о патентах на изобретения и статьей 26(1)(а) Федерального закона Швейцарии о Федеральном патентном суде выдача принудительных лицензий относится к компетенции Федерального патентного суда. При этом может быть выдана только неисключительная лицензия.

Процедура принудительного лицензирования инициируется заявителем (истцом, стремящимся получить принудительную лицензию) посредством подачи иска в установленной форме в Федеральный патентный суд. За патентообладателем закреплено право подачи возражений. Если стороны не приходят к соглашению об урегулировании вопроса, то назначаются экспертные исследования. С учетом мнения сторон по результатам экспертных исследований Федеральный патентный суд выносит решение.

⁵ Пирогова В.В. Изобретения, ноу-хау, товарные знаки (очерки российского и зарубежного права) (Ста-

тья подготовлена для СПС КонсультантПлюс) // Мудрый Юрист. 2014. URL: <https://wiselawyer.ru/> (дата обращения: 10.08.2023).

Суд может также выдать принудительную лицензию в порядке предварительных мер (то есть до вынесения окончательного судебного решения) при условии, что заявителем подано обоснованное ходатайство о немедленном использовании изобретения и предоставлены доказательства того, что он обеспечит надлежащую безопасность использования изобретения. Указанные предварительные меры принимаются судом с учетом обоснованного мнения патентообладателя.

Условия принудительной лицензии, включая ее объем и срок действия, а также размер вознаграждения, подлежащего выплате патентообладателю, определяются судом. При этом объем и срок действия принудительной лицензии ограничены целью, для которой она была выдана. При прекращении обстоятельств, которые привели к выдаче принудительной лицензии, и не ожидается, что они возникнут вновь, суд аннулирует принудительную лицензию по запросу.

При определении размера вознаграждения патентообладателя суд принимает во внимание обстоятельства по конкретному рассматриваемому делу и экономическую ценность лицензии. При этом принимаются во внимание уровни вознаграждения по лицензиям, выданным ранее патентообладателем, и/или по иным аналогичным сделкам.

Заключение

В рассмотренных правовых системах европейских государств фактически продублированы положения о принудительном лицензировании из Соглашения ТРИПС, однако, с рядом особенностей.

Так, во всех рассмотренных странах предусматривается возможность принудительного лицензирования в отношении зависимого изобретения и при неэффективном использовании патентообладателем изобретения, повлекшим недостаточное удовлетворение общественных потребностей в соответствующей продукции. Однако только некоторые из рассмотренных выше стран воспользовались предусмотренным в пункте «к» статьи 31 Соглашения ТРИПС правом закрепить в национальном законодательстве возможность принудительного лицензирования (в том числе в части возможности уменьшения вознаграждения) при выявле-

нии и доказанности антимонопольной практики со стороны патентообладателей (среди данных стран можно назвать, например, Германию и Швейцарию).

Данный правовой механизм позволяет более быстро и эффективно реагировать на недобросовестные действия патентообладателей в сфере конкуренции. Однако он не предусмотрен в российском гражданском праве, что можно признать правовым пробелом, требующим устранения.

Сравнительный анализ приведенных выше правовых систем европейских стран позволяет разделить их на государства, в которых принудительные лицензии выдаются:

- 1) в судебном порядке (Германия, Швейцария);
- 2) в административном порядке обычно национальным патентным ведомством (Австрия);
- 3) как в судебном, так и в административном порядке (Венгрия, Нидерланды).

При этом в Венгрии и Нидерландах отнесение выдачи принудительной лицензии к компетенции суда либо уполномоченного органа государственной исполнительной власти зависит от оснований для ее выдачи. Так, решение о выдаче принудительной лицензии при недостаточном использовании патента либо в отношении зависимого патента принимает суд, а в общественных интересах — уполномоченный орган исполнительной власти. Аналогичный подход закреплен в российском гражданском кодексе, в частности, в статьях 1360, 1360.1 и 1362.

Сравнение иностранных правовых норм с аналогичными положениями отечественного законодательства позволяет отметить более детальную регламентацию в зарубежных правовых системах процедур принятия и пересмотра решений о возмездном использовании запатентованного изобретения без согласия патентообладателя. Соответственно, рассмотренные зарубежные правовые нормы и результаты комплексного анализа правового инструментария в указанной сфере, закрепленного в зарубежном законодательстве, могут быть использованы при разработке предложений по совершенствованию российского законодательства с учетом систематизации, а также внутренних взаимосвязей между рассматриваемыми спосо-

бами использования результатов интеллектуальной деятельности.

Важно отметить, что рассмотренное совершенствование правовых механизмов и расширение внедоговорных форм использования объектов патентной охраны без согласия правообладателей в полной мере соответствуют принятым на себя международным обязательствам Российской Федерации, в частности, в рамках Соглашения ТРИПС, и не направлено на ущемление интересов и прав добросовестных патентообладателей, предпринимающих необходимые действия для обеспечения доступности товаров, ра-

бот, услуг, в которых используются объекты патентной охраны.

Доработанный, в том числе с учетом рассмотренного выше зарубежного опыта, правовой инструментарий может стать одним из элементов достижения компромисса между частными и общественными интересами в патентной сфере, может существенно облегчать правоприменение при решении задач в общественных интересах, для решения которых необходимы рассматриваемые ограничения исключительных прав неэффективных либо недобросовестных патентообладателей.

Список источников

1. Еременко В.И. Исключения из патентной монополии в соответствии с частью четвертой ГК РФ // Законодательство и экономика. 2008. № 8. С. 28-34. <https://elibrary.ru/jumybd>
2. Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Защита прав патентообладателей при коллизии патентов на лекарственные препараты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 43. С. 121-145. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2019-43-121-145>, <https://elibrary.ru/zwwcsi>
3. Ситдикова Р.И. Обеспечение частных, общественных и публичных интересов авторским правом / науч. ред. М.Ю. Чельшев. М.: Статут, 2013. 159 с. <https://elibrary.ru/vzmkkv>
4. Иванов А.Ю. Принудительное лицензирование для инновационного развития: о необходимости балансировки режима интеллектуальных прав // Закон. 2017. № 5. С. 78-93. <https://elibrary.ru/ynuepn>
5. Синецын С.А. Сравнительное патентное право: актуальные проблемы. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 416 с. <https://elibrary.ru/lytasc>
6. Аюрова А.А., Гутников О.В., Синецын С.А., Цомартова Ф.В. Защита исключительных прав на изобретения, используемые в лекарственных препаратах / отв. ред. О.В. Гутников, С.А. Синецын. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2019. 208 с. <https://elibrary.ru/eumtmd>
7. Валеева Н.Г., Всеволожский К.В., Гонгало Б.М. и др. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Ч. 1 / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. 926 с.
8. Пирогова В.В. Интеллектуальные права: возможны интеллектуальные ошибки // ЭЖ-Юрист. 2009. № 39. С. 13-14.
9. Рузакова О.А. Развитие законодательства о свободном использовании объектов патентного права // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2020. № 6. С. 2-9. <https://elibrary.ru/dmpmzj>
10. Елисеев В.И. Правовая охрана зависимых объектов патентных прав // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1 (47). С. 91-102. <https://elibrary.ru/zcrpju>
11. Ворожжевич А.С. Пределы осуществления и защиты исключительного права патентообладателя. М.: Статут, 2018. 320 с.
12. Гутников О.В., Смирнова В.М. О советских товарных знаках // Журнал российского права. 2015. № 1 (217). С. 63-73. <https://doi.org/10.12737/7250>, <https://elibrary.ru/thasel>
13. Путило Н.В., Волкова Н.С., Цомартова Ф.В. и др. Право граждан на лекарственное обеспечение / отв. ред. Н.В. Путило. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2017. 216 с.
14. Черничкина Г.Н. Функции института лицензионного договора в имущественных отношениях по законодательству Российской Федерации // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 7 (202). С. 72-82. <https://doi.org/10.24411/2072-4098-2018-17005>, <https://elibrary.ru/xtugpz>
15. Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов: сб. науч. ст. / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. 592 с.
16. Гаврилов Э.О. О «столкновениях» исключительных прав // Хозяйство и право. 2010. № 10 (405). С. 9-18. <https://elibrary.ru/ukfojb>

References

1. Eremenko V.I. (2008). Isklyucheniya iz patentnoi monopolii v sootvetstvii s chast'yu chetvertoi GK RF [Exceptions to the patent monopoly in accordance with Part Four of the Civil Code of the Russian Federation]. *Zakonodatel'stvo i ehkonomika* [Legislation and economics], no. 8, pp. 28-34. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jumybd>
2. Sannikova L.V., Kharitonova Yu.S. (2019). Protection of patent holders' rights under a conflict of drug patents. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki*, no. 43, pp. 121-145. (In Russ.) <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2019-43-121-145>, <https://elibrary.ru/zwwcsi>
3. Sitdikova R.I. (2013). *Obespechenie chastnykh, obshchestvennykh i publichnykh interesov avtorskim pravom* [Securing Private, Public and Public Interests with Copyright]. Moscow, Statut Publ., 159 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vzmkkv>
4. Ivanov A.Yu. (2017). Compulsory licensing for stimulating innovation: on the necessity to balance the intellectual property regime. *Zakon = Statute*, no. 5, pp. 78-93. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ynuepn>
5. Sinitsyn S.A. (2022). *Sravnitel'noe patentnoe pravo: aktual'nye problem* [Comparative Patent Law: Current Issues]. Moscow, Infotropik Media Publ., 416 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lytasc>
6. Ayurova A.A., Gutnikov O.V., Sinitsyn S.A., Tsomartova F.V. (2019). *Protection of Exclusive Rights to Inventions Used in Medicines: Problems of Legal Regulation and Directions for Improving Legislation*. Moscow, Yuridicheskaya firma "KONTRAKT" Publ., 208 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/eumtmd>
7. Valeeva N.G., Vsevolozhskii K.V., Gongalo B.M. et al. (2011). *Postateinyi kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. Ch. 1* [Article-by-Article Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Pt. 1]. Moscow, Statut Publ., 926 p. (In Russ.)
8. Pirogova V.V. (2009). Intellektual'nye prava: vozmozhny intellektual'nye oshibki [Intellectual Property Rights: Intellectual Errors are Possible]. *EhZh-Yurist* [Economics and Life – Lawyer], no. 39, pp. 13-14. (In Russ.)
9. Ruzakova O.A. (2020). Development of legislation on the free use of patent law objects. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava* [Patents and Licenses. Intellectual Property Rights], no. 6, pp. 2-9. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dmpmzj>
10. Eliseev V.I. (2017). Pravovaya okhrana zavisimykh ob'ektov patentnykh prav [Legal protection of dependent objects of patent rights]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Legal Journal*, no. 1 (47), pp. 91-102. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zcrpjj>
11. Vorozhevich A.S. (2018). *Predely osushchestvleniya i zashchity isklyuchitel'nogo prava patentoobladatelya* [The Limits of the Exercise and Protection of the Exclusive Right of the Patent Holder]. Moscow, Statut Publ., 320 p. (In Russ.)
12. Gutnikov O.V., Smirnova V.M. (2015). On Soviet trade marks. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 1 (217), pp. 63-73. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/7250>, <https://elibrary.ru/thasel>
13. Putilo N.V., Volkova N.S., Tsomartova F.V. et al. (2017). *Pravo grazhdan na lekarstvennoe obespechenie* [The Right of Citizens to Medical Care]. Moscow, Yuridicheskaya firma "Kontrakt" Publ., 216 p. (In Russ.)
14. Chernichkina G.N. (2018). Functions of the institute a license agreement in the property relations according to the legislation of the Russian Federation. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii = Property Relations in the Russian Federation*, no. 7 (202), pp. 72-82. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2072-4098-2018-17005>, <https://elibrary.ru/xtugpz>
15. Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. (executive ed.) (2017). *Sbornik nauchnykh statei «Sed'moi Permskii kongress uchenykh-yuristov»* [Collection of Scientific Articles "The Seventh Perm Congress of Legal Scientists"]. Moscow, Statut Publ., 592 p. (In Russ.)
16. Gavrilov Eh.O. (2010). O «stolknoveniyakh» isklyuchitel'nykh prav [About "collisions" of exclusive rights]. *Khozyaistvo i pravo* [Economy and Law], no. 10 (405), pp. 9-18. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ukfojb>

Поступила в редакцию / Received 20.10.2023

Поступила после рецензирования / Revised 22.02.2024

Принята к публикации / Accepted 18.03.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.2/.7

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-85-93>

Шифр научной специальности 5.1.4

Общественные отношения как предмет уголовно-правового регулирования и объект социально-правового воздействия

© МИКАУТАДЗЕ Сергей Романович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, Липецкий филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Российская Федерация, 389050, г. Липецк, ул. Интернациональная, 3, <https://orcid.org/0009-0007-0198-5947>, mikautadze.s@yandex

Аннотация

Проведен научный анализ вопроса об объекте правового регулирования. Сделан вывод о том, что именно общественные отношения представляют собой предмет уголовного права. Аргументирован вывод в пользу точки зрения отдельных ученых о том, что общественные отношения, находящиеся под охраной уголовного закона, существуют объективно и независимо от последнего. Отдельное внимание уделено вопросу о соотношении категорий уголовно-правового регулирования и социально-правового воздействия на общественные отношения. Сформулирована авторская позиция по вопросу о правовой корректности термина уголовно-правовое воздействие на общественные отношения, и сделан вывод о более правильном и предпочтительном явлении – социально-правовом воздействии, так как в реальной жизнедеятельности наблюдается реализация уголовно-правовой нормы и последствия оказываемого ею воздействия не в чистом виде, а только в контексте всего многообразия социальных инструментов, совокупности фактических правовых связей и форм общественного познания. Аргументирован тезис о том, что совершение преступления как юридический факт вызывает возникновение новых уголовно-правовых отношений, но только в объеме и в пределах тех определенных правовых связей по поводу прав и свобод человека, которые были нарушены данным преступлением. Следовательно, автор предлагает говорить о возникновении, существовании, функционировании самостоятельных уголовно-правовых отношений только условно, поскольку в каждом конкретном случае преступление искажает, нарушает определенные общественно полезные правовые связи, охраняемые уголовным законом.

Ключевые слова

общественные отношения, уголовно-правовое регулирование, правовое воздействие, объект преступления

Для цитирования

Микаутадзе С.Р. Общественные отношения как предмет уголовно-правового регулирования и объект социально-правового воздействия // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1. С. 85-93. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-85-93>

Public relations as a subject of criminal law regulation and an object of social and legal impact

© Sergey R. MIKAUTADZE,

PhD (Law), Associate Professor of Criminal Law, Process and Criminalistics Department, Lipetsk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 3 Internatsionalnaya St., 389050, Lipetsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0007-0198-5947>, mikautadze.s@yandex

Abstract

A scientific analysis of the issue of the object of legal regulation has been carried out. It is concluded that it is social relations that constitute the subject of criminal law. The conclusion is argued in favor of the point of view of individual scientists that social relations protected by criminal law exist objectively and independently of the latter. Special attention is paid to the issue of the relationship between the categories of criminal law regulation and socio-legal impact on social relations. The author's position is formulated on the issue of the legal correctness of the term criminal legal impact on social relations, and a conclusion is made about a more correct and preferable phenomenon – social and legal impact, since in real life there is an implementation of the criminal legal norm and the consequences of its impact are not in pure form, but only in the context of the whole variety of social instruments, the totality of actual legal connections and forms of social cognition. The thesis is argued that the commission of a crime as a legal fact causes the emergence of new criminal legal relations, but only to the extent and within the limits of those specific legal connections regarding human rights and freedoms that were violated by this crime. Consequently, the author proposes to talk about the emergence, existence, and functioning of independent criminal legal relations only conditionally, since in each specific case the crime distorts and violates certain socially useful legal relations protected by criminal law.

Keywords

public relations, criminal law regulation, legal impact, object of crime

For citation

Mikautadze, S.R. (2024). Public relations as a subject of criminal law regulation and an object of social and legal impact. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1, pp. 85-93 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-85-93>

Введение

В теории уголовного права существует несколько точек зрения по вопросу о том, что же составляет предмет данной правовой отрасли. Одни из ученых говорят об общественных отношениях, охраняемых уголовным законом. Это понимание предмета уголовно-правового регулирования является господствующим в отечественной теории уголовного права. Так, Ю.И. Ляпунов, исследуя вопрос о предмете регулирования уголовного права, понимает под ним «упорядоченность посредством действия правовых норм общественных отношений в интересах граждан, социума и государства» [1, с. 48]. В.Я. Тацкий, говоря об общественных отношениях как об объекте уголовно-правовой охраны, отмечает, что это «определенные связи между людьми (субъектами отношений), скла-

дывающиеся в процессе их совместной материальной и духовной деятельности на основе определенного способа производства и специфики, проявляющейся на каждой ступени естественноисторического развития общества» [2, с. 12]. По мнению Н.И. Коржанского, предметом правового регулирования и непосредственным объектом преступления «являются именно общественные отношения, то есть преступление всегда направлено на изменение общественных отношений. Всякое преступление прямо, а не косвенно посягает на общественные отношения» [3, с. 43].

В общей теории права под предметом правового регулирования принято понимать «разнообразные общественные отношения, которые объективно по своей природе могут поддаваться нормативно-организационному воздействию и в существующих условиях

требуют такого воздействия, осуществляемого при помощи юридических норм и всех иных юридических средств, образующих механизм правового регулирования. В качестве непосредственного предмета правового регулирования выступает волевое поведение участников общественных отношений, через которое только и можно осуществлять стимулирование или принуждение» [4, с. 376].

Результаты исследования

Наряду с общепризнанной концепцией, согласно которой предметом уголовно-правового регулирования и объектом уголовно-правовой охраны выступают общественные отношения, в науке уголовного права есть и другие точки зрения. Одна из них была высказана А.А. Пионтковским – «объектом всякого преступления одновременно является и соответствующее общественное отношение и соответствующие правовые нормы, которые регулируют эти отношения...», «...посягательство на соответствующий объект всегда связано с нарушением правовой нормы» [5, с. 83].

Соглашаясь с тем, что преступление, безусловно, нарушает установленное в правовой норме правило поведения, следует согласиться с мнением Л.Д. Гаухмана, что «уголовно-правовая норма вторична по отношению к общественным отношениям, именно для и ради их охраны эти нормы введены в закон и существуют» [6, с. 47].

Представляющей не меньший научный интерес является точка зрения ученых о том, что объектом уголовно-правовой охраны являются определенные блага (интересы) человека, общества, государства. Одним из первых данная категория в качестве предмета правового регулирования была введена профессором Б.С. Никифоровым [7, с. 12]. По мнению В.К. Глистина, «общественные отношения производны от интересов, интерес – понятие гораздо более сложное, чем общественное отношение, которое является материальным субстратом любых интересов. Интересы создают общественные отношения» [8, с. 188].

Особый интерес, на наш взгляд, представляет точка зрения ученых о том, что общественные отношения, находящиеся под охраной уголовного закона, существуют объективно и независимо от последнего. В связи с этим, по мнению М.Д. Шаргородского,

«...не при каких обстоятельствах общественные отношения не превращаются в уголовно-правовые» [9, с. 18]. Соглашаясь с данным мнением, Я.М. Брайнин пишет, что, включенные в предмет уголовного права, они «лишь становятся под охрану уголовного закона, и последний никакого значимого влияния на них не оказывает. Точнее не изменяет, не регулирует, как и не трансформирует их в уголовно-правовые отношения, поскольку они функционируют независимо от него, следовательно, самостоятельного предмета правового регулирования в уголовном праве нет, как и в других отраслях права (имущественные общественные отношения, трудовые отношения и т. д.), есть указания на объект, то есть на общественные отношения, которые охраняются уголовным правом» [10, с. 112].

Данные ученые, чья позиция нам наиболее близка, утверждают, что предметом уголовно-правового регулирования выступают, «прежде всего, те общественные отношения, которые возникают в связи с совершением преступления» [11, с. 67].

Одним из первых, кто высказал мнение о том, что общественные отношения существуют самостоятельно в значении уголовных правоотношений, принадлежало М.С. Строговичу, который сформулировал определение уголовно-правового отношения как «...выраженного в законе отношения государственной власти к лицу, совершившему действие, рассматриваемое законодателем как преступление». В дальнейшем данную точку зрения в учении о непосредственном объекте преступления поддержали А.А. Пионтковский, М.Д. Шаргородский и некоторые другие. Преступление порождает анти-социальные общественные отношения – «отношения особого рода – вредные и опасные для охраняемых уголовным законом общественных отношений. Особенность их в том, что они урегулированы уголовным законодательством и поэтому с момента их возникновения становятся уголовно-правовыми» [9, с. 25]. Продолжая данную мысль, Ю.И. Ляпунов пишет, что «только реальные противоправные поведенческие акты людей, опасные для интересов личности, общества и государства, и возникающие при этом фактические социальные связи (отношения), но отнюдь

не их юридические формы, в чем бы они ни выражались, могут быть предметом регулирования уголовного права. Правомерные действия законопослушных граждан в самых разнообразных сферах их жизнедеятельности абсолютно индифферентны для уголовного права, далеко лежат за пределами регулятивного воздействия его норм» [1, с. 48]. Данная позиция, определяющая предмет уголовно-правового регулирования в качестве общественных отношений в границах уголовных правоотношений, реализуемых в связи с совершением конкретного преступления, является наиболее часто выраженной сегодня в науке уголовного права [21, с. 52].

Считаем верным согласиться с аргументами о возможности признания предмета уголовно-правового регулирования как обособленного понятия. Однако нельзя не согласиться с мнением Г.О. Петровой, что «ученые, определяя предмет уголовно-правового регулирования, принимают за основу статьи уголовного закона и его задачи. При этом существует стремление связать положения уголовно-правовой нормы именно с правомерным поведением» [11, с. 34].

На наш взгляд, утверждение о том, что уголовное право, как совокупность таких норм, никакого влияния на общественные отношения не оказывают, не участвует в их регулировании, не совсем верно. Но и утверждать, что нарушение уголовно-правовых норм способно трансформировать, изменять общественные отношения, имеющие социальную природу, мы тоже не будем. На наш взгляд, наиболее подходящим является высказывание Л.Д. Гаухмана о том, что «при взятии общественных отношений под защиту уголовного права они объявляются объектом уголовно-правовой охраны и признаются возможным объектом преступления (при определенных условиях). Однако такое объявление не изменяет сущность общественных отношений» [6, с. 47].

Обосновывая свою позицию, целесообразно исследовать и соотнести категории социально-правового воздействия и уголовно-правового регулирования общественных отношений.

По мнению Т.Н. Радько, «...следует различать собственно регулирование (регламентацию), воздействие в процессе регулирова-

ния и воздействие вне регулирования, то есть интеллектуально-волевою и воспитательную стороны действия права» [12, с. 346]. Считаем нужным согласиться с тезисом ученого и пониманием связи процесса регулирования в рамках механизма правового регулирования с состоянием упорядоченности общественных отношений, составляющих предмет данного регулирования. В содержании этого процесса проявляется воздействие уголовно-правовых норм на поведение субъектов общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Благодаря данному воздействию уголовный запрет обеспечивает понимание и признание границ свободы дозволенного и запрещенного поведения, наделяя субъектов данных общественных отношений «свободой ограниченного выбора, и тем самым участвует в регулировании общественных отношений» [24, с. 11]. Воздействуя вне регулирования, право имеет своей целью обеспечить правопорядок как состояние защищенности общества от преступности как одной угроз национальной безопасности страны. «Сконструированный в рамках данной правовой идеологии уголовный закон воздействует на поведение человека и его отношения с другими людьми, а также обществом и государством, осуществляя при этом общепредупредительную функцию. Пределы свободы государства по ограничению, вмешательству в сферу поведения человека определяются гарантированными правами и свободами гражданина» [24, с. 12].

В связи с этим следует согласиться с утверждением А.В. Малько, согласно которому, «если правовое регулирование как специально-юридическое воздействие всегда связано с установлением конкретных прав и обязанностей субъектов, с прямыми предписаниями о должном и возможном, то правовое воздействие – не всегда. Если первое означает осуществление правовых норм через правоотношения, то второе – необязательно» [13, с. 523].

Следовательно, социально-правовое воздействие может включать в себя правовое регулирование в качестве одной из форм, при этом оно явно шире правового регулирования, поскольку не связано только с регламентированием общественных отношений и охватывает разнообразие других его форм,

таких как воспитательной, предупредительной, информационно-психологической и др.

Следует согласиться с мнением Ю.С. Жарикова, согласно которому «уголовно-правовое регулирование может оказывать воздействие на поведение людей лишь посредством правовых (юридических) норм. В отличие от него, уголовно-правовое воздействие осуществляется в рамках предупредительной и воспитательной функций уголовного права, не связано жестко с действующим правом и может осуществляться помимо этой регламентации, имеет более широкий субъектный состав адресатов, характеризуется наличием не только правовых средств, а прежде всего и иных социальных факторов, в частности экономических, политических, культурных и нравственных» [17, с. 183].

Соглашаясь в целом с указанной позицией автора, заметим, насколько уместно и правильно говорить об уголовно-правовом, а не о социально-правовом воздействии? Сам автор цитаты отмечает, что это воздействие «...не связано жестко с действующим правом и может осуществляться помимо этой регламентации». Берет ли правовое воздействие свои истоки в уголовно-правовой норме, как чисто юридической категории или все-таки его правовая природа связана с правовым запретом, который в свое время С.С. Алексеев, на наш взгляд, справедливо отнес к явлению, «...которое по самой своей субстанции имеет черты социально-правового феномена» [18, с. 75]. На наш взгляд, именно в таком широком понимании явления социально-правового воздействия использовать его предпочтительнее. Поскольку в реальной жизнедеятельности мы наблюдаем реализацию уголовно-правовой нормы и последствия оказываемого ею воздействия не в чистом виде, а только в контексте всего многообразия социальных инструментов, совокупности фактических правовых связей и форм общественного познания. В этой связи А.И. Бойко справедливо отмечает, что «настоящее уголовное право и юриспруденция вообще начинаются на стыке права и жизни, различных отраслей знания и управления» [19, с. 15].

Возвращаясь к вопросу о предмете уголовно-правового регулирования, отметим, что в философии общественные отношения – это определенные связи между субъектами от-

ношений, складывающиеся в процессе их материальной и духовной деятельности. Однако уголовное право берет под охрану не всю совокупность социальных отношений, а только отдельные из них. А.Э. Жалинский справедливо отмечает, что «собственность есть важнейшее правовое благо, однако уголовным законом охраняются лишь отдельные его стороны, в частности, господство владельца над вещью, не сводимое к правомочиям владения (в тесном смысле слова), пользования и распоряжения. Именно охраняемое правовое благо в рамках уголовно-правового запрета преобразуется в объективную сторону и во все иные признаки, а не только в объект, субъект состава преступления» [20, с. 363].

Таким образом, общественные отношения, являющиеся предметом уголовно-правового регулирования, – это фактические общественные отношения, существующие независимо от их правовой формы, независимо от уголовного законодательства. По мнению Л.Д. Гаухмана, это ограничивает объект преступления от уголовно-правовой нормы и уголовного правоотношения. Ученый считает, что отдельным преступлением нарушается конкретное право, благо и базирующееся на нем правоотношение. «Однако и то и другое является только правовой формой фактических общественных отношений, по отношению к последним вторичны и нарушаются попутно» [6, с. 49].

Однако данное утверждение нуждается в уточнении. Представляется очевидным, что преступлением нарушается установленный порядок связей между людьми, вызывающий изменение общественных отношений. Прав Н.И. Коржанский, утверждающий, что «там, где нет посягательства на общественные отношения, где путем изменения общественных отношений не причиняется социальный вред, нет преступления» [3, с. 124]. Не оказывая значимого влияния на общественные отношения как объект уголовно-правовой охраны (общий объект), общественно опасное посягательство, хотя и попутно, но нарушает, повреждает или уничтожает конкретные общественные отношения, составляющие непосредственный объект преступления. Именно в объеме непосредственного объекта преступления общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, при-

чиняется социальный вред, наносится ущерб, происходит их нарушение, разрушение или изменение. Именно эти общественные отношения признаются государством нуждающимися в уголовно-правовом регулировании и охране уголовно-правовыми средствами. Как отмечает Я.М. Брайнин, «преступление, посягая на те или иные общественные отношения, объективно не уничтожает их и не изменяет их, а наносит ущерб лишь отдельным элементам этих отношений» [21, с. 209].

Таким образом, целесообразно сделать вывод о том, что под общественными отношениями как объектом уголовно-правовой охраны следует понимать определенную совокупность социально-правовых связей между людьми, государством и обществом по поводу возникновения, существования и реализации наиболее ценных, основных конституционных прав и свобод, а также обязанностей в процессе их совместной жизнедеятельности. Преступление, посягая на общественные отношения, повреждает, нарушает и даже разрушает отдельные из этих связей, причиняя им существенный вред, но не ломает при этом основной «стержень» данной совокупности.

Объясняя свое понимание сущности общественных отношений, некоторые ученые наглядно приводят в качестве примера посяательства на отношения собственности. Считаем целесообразным обратиться также к этому примеру. Так, хищением здесь нарушается определенная совокупность правовых связей человека по поводу права собственности на конкретную вещь, материальный предмет. Данное нарушение связей, безусловно, социально вредно, поскольку лишает человека возможности пользоваться и распоряжаться своим имуществом. Но оно не отменяет права собственности на эту вещь потерпевшего – субъекта данных социально-правовых связей, и не наделяет правом собственности в отношении этой вещи преступника. Таким образом, «стержневая» совокупность социально-правовых связей по поводу права собственности человека не нарушается и не повреждается. И, следовательно, фактические общественные отношения по поводу права собственности существуют независимо от последствий нарушения уголовного запрета. «Ответственность правонарушителя вторична, она корреспондируется с принад-

лежащим государству правом принуждения в рамках правового регулирования и реализуется в виде обязанности понести наказание за нарушение конкретного уголовно-правового запрета определенным лицом» [22, с. 427].

Те правовые связи по поводу права собственности на конкретную вещь, которые были нарушены преступлением, представляют собой правоотношения, которые находятся под охраной уголовного права и, в связи с этим, наделяются уголовно-правовым содержанием. Однако уголовно-правовой характер данных правоотношений не определяется их правовой природой, напротив, он связан исключительно с фактом совершения преступления, которым нарушается уголовно-правовая норма как основа данных правоотношений.

Следовательно, необходимо различать понятия «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления». И, в связи с этим, возникает вопрос о необходимости теоретического существования понятия «общий объект» и целесообразности его конкурентирования с понятием «объект уголовно-правовой охраны».

Данные социально-правовые связи человека по поводу права собственности как объект преступления, думается, как раз и рассматриваются А.Э. Жалинским, как «охраняемое правовое благо в рамках уголовно-правового запрета» [20, с. 363].

Другими учеными данные социально-правовые связи раскрываются через понятие составных элементов общественного отношения. Структурные элементы общественных отношений в качестве объекта преступления признают А.А. Пионтковский, Б.С. Никифоров, В.Н. Кудрявцев и многие другие. К числу таких элементов ученые причисляют субъектов – как носителей отношений, предметы, по поводу которых отношения формируются, и социальные связи в качестве содержания отношений.

На наш взгляд, включение в структурные элементы предметов материального мира, на которые непосредственно направлено внимание преступника, совершающего преступление, не способствует уяснению различий предметов и социальных связей по поводу прав на эти предметы в качестве объекта преступления. Не только практические работники, но и некоторые ученые отождест-

влияют предмет и объект преступления, что приводит к ошибкам в правоприменительной деятельности и, на наш взгляд, порождает неточности в теории уголовного права. Ведь, как известно, например, деньги являются предметом многих преступлений, разнесенных законодателем по разным разделам и главам Уголовного кодекса РФ. Однако, например, получение взятки в виде денег посягает на общественные отношения, обеспечивающие и охраняющие интересы государственной службы, а та же кража денег предусматривает в качестве объекта уголовно-правовой охраны отношения собственности.

Заключение

Считаем, что под общественными отношениями как объектом уголовно-правовой охраны следует все-таки понимать определенную совокупность социально-правовых связей между людьми по поводу прав на материальные предметы. В этой части, на наш взгляд, прав Ю.И. Ляпунов, который пишет, что «общественные отношения как объект преступления не включают в себя ничего вещественного. Поэтому ни люди (субъекты отношений), ни действия людей, ни материальные предметы – объекты отношений, не являются структурными элементами общественных отношений» [1, с. 53].

Но трансформирует ли преступление как юридический факт общественные отношения в самостоятельные уголовно-правовые?

В теории уголовного права существуют различные точки зрения по поводу классификации общественных отношений, составляющих объект уголовно-правовой охраны. Одной из приемлемых, на наш взгляд, является классификация, предложенная В.А. Номенковым, который «подразделяет уголовно-правовые отношения на общерегулятивные, охранительные и конкретно-регулятивные. Общерегулятивные правоотношения возникают с момента вступления в силу уголовно-правовых норм. Они распространяются на государство и всех граждан, могущих быть субъектами преступления. Охранительные, собственно уголовно-правовые, отношения возникают вследствие «разрыва» общерегулятивных отношений фактом совершения преступления» [23, с. 122].

Хотелось бы отметить, что разделение общественных отношений на виды в зави-

симости от наступления юридического факта – совершения преступления, нам представляется не совсем правильным. Совершением преступления находящиеся под охраной уголовного закона общественные отношения не видоизменяются и не трансформируются в уголовно-правовые и уж тем более не прерываются, о чем уже говорилось выше. Более точно было бы выделять не виды общественных отношений, охраняемых уголовным правом, а функции уголовного права по отношению к регулируемым и охраняемым им общественным отношениям. По нашему мнению, здесь можно согласиться с автором вышеупомянутой классификации о целесообразности выделения общерегулятивной, охранительной и конкретно-регулятивной функций уголовно-правовой нормы.

Совершение преступления как юридический факт, по нашему мнению, вызывает возникновение новых уголовно-правовых отношений, но только в объеме и в пределах тех определенных правовых связей по поводу прав и свобод человека, которые были нарушены данным преступлением. В каждом конкретном случае преступление искажает, нарушает определенные общественно полезные правовые связи, охраняемые уголовным законом, проявляет, таким образом, свой анти-социальный, вредный и опасный характер. Являясь причиной нарушения конкретных социально-правовых связей, акт нарушения правового запрета переводит фактические общественные отношения в плоскость правоотношений, приобретающих уголовно-правовой характер ввиду воздействия на них средств механизма уголовно-правового регулирования. Как отмечает М.Ю. Дворецкий, «уголовно-правовое отношение имеет объективную предопределенность, и его последующее непосредственное наличие никак не связано с каким-либо определенным субъективным фактором» [24, с. 75]. Следовательно, говорить о возникновении, существовании, функционировании самостоятельных уголовно-правовых отношений, на наш взгляд, можно только условно. Как пишет Я.М. Брагинин: «Самостоятельный характер уголовного права определяется той ролью, которую оно выполняет по охране всей системы общественных отношений и всего правопорядка от преступных посягательств» [21, с. 21].

Список источников

1. Ляпунов Ю.И. Уголовное право: предмет и метод регулирования и охраны // Уголовное право. 2005. № 1. С. 48-54.
2. Тацкий В.Я. Объект и предмет преступления. М.: Госиздат, 1986. 212 с.
3. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: Академия МВД СССР, 1980. 248 с.
4. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с. <https://elibrary.ru/rmlyff>
5. Пионковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть. М.: Госиздат, 1961. 666 с.
6. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: Академия управления МВД России, 2001. 547 с.
7. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1960. 229 с.
8. Глистин В.К. Проблемы уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. 248 с.
9. Курс советского уголовного права. Т. 1: Часть общая / под общ. ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 646 с.
10. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М.: Юридическая литература, 1963. 275 с.
11. Стромов В.Ю. Проблемы уголовно-правовой теории и правоприменительной практики в эффективности предупредительного воздействия системы наказаний // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. 2016. Вып. 1 (5). С. 66-70. <https://elibrary.ru/vsnxsl>
12. Дворецкий М.Ю. Формы уголовной ответственности и их виды в контексте эффективной реализации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. 2016. Т. 2. Вып. 3 (7). С. 48-56. <https://elibrary.ru/uogmbs>
13. Петрова Г.О. Уголовно-правовое регулирование и его средства: норма и правоотношение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003. 47 с.
14. Радько Т.Н. Теория государства и права. М.: Проспект, 2004. 359 с.
15. Микаутадзе С.Р. Уголовно-правовой запрет в регулировании общественных отношений // Научный портал МВД России. 2013. № 4 (24). С. 10-14. <https://elibrary.ru/rtezlx>
16. Теория государства и права. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юрист, 2004. 585 с.
17. Жариков Ю.С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации. М.: Юриспруденция, 2009. 210 с.
18. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1989. 286 с.
19. Бойко А.И. Система и структура уголовного права: в 3 т. Системология и структурализм в современной познавательной культуре. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2007. Т. 1. 508 с.
20. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2009. 400 с.
21. Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М.: Юридическая литература, 1967. 240 с.
22. Микаутадзе С.Р. Правовая природа уголовной ответственности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 2 (15). С. 422-428. <https://elibrary.ru/repdaf>
23. Номоконов В.А. Преступное поведение: детерминизм и ответственность. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. 157 с.
24. Дворецкий М.Ю. Эффективность реализации уголовной ответственности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. 2016. Вып. 1 (5). С. 70-75. <https://elibrary.ru/vsnxsv>

References

1. Lyapunov Yu.I. (2005). Ugolovnoe pravo: predmet i metod regulirovaniya i okhrany [Criminal law: subject and method of regulation and protection]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], no. 1, pp. 48-54. (In Russ.)
2. Tatsiy V.Ya. (1986). *Ob"ekt i predmet prestupleniya* [Object and Subject of the Crime]. Moscow, Gosizdat Publ., 212 p. (In Russ.)
3. Korzhanskiy N.I. (1980). *Ob"ekt i predmet ugolovno-pravovoy okhrany* [Object and Subject of Criminal Legal Protection]. Moscow, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 248 p. (In Russ.)
4. Alekseev S.S. (1999). *Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: ABC – Theory – Philosophy: Experience of Comprehensive Research]. Moscow, Statut Publ., 712 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rmlyff>

5. Pionkovskiy A.A. (1961). *Uchenie o prestuplenii po sovetskomu ugovnomu pravu. Kurs sovetskogo ugovnogo prava: Obshchaya chast'* [The Doctrine of Crime in Soviet Criminal Law. Course of Soviet Criminal Law: General Part]. Moscow, Gosizdat Publ., 666 p. (In Russ.)
6. Gaukhman L.D. (2001). *Kvalifikatsiya prestupleniy: zakon, teoriya, praktika* [Qualification of Crimes: Law, Theory, Practice]. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 547 p. (In Russ.)
7. Nikiforov B.S. (1960). *Ob'ekt prestupleniya po sovetskomu ugovnomu pravu* [The Object of the Crime According to Soviet Criminal Law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 229 p. (In Russ.)
8. Glistin V.K. (1979). *Problemy ugovno-pravovoy okhrany obshchestvennykh otnosheniy* [Problems of Criminal Legal Protection of Public Relations]. Leningrad, Leningrad University Publ., 248 p. (In Russ.)
9. Belyaev N.A., Shargorodskii M.D. (general ed.). (1968). *Kurs sovetskogo ugovnogo prava. Chast' obshchaya* [Course of Soviet Criminal Law. General Part]. Leningrad, Leningrad University Publ., 646 p. (In Russ.)
10. Braynin Ya.M. (1963). *Ugovnaya otvetstvennost' i ee osnovanie v sovetskom ugovnom prave* [Criminal Liability and its Basis in Soviet Criminal Law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 275 p. (In Russ.)
11. Stromov V.Yu. (2016). Questions of criminal-legal theory and law enforcement practice in preventive effect in system of penalties efficiency. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Politicheskie nauki i pravo = Tambov University Review. Series Politics and Law*, issue 1 (5), pp. 66-70. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vsnxsl>
12. Dvoretzkiy M.Yu. (2016). The forms of criminal liability and their types in the context of effective realization. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Politicheskie nauki i pravo = Tambov University Review. Series Politics and Law*, vol. 2, issue 3 (7), pp. 48-56. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uogmbs>
13. Petrova G.O. (2003). *Ugovno-pravovoe regulirovanie i ego sredstva: norma i pravootnoshenie: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Criminal Legal Regulation and its Means: Norm and Legal Relationship: Dr. habil. (Law) diss. abstr.]. N. Novgorod, 47 p. (In Russ.)
14. Rad'ko T.N. (2004). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of Government and Rights]. Moscow, Prospekt Publ., 359 p. (In Russ.)
15. Mikautadze S.R. (2013). The criminal legal prohibition in regulating social relations. *Nauchnyy portal MVD Rossii = Scientific portal of the Russia Ministry of the Interior*, no. 4 (24), pp. 10-14. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rtezlx>
16. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. (ed.). (2004). *Teoriya gosudarstva i prava. 2-e izd.* [Theory of Government and Rights. 2nd ed.]. Moscow, Yurist' Publ., 585 p. (In Russ.)
17. Zharikov Yu.S. (2009). *Ugovno-pravovoe regulirovanie i mekhanizm ego realizatsii* [Criminal Legal Regulation and the Mechanism for its Implementation]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 210 p. (In Russ.)
18. Alekseev S.S. (1989). *Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave* [General Permissions and General Prohibitions in Soviet Law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 286 p. (In Russ.)
19. Boyko A.I. (2007). *Sistema i struktura ugovnogo prava: v 3 t. Sistemologiya i strukturalizm v sovremennoy poznavatel'noy kul'ture* [The System and Structure of Criminal Law: in 3 vols. Systemology and Structuralism in Modern Cognitive Culture]. Rostov-on-Don, North Caucasus Academy of Public Administration Publ., vol. 1, 508 p. (In Russ.)
20. Zhalinskiy A.E. (2009). *Ugovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyy analiz* [Criminal Law in Anticipation of Change: Theoretical and Instrumental Analysis]. Moscow, Prospekt Publ., 400 p. (In Russ.)
21. Braynin Ya.M. (1967). *Ugovnyy zakon i ego primenenie* [Criminal Law and its Application]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 240 p. (In Russ.)
22. Mikautadze S.R. (2013). Legal nature of criminal responsibility. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Pravo*, no. 2 (15), pp. 422-428. (In Russ.) <https://elibrary.ru/repdaf>
23. Nomokonov V.A. (1989). *Prestupnoe povedenie: determinizm i otvetstvennost'* [Criminal Behavior: Determinism and Responsibility]. Vladivostok, Far Eastern Federal University Publ., 157 p. (In Russ.)
24. Dvoretzkiy M.Yu. (2016). Efficiency of criminal responsibility realization. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Politicheskie nauki i pravo = Tambov University Review. Series Politics and Law*, issue 1 (5), pp. 70-75. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vsnxsv>

Поступила в редакцию / Received 16.11.2023

Поступила после рецензирования / Revised 12.02.2024

Принята к публикации / Accepted 18.03.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 346.9

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-94-106>

Шифр научной специальности 5.1.3

Спорные вопросы оспаривания сделок должника по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве

© САСЫКИН Константин Юрьевич,

юрист, Фармацевтическая компания «Пульс», Российская Федерация, 196158, г. Санкт-Петербург, Дунайский просп., 13, корп. 1; ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, <https://orcid.org/0000-0002-8973-8567>, k.sasykin@bk.ru

Аннотация

Рассмотрены вопросы, связанные с совершением должником в преддверии своего банкротства сделок и оспаривания таких сделок на основании пункта 2 статьи 61.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» как совершенных с целью причинения вреда. Внимание уделено анализу отдельной судебной-арбитражной практики и проблематике оценки судами отдельных обстоятельств. Цель исследования – проведение анализа оснований и проблемной практики оспаривания сделок по пункту 2 статьи 61.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ, выделив спорные вопросы, а именно критерии, позволяющие судам отказать в удовлетворении требований о признании сделок недействительными по данному основанию. В качестве методов исследования применены аналитический, системный, технико-юридический. По результатам проведенной работы обращено внимание на ошибочность практики некоторых судов при оценке осведомленности контрагента должника о цели причинения вреда оспариваемой сделкой при их совершении в отношении недвижимости и иных крупных сделок. Отмечена необходимость развития института добросовестности, ухода судов от применения формальных критериев заинтересованности лиц, отмечена значимость оценки всех обстоятельств поведения контрагента и необходимость понижения стандартов доказывания его недобросовестности в отдельных случаях.

Ключевые слова

банкротство, несостоятельность, должник, оспаривание сделок, недействительность сделок, разумность, осмотрительность, добросовестность, осведомленность, заинтересованность, цель, причинение вреда, признаки неплатежеспособности, недостаточность имущества, статья 61.2 Закона о банкротстве

Для цитирования

Сасыкин К.Ю. Спорные вопросы оспаривания сделок должника по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1. С. 94-106. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-94-106>

Disputable issues of challenging the debtor's transactions under paragraph 2 of Article 61.2 of the Bankruptcy Law

© Konstantin Yu. SASYKIN,

Lawyer, Pharmaceutical Company "PULSE", 1 bldg, 13 Dunaisky Ave., St. Petersburg, 196158; Saint-Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-8973-8567>, k.sasykin@bk.ru

Abstract

The issues related to the debtor's transactions on the eve of bankruptcy and contestation such transactions on the basis of paragraph 2 of Article 61.2 of Federal Law No. 127-FZ dated October 26, 2002 "On Insolvency (Bankruptcy)" as committed with the purpose of causing harm are considered. Attention is paid to the analysis of individual judicial and arbitration practice and the courts' assessment problems of individual circumstances. The purpose of the study is to analyze the grounds and problematic practice of contesting transactions under paragraph 2 of Article 61.2 of the Federal Law of October 26, 2002. No. 127-FZ, highlighting controversial issues – criteria that allow the courts to refuse to satisfy the requirements for declaring transactions invalid on this basis. Analytical, systematic, technical and legal methods are used in the research. Based on the results of the work carried out, attention is drawn to the erroneous practice of some courts in assessing the awareness of the debtor's counterparty about the purpose of causing harm to the disputed transaction when they are committed in relation to real estate and other large transactions. The necessity of developing the integrity institute, avoiding the courts from applying formal criteria of persons' interest is noted, the importance of assessing all the circumstances of the counter-agent's behavior and the need to lower the standards of proving his dishonesty in certain cases is noted.

Keywords

bankruptcy, insolvency, debtor, contesting transactions, invalidity of transactions, reasonableness, prudence, conscientiousness, awareness, interest, purpose, harm, signs of insolvency, insufficient property, article 61.2 of the Bankruptcy Law

For citation

Sasykin, K.Yu. (2024). Disputable issues of challenging the debtor's transactions under paragraph 2 of Article 61.2 of the Bankruptcy Law. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1, pp. 94-106 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-94-106>

Введение

Должники зачастую в преддверии банкротства предпринимают попытки снизить неблагоприятные имущественные последствия для них, которые наступают после введения соответствующих процедур, в том числе не допустить включения в конкурсную массу принадлежащего им имущества. Подобные намерения реализуются с помощью различного рода сделок, которые могут иметь внешний легитимный характер, включая сделки дарения, купли-продажи и прочие, однако по существу таковыми не являются.

Основным же способом возврата имущества, выведенного недобросовестными должниками из конкурсной массы в предбанкротный и банкротный периоды, является оспаривание таких совершенных сделок со стороны арбитражного управляющего, креди-

торов и иных лиц с целью признания их недействительными и применения последствий недействительности в виде возврата отчужденного имущества в конкурсную массу. Об этом же пишут и иные авторы [1, с. 27; 2, с. 130]. И одним из наиболее распространенных оснований признания сделок недействительными является пункт 2 статьи 61.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)¹.

Как указывает С.А. Кузнецов, оспаривание сделок должника по основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве, направлено исключительно на формирование кон-

¹ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. на дату 16.08.2023).

курсной массы и соразмерное удовлетворение требований кредиторов, и не способно решить задачи, лежащие за пределами банкротства [2, с. 131].

То есть абсолютно не является целью восстановление субъективных прав должника и лишение сделок тех юридических последствий, на возникновение которых они были направлены. Арбитражный суд, к примеру, действительно, несмотря на порочность сделки, может отказать в признании сделки должника недействительной в том случае, если приобретатель по недействительной сделке вернул все исполненное в конкурсную массу, или если стоимость имущества, приобретенного должником в результате оспариваемой сделки, превышает стоимость того, что может быть возвращено в конкурсную массу в результате оспаривания сделки. Тем самым, порочная сделка останется действительной.

Как указывает М.В. Столярчук, в одном из дел о банкротстве Верховный суд РФ отождествил последствия недействительности оспоренной по пункту 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве сделки «по своей экономической сути с конфискационными»², и позднее указание на конфискационный характер было отражено даже в судебных актах окружных судов³, хотя дальнейшего развития и детализации указанная позиция не получила [3, с. 119].

В этой связи на практике возникает вопрос: эффективен ли такой институт в ситуации подготовленного банкротства и в условиях объективного ограниченного доступа кредиторов (и арбитражного управляющего) в получении необходимых доказательств и вообще ограниченных инструментов доказывания? Не нуждается ли в пересмотре и стандартизации существующий среди судов подход к распределению бремени доказывания?

Актуальность поставленных вопросов обусловлена тем, что лишь в 2022 г. зарегистрированное количество банкротств компаний (открытых конкурсных производств) составило 9055 дел, а доля дел, в которых у

должника в ходе инвентаризации установлено полное отсутствие имущества, составила около 38,4 %. В этот же период количество банкротств (введенных судебных процедур реализации имущества) в отношении физических лиц составило 278 137 дел, а доля дел, в которых у должника в ходе инвентаризации установлено полное отсутствие имущества, составила 90,2 %. При этом показатель удовлетворенных заявлений о признании сделок должника недействительными составил лишь 47 %⁴.

Проблемные вопросы применения пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве освещаются различными авторами [4, с. 67; 5, с. 111; 6, с. 129; 7, с. 46; 8, с. 6; 9, с. 96; 10, с. 143].

Результаты исследования

Причина популярности пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве состоит в том, что среди иных «банкротных» оснований он предполагает возможность оспаривания более ранних сделок, совершенных в срок до 3 (трех) лет до подачи заявления о банкротстве должников.

Имеется в виду, что, например, для оспаривания сделки по пункту 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве такая сделка должна быть совершена не ранее чем за 1 (один) год до подачи заявления о банкротстве; для оспаривания сделки по пункту 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве моментом совершения сделки должен быть срок не ранее 6 (шести) месяцев до подачи заявления о банкротстве; в то время как по пункту 2 статьи 61.2 Закона такой срок составляет 3 (три) года.

Так, действующая на сегодняшний день редакция указанной нормы (ред. от 28 декабря 2022 г.) предусматривает, что сделка, совершенная должником **в целях** причинения вреда имущественным правам кредиторов, **может быть** признана арбитражным судом недействительной в случаях, если:

- во-первых, такая сделка (как указано уже выше) была совершена в течение трех лет до принятия заявления о признании должника банкротом или после принятия указанного заявления;

² Определение Верховного суда РФ от 23.12.2021 № 305-ЭС21-19707 по делу № А40-35533/2018.

³ См.: постановление АС Уральского округа от 18.05.2022 № Ф09-1863 по делу № А50-3823/2020; постановление АС Западно-Сибирского округа от 04.05.2022 по делу № А27-384/2020.

⁴ Информация Федресурса. URL: <https://fedresurs.ru/news/191fa52b-1fc4-4796-ac1e-b5de2693e52c> (дата обращения: 10.09.2023).

– во-вторых, в результате совершения такой сделки причинен вред имущественным правам кредиторов;

– в-третьих, другая сторона сделки знала об указанной цели должника к моменту совершения сделки.

Как указывает Пленум ВАС РФ, в случае недоказанности хотя бы одного из перечисленных обстоятельств суд отказывает в признании сделки недействительной по данному основанию⁵.

Как видно, принципиальным и объединяющим данные обстоятельства для заявителя фактором является необходимость доказать именно *цель оспариваемых сделок – причинение вреда имущественным правам кредиторов. Она должна быть, о ней должны знать стороны.*

И стоит сказать, что зачастую процесс доказывания этого факта абсолютно не легок, о чем писал еще Г.Ф. Шершеневич, отмечая, что «доказывание злого намерения со стороны несостоятельного должника представляет необыкновенные затруднения, лишаящие всякого значения само юридическое орудие защиты» [10, с. 273].

И, казалось бы, что, с одной стороны, из вышеназванной нормы Закона о банкротстве следует ряд презумпций, согласно которым такая цель предполагается (в силу прямого указания), то есть которые направлены упростить процесс оспаривания соответствующей сделки.

Например, презюмируется цель причинения вреда сделкой при одновременном наличии всех следующих обстоятельств:

– во-первых, на момент совершения сделки должник отвечал или в результате совершения сделки стал отвечать признаку неплатежеспособности или недостаточности имущества;

– во-вторых, сделка была совершена безвозмездно или в отношении заинтересованного лица, либо направлена на выплату (выдел) доли (пая) в имуществе должника учредителю (участнику) должника в связи с выходом из состава учредителей (участников) должника.

⁵ О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (в ред. на дату 16.10.2023).

Так, данная цель (согласно текущей редакции этой же статьи 61.2 Закона о банкротстве) предполагается также, если сделка совершена при наличии одного из следующих условий:

– стоимость переданного в результате совершения сделки или нескольких взаимосвязанных сделок имущества либо принятых обязательств и (или) обязанности составляет 20 и более процентов балансовой стоимости активов должника, а для кредитной организации – 10 и более процентов балансовой стоимости активов должника, определенной по данным бухгалтерской отчетности должника на последнюю отчетную дату перед совершением указанных сделки или сделок;

– должник изменил свое место жительства или место нахождения без уведомления кредиторов непосредственно перед совершением сделки или после ее совершения, либо скрыл свое имущество, либо уничтожил или исказил правоустанавливающие документы, документы бухгалтерской и (или) иной отчетности или учетные документы, ведение которых предусмотрено законодательством Российской Федерации, либо в результате ненадлежащего исполнения должником обязанностей по хранению и ведению бухгалтерской отчетности были уничтожены или искажены указанные документы;

– после совершения сделки по передаче имущества должник продолжал осуществлять пользование и (или) владение данным имуществом либо давать указания его собственнику об определении судьбы данного имущества.

Однако, с другой стороны, несмотря на перечисленные выше презумпции, они носят сугубо оценочный характер, что не может не вызывать сложности применения судами, и возможности манипуляций (как со стороны заявителя, так и со стороны ответчиков).

Так, практический опыт и исследование судебной практики оспаривания сделок по основаниям пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве позволяет сформулировать вывод о том, что на сегодняшний день вопросы относительно доказывания цели должника в причинении вреда оспариваемой сделкой, а также доказывания осведомленности другой стороны о такой цели – крайне дискуссион-

ны и имеют крайне неоднозначное толкование. Суды нередко выносят противоречащие здравой логике судебные акты, отказывая в удовлетворении требований о признании сделок недействительными со ссылкой на недоказанность соответствующих обстоятельств. И также нередко суды, наоборот, без веских на то оснований «ломают» соответствующие сделки.

Действительно, применительно к доказыванию недобросовестных целей должников и их контрагентов, то в практике до сих пор даже не сложилась однозначная позиция о том, что считать моментом наступления неплатежеспособности или недостаточности имущества, их наличия у должников на момент спорной сделки.

К примеру, суды порой ошибочно ставят определение неплатежеспособности или недостаточности имущества как объективный факт (существующий в реальности) в зависимость от наличия судебных актов о взыскании с должника задолженности⁶.

Безусловно, наличие у должника внезапно сформировавшейся в отдельный период «судебной истории» упрощает доказывание момента неплатежеспособности или недостаточности имущества, *однако* это не является исключительным фактором, свидетельствующим о таком моменте, поскольку судебный акт о взыскании долга лишь отражает уже установленный другим судом факт возникновения долга и просрочки исполнения. *Все же* хронологически неисполнение обязательства всегда возникает значительно ранее, еще до судебного процесса.

В вопросах оценки осведомленности другой стороны о цели причинения вреда оспариваемой сделкой не сложилась однозначная позиция о том, что принято охватывать категорией «должна была знать» (об ущемлении интересов кредиторов должника либо о признаках неплатежеспособности

или недостаточности имущества должника). Не решен концептуально вопрос допустимости применения для обоснования «должна была знать» общего стандарта добросовестности, осмотрительности и разумности такой стороны как участника оборота, и соответственно границ применения к ней такого стандарта.

В частности, на сегодняшний момент практика так и не разработала единого стандарта добросовестности, осмотрительности и разумности участников оборота при совершении сделок, связанных с приобретением недвижимости или иного дорогостоящего имущества (особенно, если вопрос касается сделок, оцениваемых как очень крупные).

Не менее важным видится вопрос необходимости законодательного разграничения стандартов добросовестности, осмотрительности и разумности действий применительно к контрагентам должников-банкротов – субъектам предпринимательской деятельности (или лицам, приравненным к ним) и к субъектам, ее не осуществляющим. К примеру, на контрагента должника-банкрота должен быть возложен повышенный стандарт доказывания его добросовестности, осмотрительности и разумности в той ситуации, когда такой контрагент является профессиональным участником экономической деятельности (пускай и действует в конкретной сделке как обычный гражданин)? Например, если известно о наличии у гражданина должного уровня профессионального образования или практических навыков, которые бы свидетельствовали о возможностях такого контрагента при совершении сделки применить свой профессиональный подход к оценке своих рисков, а не наивно полагаться на заверения. Представляется, что закон должен такие ситуации дифференцировать из числа общих случаев, поскольку очевидно, что лица, обладающие в силу их ежедневной деятельности определенными практическими навыками и компетенциями, в действительности, при желании имеют более высокий интеллектуальный потенциал, позволяющий им выбирать и оценивать контрагентов, вести переговоры, совершать и исполнять сделки.

Что касается причинения самого вреда сделкой, то стоит сказать и то, что имеются

⁶ Например, Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 22.06.2022 по делу № А56-105157/2020/сд.2, оставленное без изменения Постановлением Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.09.2022 по делу А56-105157/2020/сд.2 Постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 12.12.2022 по делу А56-105157/2020/сд.2, Определением судьи Верховного суда Российской Федерации от 22.02.2023 по делу А56-105157/2020/сд.2 (№ 307-ЭС22-28908(2)).

проблемы в определении возмездности сделки. Нередко занимаемый судами формалистский подход сводит выяснение реального характера спорной сделки к всего лишь выяснению формальной способности другой стороны спорной сделки исполнить таковую (например, на основе расписки должника о получении денежных средств и справочной информации о доходах стороны-покупателя формулируется вывод о том, что покупатель мог произвести оплату по спорной сделке в пользу должника и соответственно произвел такую оплату, однако при этом игнорируются вопросы наличия кредиторской задолженности у такого покупателя, обстоятельств передачи средств должнику, свидетелях передачи, и вообще доказательств снятия средств со счета перед их передачей должнику). В случаях с неформально заинтересованными контрагентами такой подход приводит к заведомо неправильному и несправедливому решению.

Эти и иные спорные вопросы частично поднимаются некоторыми иными авторами [11, с. 144; 12, с. 165; 13, с. 40; 14, с. 100; 15, с. 55; 16, с. 110].

Представляется, что неплатежеспособность должника-банкрота для доказывания цели причинения вреда совершенной сделкой должна предполагаться в любом случае, если...

Необходимо вновь подчеркнуть, что Закон о банкротстве в названной статье 61.2 при квалификации сделки, как совершенной с целью причинения вреда, требует от заявителя доказать факт совершения сделки в условиях наступившей неплатежеспособности или условиях недостаточности имущества, то есть данные термины принципиально законодательно дифференцированы.

Это разграничение находит свое отражение в определениях статьи 2 Закона о банкротстве, где неплатежеспособностью является прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств. Недостаточностью имущества определено превышение размера денежных обязательств и обязанностей по уплате обязательных платежей должника над стоимостью имущества (активов) должника.

Тем самым, буквально следует, что в случае, если неплатежеспособность у должника еще и не наступила на момент совершения сделки, то это абсолютно не свидетельствует о том, что у него на тот же момент не было признаков недостаточности имущества. Для установления признаков недостаточности имущества у должника-банкрота на момент совершения спорной сделки достаточно доказать, что у него отсутствовало на тот момент равноценное имущество (активы). Данный вопрос следует рассматривать комплексно, с учетом всех фактических обстоятельств имущественного положения, включая даже выявление (в целях определения неплатежеспособности должника) совместных долгов супругов (на должнике может не быть долговых обязательств формально, однако они могут быть на его супруге, что образует общие долги, а значит должно учитываться при оценке «закредитованности» должника-банкрота). Так же должны учитываться и супружеские активы, поскольку на них также может распространяться режим совместной собственности. Несмотря на очевидность озвученного, на практике подобное фактически не применяется ни управляющими, ни, соответственно, судами, рассчитывающими на разумность и добросовестность управляющих⁷.

Немаловажно верно определять и сам момент возникновения обязанности исполнить обязательство у должника-банкрота. К примеру, при возникновении у должника-банкрота кредиторской задолженности из акцессорного (обеспечивающего) обязательства (прежде всего, поручительств), то моментом возникновения обязанности у должника-банкрота исполнить обязательство является момент неисполнения главного обязательства основным должником, что следует из правовой природы акцессорного обязательства (если иное не следует из договора

⁷ Например, Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 22.06.2022 по делу № А56-105157/2020/сд.2, оставленное без изменения Постановлением Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.09.2022 по делу А56-105157/2020/сд.2 Постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 12.12.2022 по делу А56-105157/2020/сд.2, Определением судьи Верховного суда Российской Федерации от 22.02.2023 по делу А56-105157/2020/сд.2 (№ 307-ЭС22-28908(2)).

между кредитором и должником-банкротом). Факт же последующего «просуживания» данной задолженности кредитором является лишь следствием ее возникновения и не изменяет момент наступления обязанности исполнить, лишь свидетельствует, например, о несогласии должника с добровольным исполнением и прохождении сторонами процессуального порядка взыскания задолженности, в рамках которого судом в виде отдельного судебного акта подтверждены правовые основания к взысканию соответствующей задолженности.

Наличие неплатежеспособности или недостаточности имущества является основным фактором, который следует устанавливать при обосновании цели причинения таким должником-банкротом вреда спорной сделкой. Именно в момент возникновения обязанности исполнить обязательство у недобросовестного должника-банкрота порождается умысел к отчуждению своего имущества, поскольку именно в этот момент создается реальная угроза ареста и дальнейшего обращения взыскания. Наличие или отсутствие «просуживания» задолженности кредитором в предусмотренном законом порядке не может влиять на определение признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества должников также и в том случае, если о наличии задолженности на дату оспариваемой сделки следует из заявлений самого должника (признание долга). В частности, в тех случаях, когда должник при подаче заявления о собственном банкротстве самостоятельно ссылается на определенный объем имеющейся у него кредиторской задолженности, связанной с наличием заемных (кредитных) и иных обязательств, то при определении целей должника в причинении вреда кредиторам при совершении совершенной им накануне (и оспариваемой) сделки безусловно подлежит оценке фактическое имущественное положение должника с учетом заявленного им фактического размера обязательств (как заведомо для него подлежащих исполнению). В том числе подлежат оценке для целей определения размера долга, начисляемые в рамках принятых должником на себя обязательств проценты за пользование займом и наличие у должника соотносимых доходов или имущества (активов) на их обслуживание.

Представляется, что осведомленность другой стороны сделки о цели причинения вреда должна предполагаться, если...

Так, в частности, в силу прямого указания пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве предполагается, что другая сторона знала о противоправной цели сделки при наличии одного из условий:

- она признана заинтересованным лицом;
- если она знала или должна была знать об ущемлении интересов кредиторов должника либо о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника.

В этой связи возникает, во-первых, проблематика признания сторон сделки заинтересованными лицами.

Если стороны сделки действительно являются заинтересованными, то к ним должен быть применен еще более строгий стандарт доказывания правомерности сделки, чем к обычным участникам дела о банкротстве. Такие лица должны исключить любые разумные сомнения в реальности правоотношений, поскольку общность экономических интересов, в том числе, повышает вероятность представления такими лицами внешне безупречных доказательств исполнения по существу фиктивной сделки с противоправной целью причинения вреда кредиторам, что не отвечает стандартам добросовестного осуществления прав. Заинтересованные лица, имея общий экономический интерес, заинтересованы в создании образа добросовестной непорочной оспариваемой сделки.

Основания такого отнесения предусмотрены положениями статьи 19 Закона о банкротстве. В частности, заинтересованными лицами по отношению к должнику признаются аффилированные лица⁸, а также лица, которые в соответствии с Федеральным законом от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁹ входят в одну группу лиц с должником. В любом случае заинтересованными лицами по отношению к должнику-гражданину признаются его супруг,

⁸ О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках: Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 (в ред. на дату 16.10.2023).

⁹ О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (в ред. на дату 16.10.2023).

родственники по прямой восходящей и нисходящей линии, сестры, братья и их родственники по нисходящей линии, родители, дети, сестры и братья супруга.

При этом, хотя согласно выработанной в судебной практике позиции¹⁰ аффилированность может носить фактический характер без наличия формально-юридических связей между лицами, однако, стандарт определения такого фактического характера аффилированности сторон оспариваемой сделки в практике на сегодняшний день не установлен. Единого подхода к тому, какие обстоятельства должны оцениваться судами при определении фактической аффилированности, судебная практика не нашла, что с учетом возложенного на заявителей бремени доказывания порочности оспариваемой сделки усложняет процесс установления таких фактов (заинтересованности). Ответчик по спорной сделке может на протяжении всего процесса занимать абсолютно пассивную позицию (не являться в суд, не давать пояснений об обстоятельствах сделки, отрицать все доводы заявителя и пр.) и извлекать из такого процессуального поведения только лишь выгоду (если заявитель не представит исчерпывающих доказательств аффилированности).

Представляется, что определенная презумпция заинтересованности сторон спорной сделки все же должна следовать из закона. К примеру, лица действительно могут не иметь формально-юридической связи, однако, их действия могут выходить далеко за рамки существующих в практике правил оборота.

Соответственно, представляется, что для справедливого распределения бремени доказывания в спорах о признании сделок недействительными для целей доказывания фактической аффилированности сторон сделки заявителю достаточно сослаться на наличие ранее существовавших между ними формально-юридических связей (например, вхождение ранее в одну группу лиц), либо иные обстоятельства, которые бы свидетельствовали о наличии на момент сделки общего интереса. Далее уже такая сторона сделки должна опровергнуть возникшие в ее факти-

ческой заинтересованности сомнения, представив исчерпывающие документы, свидетельствующие об отсутствии такой заинтересованности и обосновав экономическую целесообразность сделки, проявление достаточной осмотрительности.

И чем более крупной является сделка, чем более сложна схема оспариваемой сделки (субъектно и пр.), то тем более пониженный стандарт доказывания подлежит предъявлению для стороны, заявившей требование о признании сделки недействительной.

В данном случае в банкротстве для целей решения вопроса о стандарте доказывания заинтересованности или осведомленности другой стороны сделки о противоправной цели вполне обоснованно применение логики корпоративного законодательства, которое определяет критерии отнесения сделок, являющихся крупными (к примеру, статья 46 Федерального закона от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹¹). Очевидно, что сделка, согласно которой, к примеру, физическое лицо приобретает (особенно, за наличные средства) дорогостоящее даже среди аналогичных вещей имущество (например, квартиру в престижном районе), выходит за пределы обычного принятого в обществе оборота.

Аналогичным образом должно устанавливаться и то, что другая сторона сделки знала или должна была знать об ущемлении интересов кредиторов. Сторона сделки может быть не заинтересованной по отношению к должнику с позиций заинтересованности, а иметь собственный имущественный интерес в совершении сделки (например, осознавая, что спорная сделка сулит существенную выгоду, однако, сопряжена с высоким риском).

В частности, осведомленным о вредности сделки лицо должно признаваться в той ситуации, когда оно очевидно действует с риском, не свойственным для обычных участников оборота, совершающих аналогичные сделки. К таковым справедливо можно отнести, к примеру: предоставление в пользу должника другой стороной оспариваемой сделки необоснованных предпочтений (напри-

¹⁰ К примеру, определение Верховного суда Российской Федерации от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475.

¹¹ Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (в ред. на дату 17.10.2023).

мер, заниженная не рыночная ставка % за пользование должником заемными средствами; отсутствие принятия соразмерного обеспечения обязательства; предоставление отсрочки платежа и пр.) или несвойственный целям и природе сделки характер исполнения (расчеты исключительно наличными по расписке; передача имущества с отсрочкой или другому лицу; зачетный характер и пр.).

При этом, конечно же, не идет речи об оценке лица как осведомленного только на основании одного лишь факта наличия предпочтения, поскольку единичное проявление неразумности может быть и следствием обмана. Однако же наличие последовательной совокупности неразумных действий, и, тем более, в совокупности с ранее существующей формальной аффилированностью, должно однозначно находить должную оценку лица как осведомленного либо как заинтересованного.

Видится необоснованной практика отдельных арбитражных судов различных инстанций, снимающая с граждан обязанность обосновать излишне рискованный характер сделки, в том числе обосновать разумные причины непроявления ими повышенной осмотрительности при выборе контрагента (особенно в случае, если цена сделки превышает размер обычной для оборота)¹². Об этой же проблеме указывает Ю.В. Сахарова [7, с. 47]. Следует учитывать наличие и общую доступность информации о контрагентах на сайтах судов, органов принудительного исполнения, а значит возможность покупателя при совершении крупных сделок получить соответствующую информацию, провести оценку рисков¹³. С

¹² Например, выше указаны судебные акты в рамках спора А56-105157/2020/сд.2.

¹³ Обязательное размещение отдельных сведений и их доступность следует из пунктов 3.1, 3.3, 3.5 Приказа Судебного департамента при Верховном суде РФ от 29.04.2003 № 36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде», пунктов 9.1, 9.5 Постановления Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)», Постановления Президиума Верховного суда РФ от 27.09.2017 «Об утверждении Положения о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети «Ин-

той же позиции должно оцениваться на предмет осведомленности покупателя об ущемлении интересов кредиторов непредставление им доказательств вообще осуществления выбора контрагента и ведения переговоров. Например, в случае если покупатель по спорной сделке (у должника-банкрота) не смог пояснить разумные причины акцепта предложения именно должника, не смог представить доказательства вообще наличия оферты, ведения преддоговорной работы, не пояснил разумную экономическую целесообразность сделки, то при соответствии сделки характеру крупной такого покупателя нельзя признать добросовестным. Такой контрагент либо заведомо принял риск признания сделки недействительной и возможного отчуждения у него имущества, либо был осведомлен о ней.

Равным образом должно оцениваться судами отступление сторон оспариваемых сделок от принятых правил ведения договорной работы, в том числе особое критическое внимание должно уделяться наличию выявленных ошибок и противоречий в документах оспариваемой сделки (к примеру, явное несоответствие документов требованиям закона, наличие противоречий между расписками и договором, противоречия между предварительным и основным договором и пр.).

Так же при оценке того, знала ли другая сторона сделки о цели причинения вреда, следует учитывать наличие у такой стороны определенных навыков. К лицам, самостоятельно осуществляющим или осуществлявшим ранее предпринимательскую деятельность или занимающим руководящие должности в организациях (осуществлении полномочий единоличного исполнительного органа), при совершении ими спорных сделок как физическими лицами, очевидно, не может применяться тот же стандарт, что применяется к обычным гражданам. Аналогичным образом, в случае если основной вид деятельности другой стороны сделки позволяет говорить о наличии у такой стороны специ-

тернет», статьи 6.1. Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», пунктов 1.3., 3.2, 7.3 Приказа ФССП РФ от 12.05.2012 № 248 «Об утверждении порядка создания и ведения банка данных в исполнительном производстве Федеральной службы судебных приставов в электронном виде».

альных познаний в экономической деятельности, с которой связана спорная сделка, то к таким лицам также не может применяться тот же стандарт, что применяется к обычным участвующим в обороте лицам (например, занятие стороны профессиональной деятельностью в сфере недвижимости очевидно предполагает наличие у такой стороны более высокого уровня познаний в данной сфере, и должны предъявлять к такому субъекту более высокие стандарты осмотрительности).

Разграничивая заинтересованность стороны сделки от обычной осведомленности, интересным видится вопрос о том, как квалифицировать действия стороны сделки, имеющей с должником-банкротом предварительный договор купли-продажи, заключенный до наступления признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества, сопряженный с внесением обеспечительного платежа. Такая сторона, заключив предварительный договор и передав обеспечительную сумму, на протяжении всего действия предварительного договора имеет собственный имущественный интерес в исполнении такого договора (путем заключения основного договора купли-продажи и его исполнения), в том числе и тогда, когда должник-банкрот уже имеет признаки неплатежеспособности или недостаточности имущества. При этом преимущественное право в отношении имущества должника-банкрота предварительный договор такой стороне не предоставляет. Соответственно, видится, что такая сторона сделки, с одной стороны, и буквально и фактически с момента заключения предварительного договора купли-продажи и внесения обеспечительного платежа заинтересована совместно с должником-банкротом в совершении сделки (поскольку незаключение основного договора купли-продажи сулит такой стороне причинение убытков в виде отнесения полученных от нее должником-банкротом обеспечительных платежей к его кредиторской задолженности, которая подлежит включению в реестр требований кредиторов), а с другой стороны, такая сторона все же может быть абсолютно самостоятельна по отношению к должнику-банкроту и интерес сторон может иметь различную сущностную природу. Представляется, что в лю-

бом случае в подобных ситуациях осведомленность такой стороны сделки о противоправной цели сделки должна предполагаться, поскольку такая сторона (действуя она разумно) уже с момента заключения предварительного договора должна отслеживать положение своего контрагента (должника).

Заключение

Вышеобозначенные вопросы, безусловно, являются лишь одними из многих иных возникающих в практике, а предложенные на них ответы, тем более, не являются универсальным решением.

На проблематику необходимо смотреть комплексно, изменяя, прежде всего, гражданское законодательство, на основе которого осуществляется любая хозяйственная деятельность, и которое на сегодняшний день еще содержит правовые механизмы, позволяющие должникам сперва качественно подготовиться к банкротству, а затем буквально за считанные месяцы выходить из него «сухим», освободившись от обязательств.

Хотя бы, к примеру, в платежах по крупным сделкам между сторонами (особенно физическими лицами) следует уже уходить от расчетов наличными, не поощряя тем самым возможные ухищрения должников, направленные на создание видимости передачи денежных средств, без реального исполнения. Реализовать стоит с применения равных правил как для юридических, так и физических лиц (на текущий момент в силу статьи 861 ГК РФ расчеты между юридическими лицами, а также расчеты с участием граждан, связанные с осуществлением ими предпринимательской деятельности, производятся в безналичном порядке, однако расчеты между этими лицами могут производиться также наличными деньгами с учетом ограничений, установленных законом и принимаемыми в соответствии с ним банковскими правилами; при этом расчеты с участием граждан, не связанные с осуществлением ими предпринимательской деятельности, могут производиться наличными деньгами без ограничения суммы или в безналичном порядке).

Видится, к примеру, также необходимость в изменении положений о предварительном договоре. Предварительный договор в отношении недвижимого имущества дол-

жен заключаться в форме, достоверно позволяющей установить срок его оформления – в частности, в нотариальной форме. Стоит обратить внимание, что в 2015 г., в том числе по этой же причине (возможности злоупотребления), вносились изменения в пункт 2 статьи 38 Семейного кодекса Российской Федерации относительно нотариальной формы соглашения о разделе общего имущества, нажитого супругами в период брака (до внесения изменений допускалась про-

стая форма подобных соглашений, что создавало предпосылки практик по переводу супругом-должником «задним числом» активов на другого супруга и соответственно частую практическую невозможность обращения взыскания на такие активы)¹⁴.

¹⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2015 № 391-ФЗ (в ред. на дату 16.10.2023).

Список источников

1. *Хаснутдинов А.И.* Оспаривание сделок должника по закону о банкротстве // Академический юридический журнал. 2019. № 3 (77). С. 25-29. <https://elibrary.ru/ajswpu>
2. *Кузнецов С.А.* К вопросу о целях и последствиях оспаривания сделок должника по основаниям, установленным главой 3.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Актуальные проблемы правоведения. 2013. № 1 (37). С. 130-135. <https://elibrary.ru/xsnnxn>
3. *Столярчук М.В.* Правовая природа последствий недействительности сделок должника при банкротстве // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 7 (152). С. 115-123. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.152.7.115-123>, <https://elibrary.ru/ihfxsj>
4. *Изьев М.В.* Отказ в оспаривании сделок должника в процессе банкротства: проблемы правоприменительной практики // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 9. С. 66-75. <https://doi.org/10.24412/2072-4098-2021-9-66-75>, <https://elibrary.ru/rgowmt>
5. *Кузин Н.Н.* Некоторые аспекты совершенствования механизма оспаривания сделок должника при банкротстве // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 4 (36). С. 109-115. <https://elibrary.ru/ctwuie>
6. *Аюрова А.А.* Критерий осведомленности при оспаривании сделок с предпочтением по законодательству о банкротстве // Журнал российского права. 2014. № 7 (211). С. 127-133. <https://doi.org/10.12737/4831>, <https://elibrary.ru/qmolva>
7. *Сахарова Ю.В.* Реализация принципа добросовестности в процессе банкротства // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 1. С. 44-48. <https://elibrary.ru/zngond>
8. *Адабашев Т.К.* К вопросу об условиях оспаривания сделок должника в связи с неравноценным встречным исполнением // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 1. № 6 (18). С. 3-16. <https://elibrary.ru/wrrwtz>
9. *Гартина Ю.А.* Правовые особенности оспаривания сделок должника в процедуре банкротства // Право и государство: теория и практика. 2019. № 10 (178). С. 95-97. <https://elibrary.ru/lhpxhe>
10. *Шершеневич Г.Ф.* Конкурсный процесс. М.: Статут, 2003. 550 с.
11. *Королева Д.В.* Обычная хозяйственная деятельность должника по делу о банкротстве: критерии признания и значение добросовестности контрагента // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1 (63). С. 140-150. <https://doi.org/10.33184/pravgos-2021.1.11>, <https://elibrary.ru/aybien>
12. *Штефан Д.В.* Определение добросовестности при применении п. 1 ст. 174 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 3. С. 145-175. <https://elibrary.ru/yyrlut>
13. *Кондратьева К.С.* К вопросу об оспаривании сделок, совершенных должником в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов // ВУЗ. XXI ВЕК. 2015. № 3 (49). С. 24-42. <https://elibrary.ru/xcbxeb>
14. *Шахаева А.М., Каирбекова А.А.* Проблемы оспаривания сделок индивидуальных предпринимателей при проведении процедур банкротства // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. Т. 32. № 4. С. 99-102. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2019-32-4-99-102>, <https://elibrary.ru/ukxluo>
15. *Кушнарева И.Ф., Ткаченко Ю.А.* Оспаривание сделок при банкротстве гражданина как способ защиты имущественных прав кредиторов // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2018. № 1 (10). С. 53-60. <https://elibrary.ru/qgygju>
16. *Свириденко О.М.* Оспаривание сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 2 (111). С. 105-112. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.111.2.105-112>, <https://elibrary.ru/helaar>

References

1. Khasnutdinov A.I. (2019). Challenging debtor's transactions under bankruptcy law. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal* [Academic Law Journal], no. 3 (77), pp. 25-29. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ajswpu>
2. Kuznetsov S.A. (2013). K voprosu o tselyakh i posledstviyakh osparivaniya sdelok dolzhnika po osnovaniyam, ustanovlennym glavoi 3.1 Federal'nogo zakona «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» [On the issue of the purposes and consequences of challenging the debtor's transactions on the grounds established by Chapter 3.1 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)"]. *Aktual'nye problemy pravovedeniya* [Current Problems of Jurisprudence], no. 1 (37), pp. 130-135. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xsnmxn>
3. Stolyarchuk M.V. (2023). Legal nature of the consequences of the invalidity of the debtor's transactions in bankruptcy. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, vol. 18, no. 7 (152), pp. 115-123. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.152.7.115-123>, <https://elibrary.ru/ihfxsj>
4. Iz'yaev M.V. (2021). Refusal to challenge debtors' transactions in the bankruptcy procedures. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii = Property Relations in the Russian Federation*, no. 9, pp. 66-75. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2072-4098-2021-9-66-75>, <https://elibrary.ru/rgowmt>
5. Kuzin N.N. (2022). Some aspects of improving the mechanism for challenging the debtor's transactions in bankruptcy. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, no. 4 (36), pp. 109-115. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ctwuie>
6. Ayurova A.A. (2014). Criteria of awareness in challenging transactions with preference under the bankruptcy legislation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 7 (211), pp. 127-133. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/4831>, <https://elibrary.ru/qmolva>
7. Sakharova Yu.V. (2017). Realization of the principle of conscientiousness in the course of bankruptcy. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii = Herald of the Russian Law Academy*, no. 1, pp. 44-48. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zngond>
8. Adabashev T.K. (2021). K voprosu ob usloviyakh osparivaniya sdelok dolzhnika v svyazi s neravnostennym vstrechnym ispolneniem [On the issue of the conditions for challenging the debtor's transactions in connection with unequal counter-execution]. *Teoriya prava i mezhdgosudarstvennykh otnoshenii = Theory of Law and Interstate Relations*, vol. 1, no. 6 (18), pp. 3-16. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wrrwtz>
9. Gartina Yu.A. (2019). Legal features challenging debtor's transactions in bankruptcy proceedings. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [The rule of law: theory and practice], no. 10 (178), pp. 95-97. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lhpxhe>
10. Shershenevich G.F. (2003). *Konkursnyi protsess* [The Competitive Process]. Moscow, Statut Publ., 550 p. (In Russ.)
11. Koroleva D.V. (2021). Normal business activities of the debtor in bankruptcy: criteria for recognition and the importance of the good faith of the counterparty. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [The Rule-of-Law State: Theory and Practice], no. 1 (63), pp. 140-150. (In Russ.) <https://doi.org/10.33184/pravgos-2021.1.11>, <https://elibrary.ru/aybien>
12. Shtefan D.V. (2019). Defining good faith in the application of paragraph 1 of article 174 of the Russian Civil Code. *Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii = Herald of Economic Justice*, no. 3, pp. 145-175. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yyrlut>
13. Kondrat'eva K.S. (2015). K voprosu ob osparivanii sdelok, sovershennykh dolzhnikom v tselyakh prichineniya vreda imushchestvennym pravam kreditorov [On the issue of challenging transactions made by the debtor in order to harm the property rights of creditors]. *VUZ. XXI VEK* [University. 21st Century], no. 3 (49), pp. 24-42. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xcbxeb>
14. Shakhaeva A.M., Kairbekova A.A. (2019). The problem of challenging transactions individual businessmen at carrying out of bankruptcy procedures. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Law Herald of Dagestan State University*, vol. 32, no. 4, pp. 99-102. (In Russ.) <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2019-32-4-99-102>, <https://elibrary.ru/ukxluo>
15. Kushnareva I.F., Tkachenko Yu.A. (2018). Osparivanie sdelok pri bankrotstve grazhdanina kak sposob zashchity imushchestvennykh prav kreditorov [Challenging transactions in case of bankruptcy of a citizen as a way to protect the property rights of creditors]. *Ehkonomicheskoe pravosudie na Dal'nem Vostoke Rossii = Economic Justice in the Russian Far East Magazine*, no. 1 (10), pp. 53-60. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qgygju>
16. Sviridenko O.M. (2020). Transactions detrimental to the creditors beyond the insolvency proceedings (out-of-court challenge). *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, vol. 15, no. 2 (111), pp. 105-112. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.111.2.105-112>, <https://elibrary.ru/helaar>

Поступила в редакцию / Received 15.11.2023

Поступила после рецензирования / Revised 19.02.2024

Принята к публикации / Accepted 18.03.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.78

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-107-116>

Шифр научной специальности 5.1.3

Составное произведение как объект интеллектуальной собственности в образовательной сфере

© **ЦИТОВИЧ Любовь Владимировна,**

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Российская Федерация, 117279, г. Москва, ул. Миклухо Маклая, 55а, clyubov@yandex.ru

Аннотация

Актуальность заявленной темы обусловлена происходящими изменениями и преобразованиями в сфере образования, где ключевыми факторами становятся коммерциализация и цифровизация образования с одновременным расширением субъектов, уполномоченных осуществлять образовательную деятельность. Это обуславливает и наличие большого количества таких объектов авторского права, среди которых могут, например, быть учебные программы, курсы повышения квалификации, методические материалы, курсы лекций, научные публикации, интернет-сайты, презентации и т. д. В этих условиях констатируется многообразие предложений в сфере образования, где основным контентом как содержательным элементом становятся составные произведения. Цель исследования – установление основных характеристик составного произведения как объекта интеллектуальной собственности. В качестве задач исследования послужили такие направления работы, как выделение признаков составного произведения, выявление видов составного произведения, его элементов и особенностей содержания, а также анализ правоприменительной практики по рассмотрению споров, связанных с правами на составное произведение или его элементы. Изучение доктринальных подходов и материалов правоприменительной практики позволило выявить наличие группы общих и специальных признаков. В условиях развития тенденций информатизации и цифровизации актуализируются вопросы установления правового режима применительно к результатам интеллектуальной деятельности образовательного характера, размещенным в сети Интернет, особенно к видеокурсам и сайтам как разновидностям составного произведения.

Ключевые слова

интеллектуальная собственность, образование, составное произведение, сайт, видеокурсы

Для цитирования

Цитович Л.В. Составное произведение как объект интеллектуальной собственности в образовательной сфере // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1. С. 107-116. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-107-116>

Composite work as an object of intellectual property in the educational field

© Lyubov V. TSITOVICH,

PhD (Law), Associate Professor, Head of Copyright, Related Rights and Private Law Disciplines Department, Russian State Academy of Intellectual Property, 55a Miklouho Maklaya St., Moscow, 117279, Russian Federation, clyubov@yandex.ru

Abstract

The relevance of the stated topic is due to the ongoing changes and transformations in the field of education, where the key factors are the commercialization and digitalization of education with the simultaneous expansion of subjects authorized to carry out educational activities. This also determines the presence of a large number of such objects of copyright, among which may, for example, be educational programs, advanced training courses, teaching materials, lecture courses, scientific publications, Internet sites, presentations, etc. Under these conditions, a variety of proposals is stated in the field of education, where composite works become the main content as a substantive element. The purpose of the study is to establish the main characteristics of a composite work as an object of intellectual property. The objectives of the study were such areas of work as identifying the characteristics of a composite work, identifying types of a composite work, its elements and content features, as well as analyzing law enforcement practice in considering disputes related to the rights to a composite work or its elements. The study of doctrinal approaches and materials from law enforcement practice revealed the presence of a group of general and special features. In the context of developing trends in informatization and digitalization, the issues of establishing a legal regime in relation to the results of intellectual activity of an educational nature posted on the Internet, especially video courses and websites as types of a composite work, are becoming more relevant.

Keywords

intellectual property, education, composite work, website, video courses

For citation

Tsitovich, L.V. (2024). Composite work as an object of intellectual property in the educational field. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1, pp. 107-116 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-107-116>

Введение

Образовательная сфера является одной из приоритетных, поскольку именно в ней происходит развитие фундаментальных знаний и рождаются новые идеи, позволяющие достигать высоких результатов в инновационной и экономической деятельности общества и государства. Во многом этому способствует создание и использование объектов интеллектуальных прав, которые приобрели в последнее время репутацию неотъемлемого ресурса на рынке образовательных услуг, повышающего конкурентоспособность и престиж образовательных организаций. Как справедливо отмечается исследователями, в современных условиях основной акцент смещен на развитие механизмов «эффективного использования интеллектуального капитала, ориентированного на преоб-

разование нематериальных результатов интеллектуальной деятельности в материализованные рыночные продукты, удовлетворяющие различным потребностям социума» [1, с. 96]. Безусловно, сфера как основного, так и дополнительного образования является высокоинтеллектуальным сектором экономики, в котором создаются и используются различные интеллектуальные «продукты». Задача государства состоит в том, чтобы организовать и упорядочить взаимодействие между их «производителями» и «потребителями», выстроить эффективную систему правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализация.

Специфика современных образовательных отношений является весьма многогранной, что выражается в наличии широкого кру-

га субъектов, задействованных в создании и использовании различными способами объектов, охраняемых нормами института интеллектуальной собственности. Это обуславливает и наличие большого количества таких объектов авторского права, среди которых могут, например, быть учебные программы, курсы повышения квалификации, методические материалы, курсы лекций, научные публикации, Интернет-сайты, презентации и т. д. Зачастую в создании произведений могут участвовать разные авторы, которые создают отдельные части (элементы) произведения, составляющие в целом то, что впоследствии используется в образовательном процессе. То есть такие произведения могут содержать различные разнородные элементы, каждый из которых подлежит правовой охране. В этой связи обоснованно к числу актуальных относить вопрос о правовой природе составного произведения как объекта интеллектуальных прав в образовательной сфере.

Результаты исследования

В соответствии с пунктом 2 статьи 1259 ГК РФ составные произведения – это «произведения, представляющие собой по подбору или расположению материалов результат творческого труда». Также категория «составное произведение» упоминается в статье 1260 ГК РФ. Так, в пункте 2 регламентируется, что «составителю сборника и автору иного составного произведения (антологии, энциклопедии, базы данных, интернет-сайта, атласа или другого подобного произведения) принадлежат авторские права на осуществленные ими подбор или расположение материалов (составительство)». Обратим внимание на то, что представленный в приведенной норме перечень объектов, относящихся к составному произведению, не является исчерпывающим. Вместе с тем следует отметить отсутствие конкретизированных признаков составного произведения на законодательном уровне, а попытки наделить четкими характеристиками данные разновидности объектов интеллектуальной собственности предпринимаются в настоящее время исследователями в доктрине.

Так, например, М.А. Рожкова в числе существенного признака правовой охраны составного произведения называет наличие

творческих усилий в подборе и компоновке материалов, осуществленных в рамках такого объединения [2, с. 84]. Ученые цивилисты отмечают, что составительство, выполненное, например, по алфавитному или хронологическому принципу, не характеризуется творческим замыслом, следовательно, не может получать правовую охрану.

А.Ю. Копылов в числе базовых признаков составного произведения выделяет:

- наличие однотипных объектов в составе;
- расположение объектов в составе составного произведения в линейном порядке;
- наличие творческой деятельности в подборе и расположении материалов в составном произведении [3, с. 77].

Т.В. Шатковская относит составные произведения к числу комплексных результатов интеллектуальной деятельности и в числе признаков составных произведений выделяет следующие: наличие составителя, у которого возникают авторские права на осуществленные подбор или расположение материалов; многосубъектность в отношении авторских прав; обусловленность составного произведения творческим трудом человека; осуществление подбора или расположения материалов [4, с. 100].

Исходя из имеющихся научных подходов можно сделать вывод, что составные произведения по своей специфике являются самостоятельными объектами, охраняемыми нормами авторского права. Это вытекает, в том числе, и из разъяснений, получивших закрепление в судебной практике. К примеру, в материалах обобщения судебной практики говорится о том, что «составное произведение обладает самостоятельной охраноспособностью при условии соблюдения прав авторов тех произведений, которые использованы для его создания»¹.

Полагаем, что им свойственны как общие признаки объектов авторского права, так и специальные признаки. К числу общих признаков можно отнести: наличие творческого и неповторимого характера результата интеллектуальной деятельности, наличие

¹ Энциклопедия судебной практики. Авторское право. Переводы, иные производные произведения. Составные произведения (Ст. 1260 ГК). Доступ из СПС «Гарант».

объективной формы выражения – письменной, устной формы (в виде публичного произведения, публичного исполнения и иной подобной форме), формы изображения, формы звуко- или видеозаписи, объемно-пространственной формы.

К специальным признакам составного произведения как объектов авторского права можно отнести обязательное наличие составительства, то есть подбора или расположения материалов; принадлежность каждого из результатов интеллектуальной деятельности лицам, создавшим такой объект; наличие у автора составного произведения (составителя) интеллектуальных прав на осуществленные его творческим трудом подбор или расположение материалов.

В статье 1260 ГК РФ определены специфические условия, которые применяются к правовому режиму составных произведений:

- составитель составного произведения имеет права на осуществленные ими подбор или расположение материалов (составительство);

- составитель составного произведения осуществляет свои авторские права при условии соблюдения прав авторов произведений, использованных для создания составного произведения;

- авторские права составителя составного произведения охраняются как права на самостоятельные произведения независимо от охраны прав авторов произведений, которые вошли в составное произведение;

- если составное произведение неправомерным образом было использовано, то защите подлежат как авторские права составителя составного произведения, так и права авторов произведений, на которых основано составное произведение;

- автор произведения, помещенного в сборнике или ином составном произведении, вправе использовать свое произведение независимо от составного произведения, если иное не предусмотрено договором с создателем составного произведения;

- исключительное право на составное произведение не препятствует другим лицам создавать свои составные произведения путем иного подбора или расположения тех же материалов.

Таким образом, можно отметить, что главная черта правового режима составных произведений заключается в его распространении как на сами произведения в целом, так и на те первичные компоненты в его содержании, в случае создания их творческим авторским трудом. То есть охрана результатов интеллектуального творчества, полученных в результате подбора или расположения материалов, предполагает недопустимость причинения ущерба правам авторов каждого из материалов, составляющих часть таких составных произведений. Аналогичное положение содержится и в Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений: «Сборники литературных и художественных произведений, например, энциклопедии и антологии, представляющие собой по подбору и расположению материалов результат интеллектуального творчества, охраняются как таковые, без ущерба правам авторов каждого из произведений, составляющего часть таких сборников» (пункт 5 статьи 2)².

Включение материалов автора в составное произведение не может каким-либо образом влиять на имеющийся объем его прав в отношении таких материалов. Автор материалов, включенных в составное произведение, имеет право использовать свое произведение независимо от составного произведения, если иное не вытекает из договора с создателем составного произведения. При этом он не приобретает никаких прав на составное произведение в целом. В свою очередь, интеллектуальные права составителя составного произведения ограничены только созданным им в процессе подбора или расположения материалов объемом созданного объекта, то есть права на авторские материалы, вошедшие в составное произведение, ему не принадлежат, если только сами авторы этих материалов не передадут ему исключительное право.

В современных условиях происходит активное развитие информационно-цифрового контента, касающегося в том числе и образовательной сферы. В информационно-телеком-

² Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (с изменениями на 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9. Сентябрь.

муникационной сети Интернет публикуется большое количество учебных материалов, отличающихся своим новаторским и авторским подходом, спецификой текстуального и визуального выражения. Такие материалы размещаются на специальных образовательных интернет-сайтах, являющихся хранилищами обучающего контента (тренингов, видеолекций, вебинаров, презентаций, онлайн-курсов). В этой связи в последнее время особенно остро встал вопрос охраны интернет-сайта образовательной организации как объекта авторского права.

Проблематике защиты авторских прав в информационно-телекоммуникационной сети Интернет посвящено достаточно много исследований, в которых акцентировано внимание как на защите размещаемых объектов интеллектуальной собственности в глобальном информационном пространстве [5–7], так и на защите самого интернет-сайта как объекта авторского права [8–10].

Преобладающими мнениями ученых являются те, в которых интернет-сайт характеризуется в качестве составного произведения, охраняемого авторским правом. Так, А.С. Родин рассматривает интернет-сайт в качестве составного объекта авторского права, состоящего из определенного числа элементов, являющихся интеллектуальными продуктами, которые могут быть получены посредством творческих усилий различных лиц [8]. Похожей представляется позиция Д.В. Горенко, предлагающей рассматривать интернет-сайт как «совокупность объектов авторского права, расположенных определенным образом на странице веб-сайта и являющихся самостоятельными произведениями, выраженными в цифровом формате» [6, с. 191].

Правовая охрана интеллектуальных прав в отношении интернет-сайтов имеет двойственный характер. С одной стороны, правовой охране подлежит сам интернет-сайт, который является объектом, созданным посредством творческих усилий лиц (составителей), с другой стороны, все компоненты, обеспечивающие информационное наполнение интернет-сайта, имеют самостоятельное значение как охраняемые результаты интеллектуальной деятельности. На практике весьма распространены ситуации, когда в создании сайта

(в подборе или расположении электронных материалов) участвуют специальные субъекты, например, программисты, копирайтеры, веб-дизайнеры, а в подготовке материалов для сайта – другие лица, специализирующиеся на тематике размещаемых материалов, например, преподаватели образовательных учреждений. Таким образом, можно присоединиться к позиции исследователей, отмечающих двойственную правовую природу интернет-сайта:

1) правовая охрана распространяется на сайт как целостную совокупность элементов, составляющих цифровой контент, и как составное произведение, то есть «охраняется структура сайта и авторский подход к подбору материала»;

2) правовая охрана предоставляется каждому компоненту сайта, в числе которых могут быть текст, фотографии, видеофайлы, аудиофайлы, литературные произведения и т. д. [6, с. 191–192].

Анализ судебной практики, касающейся распоряжения исключительным правом на составное произведение, позволяет отметить, что достаточно большое количество дел касается произведений, размещенных в информационных сетях, в том числе в сети Интернет. При этом позиция судов относительно правовой природы интернет-сайтов как объектов авторского права является схожей: сайты охраняются нормами авторского права как составные произведения, складываются из специально подобранных и расположенных особым образом материалов (текстов, рисунков, фотографий, чертежей, аудиовизуальных произведений и т. д.)³. Ключевым здесь является именно творческий характер в подходе к структуре сайта, подбору и расположению соответствующих материалов. Если же творческое составительство в создании сайта отсутствует, то он не может подпадать под охрану авторским правом как составное произведение, а представ-

³ См., например: Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 16.06.2023 по делу № А45-3288/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/L56ND2omkbJr/> (дата обращения: 17.12.2023); Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 23.05.2023 по делу № А56-130052/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/MC50xzva3cW4/> (дата обращения: 17.12.2023).

ляет собой средство для наглядного представления охраняемых результатов интеллектуальной деятельности. Таким образом, учитывая весьма большую распространенность образовательных веб-сайтов и платформ, а также отсутствие конкретизированных формулировок относительно объектов авторских прав в информационно-цифровом пространстве, можно считать актуальным и нуждающимся в более углубленном изучении вопрос установления правового режима для самих сайтов, а также для размещаемого внутри них контента как самостоятельного результата интеллектуальной деятельности.

В образовательной сфере на протяжении последних нескольких лет наблюдается многообразие информационных ресурсов, которые весьма востребованы на рынке образовательных услуг. Это объясняется привлекательностью используемых для визуализации образовательных продуктов инструментов, а также тенденцией получения дополнительного образования с помощью дистанционных образовательных технологий. В этой связи вопрос правовой охраны созданного творческим трудом обучающего контента, размещенного на сайтах в сети Интернет, является весьма сложным ввиду отсутствия единого подхода как среди исследователей, так и на законодательном уровне к определению его правовой природы, признаков, позволяющих относить его компоненты к тому или иному виду произведений, предусмотренных статьей 1259 ГК РФ. Так, например, в визуализации образовательного контента большую популярность приобрели аудиовизуальные произведения, включающие в себя, например, видеокурсы, вебинары, фильмы и т. д. Многокомпонентная структура аудиовизуальных произведений, размещаемых в сети Интернет, на практике может вызывать споры, касающиеся определения личности автора, выявления полного или частичного копирования соответствующих произведений.

Так, например, особую востребованность в настоящее время приобрели обучающие видеокурсы, которые в качестве своей цели предполагают доведение теоретического и практического материала до аудитории обучающихся посредством нестандартного подхода, заключающегося в передаче и получе-

нии информации цифровым аудиовизуальным способом. Видеокурсы все больше стали восприниматься в качестве эффективной образовательной технологии, сочетающей в себе разнообразные методические, технические, творческие, иллюстративные методы, позволяющие довести обучающий контент до аудитории. Однако вопрос их правовой охраны по-прежнему требует более углубленного анализа, поскольку в доктрине отсутствует единство мнений как в отношении самих видеокурсов, так и конструкции аудиовизуального произведения как сложного объекта авторского права. Более того, некоторые исследователи отмечают, что выделение аудиовизуального произведения и других произведений подобного толка, указанных в статье 1240 ГК РФ, по характеристикам и природе начинающих их произведений – «доктринальный тупик, так как по данному определяющему признаку группа произведений творчества станет включать в себя множество других произведений, стереув уникальность аудиовизуальных и приравненных к ним произведений» [11, с. 32]. Поэтому определение более четкого порядка относительно механизма реализации охраноспособности аудиовизуальных произведений, нашедших применение в образовательной среде, определения пределов их правомерного использования в сети Интернет является возможным, если проанализировать сложившуюся судебную практику.

Так, Арбитражным судом Приморского края было рассмотрено дело, в котором ООО «Центр обучения Скопула» обратилось с иском к индивидуальному предпринимателю Лендел Виталию Михайловичу о запрете использовать аудиовизуальные произведения, о взыскании денежной компенсации, об обязанности опубликовать резолютивную часть решения суда о незаконном использовании спорных аудиовизуальных произведений на сайте в сети Интернет Metrix.ru с указанием действительного правообладателя ООО «ЦО Скопула».

ООО «Центр обучения Скопула» полагало, что является автором аудиовизуальных произведений (видеокурсы), которые предназначены для самостоятельного обучения практикующих косметологов на платной основе, размещены на платформе antitrening.ru

в сети Интернет по ссылке на странице истца course.co-scorpula.ru. Истцом указывалось, что ответчик приобрел у него 9 видеокурсов. Позже истцом обнаружено, что вышеуказанные видеокурсы размещены на другом сайте metlix.ru. Суд посчитал требования ООО «Центр обучения Скопула» не подлежащими удовлетворению по следующим основаниям:

– истцом не представлено доказательств того, что информация, содержащаяся в видеокурсах, является уникальной и разработанной именно истцом и никем ранее не использовалась;

– объекты, защиты прав на которые требует истец, не являются объектами авторского права, поскольку носят информационный характер и не отличаются оригинальностью. Например, истец не представил доказательств разработки особого необычного и ранее не существовавшего метода электрокоагуляции или проведения криолиполиза или способа удаления татуировок, татуажа;

– истцом не представлено никаких доказательств, свидетельствующих о том, что спорные видеоуроки созданы коллективом или конкретным лицом (работником), имеющим непосредственное отношение к ООО «ЦО Скопула»⁴.

Еще одним интересным аспектом, который можно исследовать с позиции сложившейся судебной практики, является определение пределов нарушения неимущественных прав и исключительного права на учебные видеоматериалы, а также выявление заимствований, фактов их неправомерного копирования.

Так, Арбитражным судом Республики Татарстан было рассмотрено дело, в котором истец просил обязать прекратить незаконное использование материалов тренингового курса «Клуб Миллионеров» и материалов семинара «12 точек финансового роста».

Истец являлся автором и правообладателем результатов интеллектуальной деятельности – материалов тренингового курса «Клуб Миллионеров», включающих в себя презентации, рабочие тетради и т. д., обладателем

исключительного права на весь контент, размещенный на сайтах, включая дизайн, текст, фотографии, видео и аудиозаписи.

Между истцом и ответчиком был заключен лицензионный договор на организацию и проведение тренингового курса «Клуб Миллионеров», согласно условиям которого автор (истец) должен был предоставить лицензиату (ответчику) информационную услугу в виде проведения обучающих семинаров, лекций и иных занятий по проведению тренингового курса «Клуб Миллионеров», а также промо-семинаров. Передавать эту информацию без согласия истца условия договора не позволяли. Однако ответчиком были нарушены интеллектуальные права истца, поскольку ответчик не указал на наличие реального правообладателя материалов тренингового курса «Клуб Миллионеров», вводя в заблуждение участников тренингового курса, проводил собственные тренинговые курсы, основу которых составляли видоизмененные авторские материалы истца.

Судом была назначена экспертиза, в процессе которой должны были быть получены ответы на следующие вопросы:

1) установление дословного содержания разговора на видеозаписи, представленной на исследование продолжительностью 6 часов 15 минут 07 секунд;

2) выявление дословных текстовых совпадений в материалах аудиозаписей (стендаграммах), представленных на исследование;

3) оригинален ли словесный компонент (словосочетания, элементы произведения (названия, обозначения и т. д.)), текстовые записи;

4) выявление в текстах совпадающих индивидуально-авторских речевых особенностей и проч.

Таким образом, исследованию подлежали все индивидуально-авторские речевые особенности ведения видеозаписи, используемые текстовые, словесные приемы, способы воздействия на слушателей, употребляемые фразы в контенте видеозаписи. Экспертиза показала, что действительно присутствовал факт нарушения ответчиком исключительных прав истца на аудиовизуальные произведения – материалы тренингового курса «Клуб Миллионеров» и материалы семинара «12 точек финансового роста».

⁴ Решение Арбитражного суда Приморского края от 2 декабря 2021 г. по делу № А51-2162/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/uX.eS7NfdvmQu/> (дата обращения: 18.01.2024).

Оценив представленные в дело доказательства, суд пришел к выводу о том, что аудиовизуальные произведения ответчика содержат фрагменты (кадры) с текстом, аналогичным тексту на кадрах истца, некоторые фрагменты (кадры) лишь незначительно изменены, а также суд установил совпадение частей спорных аудиовизуальных произведений. Требование о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на материалы истца было удовлетворено⁵.

Признавая специфику аудиовизуальных произведений, используемых в образовательной сфере, следует отметить весьма сложный характер в отношении признания нарушений исключительного права на них в реальной жизни, поскольку это требует обязательного назначения и проведения экспертизы с полным выявлением заимствований в словесных компонентах аудиовизуального произведения, речевых и воздействующих приемов коммуникаторов, используемых элементов лекций (содержания слайдов) и т. д. Зачастую использование видеолекций может сопровождаться высокой степенью переработки, следовательно, создавать препятствия при обращении за судебной защитой действительных правообладателей.

Заключение

Составные произведения являются охраноспособными объектами интеллектуальных прав и представляют собой особенный «интеллектуальный продукт» в сфере образования, особенно когда такие произведения, созданные творческими усилиями посредством подбора или расположения материалов, могут быть неправомерно использованы. Материалы, находящиеся в составе составных произведений, могут являться самостоятельными результатами интеллектуальной деятельности, права на которые принадлежат одновременно разным лицам, создавшим их. Вместе с тем составное произведение может включать в себя и неохранные материалы, интеллектуальные права на которые в данном случае будут распространяться на его структуру, созданную в результате подбора и расположения материалов.

Изучение доктринальных подходов и материалов правоприменительной практики позволило нам выделить наличие двух групп признаков составных произведений: общих и специальных признаков. К числу общих признаков относятся: наличие творческого и неповторимого характера в создании результата интеллектуальной деятельности, наличие объективной формы выражения. К специальным признакам составного произведения относятся обязательное наличие составительства, то есть оригинального подбора или расположения материалов; самостоятельность объектов авторских прав, входящих в составное произведение, и принадлежность интеллектуальных прав каждому из лиц, создавших такой самостоятельный объект; наличие у автора составного произведения (составителя) интеллектуальных прав на осуществленные его творческим трудом подбор или расположение материалов.

В условиях развития тенденций информатизации и цифровизации особую актуальность и одновременно сложность имеют вопросы установления правового режима применительно к результатам интеллектуальной деятельности, задействованных в сфере образования, размещенным в сети Интернет. Изучение доктринальных мнений позволило нам присоединиться к позиции о том, что правовая охрана в отношении цифрового образовательного контента может иметь двойное значение: распространяться на сайт как составное произведение; предоставляться каждому компоненту сайта, в числе которых могут быть текст, фотографии, видеофайлы, аудиофайлы, литературные произведения.

Проведенный анализ судебных дел о нарушении интеллектуальных прав в отношении компонентов, размещаемых в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, позволил выявить сложность в определении авторства, а также выявления неправомерных копирований в вопросе использования аудиовизуальных произведений – видеокурсов. Видеокурсы рассматриваются судами как аудиовизуальные произведения, которые обладают охраноспособностью. Вместе с тем в судебной практике встречаются случаи, когда спорные аудиовизуальные произведения содержат фрагменты (кадры) с текстом со значительной степенью перера-

⁵ Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 17.03.2023 по делу № А65-24397/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/LmpzPlyvPLdj/> (дата обращения: 18.12.2023).

ботки. В этом случае вопрос установления совпадения частей спорных аудиовизуальных произведений отличается повышенной сложностью, требующей дальнейшей де-

тальной регламентации в аспектах определения степени самостоятельности и самодостаточности аудиовизуальных произведений, используемых в образовательной среде.

Список источников

1. Тяглов С.Г., Ячник Е.А. Актуальные аспекты управления интеллектуальным капиталом образовательной организации // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. № 10 (157). С. 96-100. <https://elibrary.ru/stydcn>
2. Рожкова М.А. Рассмотрение споров, связанных с применением законодательства об интеллектуальной собственности // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / отв. ред. В.М. Жуйков. М.: Юридическая фирма Контракт, 2021. Вып. 28. С. 78-88.
3. Копылов А.Ю. Проблемы квалификации сложных объектов интеллектуальных прав // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 6. С. 75-90. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.075>, <https://elibrary.ru/qfpxon>
4. Шатковская Т.В. Сложный объект интеллектуальных прав: проблемы определения и правовой охраны // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4 (208). С. 99-101. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_4_99, <https://elibrary.ru/rtahys>
5. Москаленко А.И. Гражданско-правовая охрана и защита авторских прав в сети Интернет // Образование и право. 2020. № 8. С. 165-173. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10828>, <https://elibrary.ru/rxagqy>
6. Горенко Д.В. К вопросу о специфике объектов авторского права, размещаемых в информационно-цифровом пространстве // Юрист-Правовед. 2022. № 1 (100). С. 188-193. <https://elibrary.ru/dsqdju>
7. Сосипатрова Н.Е., Морозов С.А. Использование произведения в Интернете: субъект ответственности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 5. С. 146-153. <https://elibrary.ru/zwdlyt>
8. Родин А.С. Интернет-сайт как информационный ресурс и как объект охраны авторского права // Культура: теория и практика. 2021. № 2 (41). Ст. 12. <https://elibrary.ru/elntgn>
9. Свиридова Е.А. Интернет-сайт как результат творческой деятельности // Образование и право. 2014. № 1-2 (53-54). С. 136-147. <https://elibrary.ru/rxxdkn>
10. Тарасов Д.А. Правовые и технические аспекты блокировки «Зеркал» пиратских интернет-ресурсов // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 131-133. <https://elibrary.ru/xsnomh>
11. Шварц Л.В. Аудиовизуальное произведение как сложный объект авторского права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 3 (17). С. 30-36. <https://doi.org/10.22394/2686-7834-2023-3-30-36>, <https://elibrary.ru/tttbgc>

References

1. Tyaglov S.G., Yachnik E.A. (2014). Actual aspects of intellectual capital management of educational organizations. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii = Property Relations in the Russian Federation*, no. 10 (157), pp. 96-100. (In Russ.) <https://elibrary.ru/stydcn>
2. Rozhkova M.A. (2021). Rassmotrenie sporov, svyazannykh s primeneniem zakonodatel'stva ob intellektual'noi sobstvennosti [Consideration of disputes related to the application of intellectual property legislation]. *Kommentarii praktiki rassmotreniya ekonomicheskikh sporov (sudebno-arbitrazhnoi praktiki)* [Commentary on the Practice of Considering Economic Disputes (Judicial and Arbitration Practice)]. Moscow, Law Firm Kontrakt Publ., Issue 28, pp. 78-88. (In Russ.)
3. Kopylov A.Yu. (2021). Problems of qualification of complex objects of intellectual property rights. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, vol. 25, no. 6, pp. 75-90. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.075>, <https://elibrary.ru/qfpxon>
4. Shatkovskaya T.V. (2022). Complex object of intellectual rights: problems of definition and legal protection. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, no. 4 (208), pp. 99-101. (In Russ.) https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_4_99, <https://elibrary.ru/rtahys>
5. Moskalenko A.I. (2020). Civil and copyright protection on the Internet. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, no. 8, pp. 165-173. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10828>, <https://elibrary.ru/rxagqy>
6. Gorenko D.V. (2022). On the issue of specifics of copyright objects placed in the information and digital space. *Yurist'-Pravoved' = Jurist-Pravoved*, no. 1 (100), pp. 188-193. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dsqdju>

7. Sosipatrova N.E., Morozov S.A. (2017). Use of copyright objects in the internet: determination of the party liable. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 5, pp. 146-153. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zwdlyt>
8. Rodin A.S. (2021). Website as an information resource and as an object of copyright protection. *Kul'tura: teoriya i praktika = Culture: Theory and Practice*, no. 2 (41), art. 12. (In Russ.) <https://elibrary.ru/elntgn>
9. Sviridova E.A. (2014). Website as a result of the creative activity. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, no. 1-2 (53-54), pp. 136-147. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rxxdkn>
10. Tarasov D.A. (2018). Legal and technical aspects lock "Mirrors" pirate internet resources. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, no. 1, pp. 131-133. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xsnomh>
11. Shvarts L.V. (2023). Audiovisual work as a complex object of copyright. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya = Theoretical and Applied Law*, no. 3 (17), pp. 30-36. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2686-7834-2023-3-30-36>, <https://elibrary.ru/tttbgc>

Поступила в редакцию / Received 08.01.2024

Поступила после рецензирования / Revised 11.03.2024

Принята к публикации / Accepted 18.03.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО PROCEDURAL LAW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.91

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-117-129>

Шифр научной специальности 5.1.3

Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Анализ законодательства балтийских государств (Латвийской Республики и Эстонской Республики)

© ГАВРИЛЕНКО Владимир Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева», Российская Федерация, 196105, г. Санкт-Петербург, Московский просп., 149; доцент кафедры гражданского права и процесса, ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого», Российская Федерация, 173003, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, <https://orcid.org/0000-0002-7357-3526>, gv22@mail.ru

Аннотация

Проанализированы вопросы подведомственности споров субъектов экономического оборота разбирательству посредством института коммерческого негосударственного арбитража и компетенции арбитражных учреждений на рассмотрение определенных типов споров. В продолжение публикации в предыдущем номере журнала исследовано арбитражное законодательство и арбитражная практика прибалтийских государств бывшего СССР, таких как Латвийская Республика и Эстонская Республика и деятельность местных арбитражных учреждений. Отмечается влияние на генезис законодательства вышеуказанных государств советского и российского права, а также правовых традиций ряда государств Европейского союза, в особенности стран Западной Европы и Скандинавии. Прибалтийские республики характеризуются сформировавшейся рыночной экономикой относительно высокого уровня. Институт коммерческого арбитража, как средство урегулирования экономических споров также достаточно развит и востребован в правовой и экономической системах исследуемых государств. В настоящей публикации исследуются юридические вопросы арбитрабельности споров в правовых системах Латвийской и Эстонской Республик, национальное и международное законодательство, регулирующее указанные вопросы. Разработаны выводы об основных достоинствах и недостатках правового регулирования института арбитража в исследуемых странах.

Ключевые слова

коммерческий арбитраж, арбитражное разбирательство споров, третейский суд, подведомственность, арбитрабельность споров, компетенция, Латвийская Республика, Эстонская Республика

Для цитирования

Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Анализ законодательства балтийских государств (Латвийской Республики и Эстонской Республики) // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1. С. 117-129. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-117-129>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-117-129>

Issues of jurisdiction of disputes for arbitration proceedings. Comparative analysis of legislation of Baltic States (Latvian Republic and Estonian Republic)

© **Vladimir A. GAVRILENKO**,

PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of State and Law Department, Saint-Petersburg University State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, 149 Moskovskiy Ave., St. Petersburg, 196105, Russian Federation; Associate Professor of Civil Law and Process Department, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 41 Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St., Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-7357-3526>, gv22@mail.ru

Abstract

The issues of jurisdiction of disputes between economic entities to be solved through the institution of commercial non-state arbitration and the competence of arbitration institutions to consider certain types of disputes are analyzed. As a continuation of the publication in the previous issue of the journal, the arbitration legislation and arbitration practice of the Baltic states of the former USSR, such as the Republic of Latvia and the Republic of Estonia, were researched and the activities of local arbitration institutions. There is an influence on genesis of the above states legislation of Soviet and Russian law, as well as the legal traditions of some states of the European Union, especially the countries of Western Europe and Scandinavia. The Baltic republics are characterized by formed market economy at a relatively high level. The institution of commercial arbitration, as a means of resolving economic disputes, is also quite developed and in popular in the legal and economic systems of the above states. This publication analyses the legal issues of arbitrability of disputes in legal systems of Latvia and Estonia, national and international legislation governing these issues. Conclusions have been developed about the main advantages and disadvantages of legal regulation of institution of arbitration in above states.

Keywords

commercial arbitration, arbitral tribunal, arbitration proceedings, jurisdiction, arbitrability of disputes, competence, Latvian Republic, Estonian Republic

For citation

Gavrilenco, V.A. (2024). Issues of jurisdiction of disputes for arbitration proceedings. Comparative analysis of legislation of Baltic States (Latvian Republic and Estonian Republic). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1, pp. 117-129 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-117-129>

Введение

Настоящая статья продолжает публикацию в предыдущем номере настоящего журнала, в которой автор рассматривал вопросы арбитрабельности споров в правовой системе Литовской Республики [1].

Далее будет исследована система и правовое регулирование коммерческого арбитража в Латвийской Республике и Эстонской

Республике, которые являются государствами – членами Европейского союза. В указанных странах окончательно сложилась рыночная экономика приемлемого уровня развития с достаточно развитым, пусть и относительно небольшим, торговым оборотом. Вышеуказанные факты обуславливают необходимость института коммерческого арбитража или третейского разбирательства споров для урегу-

лирования противоречий участников экономических правоотношений.

Также отметим, что длительное время рассматриваемые государства входили в состав СССР и, соответственно, там действовало советское право, влияния традиций которого, как и современного российского, до сих пор имеет место (пусть и небольшое) в юриспруденции балтийских государств. С другой стороны, правовые традиции государств Европейского союза, а в особенности стран Западной Европы и Скандинавии, существенно повлияли на генезис правовой системы вышеуказанных балтийских государств. Кроме того, в сфере коммерческого арбитража существует устоявшееся и общепризнанное международное законодательство, влияние которого на национальное право отдельных стран, в том числе и рассматриваемых в настоящей статье, следует учитывать.

В соответствии с вышеизложенным исследование вопросов регулирования института арбитража в Латвийской и Эстонской Республиках представляется интересным. Тем более перспективы развития данного института высоко оцениваются в мировой юридической науке [2, р. 2].

В юридической теории понятие «арбитраж» представляет собой договорную форму разрешения споров, осуществляемую лицами, назначенными прямо или косвенно сторонами и наделенными полномочиями разрешать спор вместо государственных судов путем вынесения решения, имеющего последствия, аналогичные последствиям судебного решения» [3, р. 3].

Кратко изложим основные понятия и термины в отношении исследуемых вопросов. Как и в других публикациях и трудах, «будут применяться понятия «арбитраж» и «третейское разбирательство споров» как идентичные. Это соотносится с мировой практикой и отечественными законами» [4, с. 11].

Термин арбитрабельность автор использует, как «юридическую возможность разбирательства определенных дел компетентными третейскими судами» [1, с. 631]. Также следует напомнить на выделение объективной (спор не является подведомственным исключительно государственной юстиции) и субъективной (возможность сторон передать рассмотрение спора в арбитражное учреж-

дение) арбитрабельности в мировой юридической доктрине [5, р. 43].

По сути, термин арбитрабельность споров включает в себя вопросы подведомственности и компетенции. «Укажем на различие терминов компетенция и подведомственность. Подведомственность споров арбитражному разбирательству означает совокупность видов споров, которые могут быть разрешены посредством арбитража в соответствии с законодательством страны. Компетенция – это право арбитражного учреждения на разбирательство конкретного спора и определенных видов споров» [6, с. 304-305].

Отметим, что существуют споры, подведомственные и подсудные исключительно органам государственной юстиции и судопроизводства. Например, «правоотношения в области административного и уголовного права не могут быть разрешены посредством процедуры арбитража ни при каких обстоятельствах» [7, с. 129]. Также неарбитрабельны споры, которые «содержат существенный публично-правовой элемент» [8, с. 19]. Но конкретные неарбитрабельные виды вышеуказанных споров отличаются в правовых системах разных стран.

Автор традиционно исследует четыре группы вопросов применительно к правовому регулированию и непосредственной деятельности института арбитража в рассматриваемых государствах:

- определение арбитража в законодательных актах;
- правовые свойства арбитражного соглашения;
- арбитрабельность видов споров и компетенция арбитражных учреждений;
- вопросы исполнения арбитражного решения, а также его оспаривания и отмены в связи с нарушением правил арбитрабельности.

Результаты исследования

1. Латвийская Республика

Законодательство Латвийской Республики

В Латвийской Республике арбитраж регулируется Законом «О третейских судах» от 01 октября 2014 г. № 2014/194.1¹, кото-

¹ Latvijas Republikas 2014. gada 1. oktobra likums “Šķīrējtiesu likums” Nr. 2014/194.1. Pieejams: <https://likumi.lv/ta/id/> (piekļūts: 23.10.2023).

рый был принят Сеймом Латвии 11 сентября 2014 г. и вступил в силу с 01 января 2015 г. Автор использует перевод на русский язык Закона Латвийской Республики «О третейских судах» (далее Закон Латвии), размещенный на сайте Рижского третейского суда². Ранее, до вступления в силу вышеуказанного Закона, вопросы арбитражного разбирательства споров регулировались Гражданским процессуальным кодексом Латвии.

Закон Латвии не содержит в себе определений арбитражного разбирательства споров и третейского суда и сразу начинается с декларации целей и области своего действия в установлении порядка разбирательства споров в третейских судах (статья 1 Закона Латвии).

Далее прописаны виды третейских судов, традиционно подразделяющиеся на разовые (*ad hoc*) и постоянно действующие (статья 2 Закона Латвии).

Принципы арбитражного разбирательства споров достаточно подробно предусмотрены в разделе 5 Закона Латвии, имеющем наименование «Принципы третейского разбирательства».

Указаны принципы равноправия сторон (статья 19 Закона Латвии), состязательности (статья 20 Закона Латвии), свободы выбора процессуального порядка разбирательства спора (статья 21 Закона Латвии), независимости арбитров (статья 22 Закона Латвии) и конфиденциальности процедуры разбирательства спора (статья 23 Закона Латвии).

Данные принципы прописаны достаточно подробно, но, по сути, предусмотрен стандартный набор принципов, характерный для законодательства многих государств [9, с. 45-60], например Российской Федерации [10, с. 29-44] или Швеции [11, с. 68]. Причем только принцип конфиденциальности можно отнести к «особенным» принципам, присущим исключительно третейскому судопроизводству. Отметим, что законодательство соседней Литовской Республики более подробно и детально регулирует специальные принципы арбитража [12, р. 33-40].

Тем не менее, следует признать, что латвийское законодательство в разумно доста-

точном объеме регламентирует основные арбитражные принципы.

Исследуемый Закон Латвии, как впрочем, правовые акты об арбитраже большого количества стран, во многом основан на общепризнанных постулатах Модельного закона «О международном коммерческом арбитраже», разработанного Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) в 1985 г. и одобренного Резолюцией № 40/72 Генеральной Ассамблеи ООН³. Однако в Законе Латвии имеются отличия и оригинальные индивидуальные особенности.

Арбитражное соглашение

Раздел 3 Закона Латвии регламентирует вопросы арбитражного соглашения, которое рассматривается как соглашение о передаче гражданско-правового спора на рассмотрение в третейский суд, заключенное в установленном порядке (параграф 1, статья 10 Закона Латвии). Прописано стандартное право заключения соглашения в отношении уже возникшего спора или спора, который может возникнуть в будущем (параграф 2, статья 10 Закона Латвии).

Оговариваются вопросы правоспособности и дееспособности сторон соглашения (статья 11 Закона Латвии). Данные вопросы часто не прописываются в законах, регулирующих арбитраж, поскольку подразумевается априори, что арбитражное соглашение обладает общими свойствами гражданско-правового договора, в том числе касательно правоспособности и дееспособности. Латвийские законодатели предпочли выделить указанные вопросы в отдельной статье.

Согласимся с точкой зрения об идентичности правовой природы арбитражного соглашения с другими гражданско-правовыми договорами, поскольку «заключая его, как и любой другой гражданский договор, стороны принимают на себя определенные обязательства» [13, с. 87], в нашем случае, связанные с рассмотрением действующего или потенциального спора в третейском суде.

² Закон Латвийской Республики «О третейских судах» от 01 октября 2014 г. № 2014/194.1. URL: <https://court.lv/ru/print/podderzhka/zakon-lr> (дата обращения: 23.10.2023).

³ UNCITRAL “Model Law on International Commercial Arbitration” of June 21, 1985 (with changes of July 7, 2006) adopted by United Nations General Assembly resolutions of December 11, 1985, No. 40/72 and of December 4, 2006, No. 61/33. Available at: <https://uncitral.un.org/en/texts/arbitration> (accessed: 23.10.2023).

Очевидно, что «арбитражное соглашение – единственный источник властных полномочий для арбитража, юрисдикция арбитража основывается и проистекает исключительно из арбитражного соглашения сторон» [14, р. 131].

Предусматривается письменная форма арбитражного соглашения, а также право заключения отдельного соглашения или арбитражной оговорки (параграф 1, статья 12 Закона Латвии). Письменной формой считается также обмен сторонами спора почтовыми отправлениями или использование электронных средств коммуникации с фиксированием намерений надежной электронной подписью (параграф 2, статья 12 Закона Латвии). Автор считает полезным требование к письменной форме арбитражного соглашения, поскольку она обеспечивает четкую правовую фиксацию договоренностей и препятствует возможным попыткам нарушить или оспорить соглашение в будущем.

Правило о самостоятельности арбитражной оговорки также прописано (параграф 3, статья 13 Закона Латвии). Она имеет юридическую силу даже после прекращения или недействительности основного договора.

Следует обратить внимание на стандартные арбитражные оговорки, предлагаемые латвийскими арбитражными учреждениями.

Преамбула оговорки Рижского третейского суда стандартная.

«Любой спор, разногласие или иск, возникающие из данного договора, которые затрагивают его или его нарушение, прекращение или недействительность, а также все вытекающие убытки, будет подлежать разрешению в Рижском третейском суде (№ 40003756873), в соответствии с регламентом данного третейского суда»⁴.

Продолжение зависит от выбора процедурных вопросов (необходимость присутствия сторон и т. д.), что позволяет сторонам спора заранее определиться с процедурой возможного разбирательства.

Схожая по содержанию арбитражная оговорка предлагается Латвийским третейским судом.

«Любой спор, разногласие или иск, вытекающие из данного договора, которые затрагивают его или его нарушение, прекращение или недействительность, будет разрешен в Латвийском третейском суде (рег. № 40003754139), в соответствии с регламентом третейского суда»⁵.

Далее предусмотрены продолжения, в которых стороны также определяют процессуальные вопросы.

Арбитрабельность споров

Вопросы арбитрабельности споров решаются латвийским законодательством следующим образом. Предусмотрена возможность арбитражного разбирательства любых гражданско-правовых споров, если стороны добровольно заключили арбитражное соглашение (параграф 1, статья 5 Закона Латвии).

Вместе с тем четко и ясно указаны виды споров, не подлежащих арбитражному разбирательству (параграф 1, статья 5 Закона Латвии). Подразумевается, что данные споры подлежат разрешению только посредством государственного правосудия. Перечислим эти виды споров:

- спор, разрешение которого могло бы затрагивать права такого лица, которое не является участником договора о третейском суде;
- спор, по которому хотя бы одной стороной является государственное учреждение или учреждение самоуправления или принятое по которому постановление третейского суда может затрагивать права государственного учреждения или учреждения самоуправления;
- спор, который связан с записями в регистре актов гражданского состояния;
- спор о правах и обязанностях или защищаемых законом интересах находящихся под опекой или попечительством лиц;
- об учреждении, изменении или прекращении вещного права в отношении недвижимой собственности, если участником спора является лицо, в отношении которого законом ограничено право на приобретение недвижимой вещи в собственность, владение или пользование;

⁴ «Третейская оговорка». Список оговорок для рассмотрения споров в Рижском Третейском суде. URL: <https://court.lv/ru/reglament/tretejskaya-ogovorka> (дата обращения: 23.10.2023).

⁵ Клаузула // Латвийский третейский суд. URL: <http://skirejtiesa.lv/ru/clause> (дата обращения: 23.10.2023).

- спор о выдворении физического лица из жилого помещения;
- спор между работником и работодателем, если спор возник при заключении, изменении, прекращении или выполнении трудового договора, а также при применении или истолковании правовых норм, условий коллективного трудового договора или правил трудового распорядка (индивидуальный спор по трудовому праву);
- спор о правах и обязанностях тех лиц, в отношении которых объявлен процесс неплатежеспособности.

Законодатель исключает из подведомственности третейских судов ряд споров по принципу относимости к арбитражному соглашению, государственной или муниципальной принадлежности, вопросов опеки и попечительства, вопросов правоспособности, некоторых трудовых правоотношений и правоотношений, связанных с недвижимостью.

Кроме того, не входят в юрисдикцию третейских судов споры, связанные с вопросами, рассматриваемыми в особом порядке судебного разбирательства (параграф 1, статья 5 Закона Латвии). Данная норма отсылочная. Причем прямо не указывает на гражданско-процессуальную норму, к которой отсылает, что следует признать недостатком Закона Латвии с точки зрения юридической техники.

Дела, рассматриваемые латвийскими государственными судами в особом порядке, указаны в статье 251 Гражданского процессуального кодекса Латвии⁶ (далее ГПК Латвии), принятого 14 октября 1998 г. Следует их перечислить.

Это дела: об утверждении и отмене усыновления; о признании лица недееспособным и установлении попечительства; об установлении попечительства над лицами вследствие их распутного или расточительного образа жизни, а также чрезмерного употребления ими алкоголя или наркотиков; об установлении попечительства над имуществом отсутствующих или пропавших лиц; об объявлении пропавших лиц умершими; об установ-

лении фактов, имеющих юридическое значение; о погашении прав в вызывном порядке; о восстановлении прав по долговым актам или ценным бумагам на предъявителя; о наследственном праве; о выкупе недвижимой собственности; о неплатежеспособности предприятий и предпринимательских обществ; о ликвидации или неплатежеспособности кредитных учреждений; о признании незаконными забастовки или заявления о забастовке; о признании локаута или заявления о локауте незаконным.

То есть ряд дел по вопросам права и дееспособности, установлению юридических фактов, наследственным делам, недвижимости, забастовок и некоторых других.

Следует признать, в целом, логичность и ясность правового регулирования арбитрабельности споров латвийским законодательством, но имеются недостатки, обозначенные выше.

Закон Латвии предусматривает стандартный принцип «компетенции – компетенции», когда состав третейского суда самостоятельно принимает решение о собственной компетенции, причем как о подведомственности спора, так и о действительности арбитражного соглашения. Причем возможно принятие решения о собственной компетенции на любой стадии процесса (параграф 1, статья 24 Закона Латвии). Заявление об отсутствии подведомственности или компетенции третейского суда на разбирательство определенного спора может быть подано стороной до истечения срока подачи отзыва (параграф 2, статья 24 Закона Латвии).

В общем, стандартный принцип. «Все законы об арбитраже сходятся во мнении, что арбитры могут выносить решения относительно своей юрисдикции и что положительное решение в любом случае подлежит судебному контролю» [15, р. 185].

Но, имеется интересная практика Конституционного суда Латвийской Республики, который принял определение от 28 ноября 2014 г. по делу № 2014-09-01⁷. Определение

⁶ Civilprocesa likums. Latvijas Vēstnesis, 326/330, 03.11.1998.; Latvijas Republikas Saeimas un Ministru Kabineta Ziņotājs, 23, 03.12.1998. URL: <https://likumi.lv/ta/id/50500-civilprocesa-likums> (piekļūts: 23.10.2023).

⁷ Норма о компетенции третейского суда самостоятельно решать вопрос о подведомственности спора не соответствует Конституции. Решение по делу № 2014-09-01 «О соответствии части первой статьи 495 Гражданского процессуального закона первому предложению статьи 92 Конституции Латвийской Рес-

признает, что третейский суд не принадлежит к системе судебной власти, и государство не несет ответственности за процесс третейского суда. Но, часть первая статьи 24 Закона Латвии была признана не соответствующей статье 92 Конституции Латвии в той мере, в какой она не позволяет сторонам арбитражного разбирательства спора оспорить компетенцию третейского суда в суде общей юрисдикции. То есть, не ставится под сомнение право арбитров определить свою компетенцию на рассмотрение спора, но стороны имеют право беспрепятственно оспаривать компетенцию третейского суда и действительность арбитражного соглашения в Государственный суд. Следовательно, по факту Государственный суд выступает как высшая инстанция над третейским судом в некоторых процессуальных вопросах.

Вопросы исполнения арбитражного решения

Законодательство Латвийской Республики постулирует обязанность сторон добровольно исполнить арбитражное решение (параграф 1, статья 58 Закона Латвии). Если оно не исполняется в добровольном порядке, имеется возможность обратиться в государственный суд для выдачи исполнительного листа для принудительного исполнения решения постоянно действующего третейского суда (параграф 2, статья 58 Закона Латвии). Причем постоянно действующий третейский суд обязан по запросу государственного суда предоставить необходимую информацию о рассмотренном споре (параграф 3, статья 58 Закона Латвии).

Отметим, что Законом Латвии признаются возможности организации как постоянно действующего третейского суда, так и разового арбитража ad hoc (статья 2 закона Латвии). Но вышеуказанные положения о принудительном исполнении арбитражных решений содержат указания только на исполнение решений постоянно действующих арбитражных учреждений. По мнению автора, это недоработка законодателей и пробел в правовом регулировании вышеуказанного вопроса. Представляется, что принудительное

исполнения решения арбитража ad hoc будет регулироваться по аналогии закона так же, как регулируется принудительное исполнение решения постоянно действующего арбитража.

Что касается вопросов оспаривания арбитражного решения, они не упоминаются в Законе Латвии.

Но ГПК Латвии в статье 536 указывает основания для отказа в выдаче исполнительного листа на решение третейского суда. Перечислим данные основания:

- конкретный спор может быть рассмотрен только государственным судом;
- арбитражное соглашение заключило недееспособное лицо;
- арбитражное соглашение, в установленном законом порядке, отменено или признано не имеющим силы;
- сторона не была надлежащим образом извещена о процессе арбитражного разбирательства или она по другим причинам не могла представить свои объяснения, что существенно повлияло на процедуру разбирательства спора;
- сторона не была надлежащим образом извещена о назначении арбитров, что существенно повлияло на процедуру разбирательства спора;
- третейский суд не был сформирован или процедура разбирательства спора не соответствовали арбитражному соглашению или действующему законодательству;
- арбитражное решение было принято относительно спора, не предусмотренного арбитражным соглашением, или в нем разрешены вопросы, не включенные в арбитражное соглашение.

Отказ в принудительном исполнении арбитражного решения по факту означает его недействительность. Спор в дальнейшем может быть разрешен в государственном суде или в рамках нового третейского разбирательства (статья 537 ГПК Латвии).

Отметим, что основаниями в принудительном исполнении арбитражного решения являются нарушение правил подведомственности споров, компетенции конкретного третейского суда на рассмотрение определенного спора и несоответствия арбитражного решения арбитражному соглашению.

публики». URL: https://www.satv.tiesa.gov.lv/wp-content/uploads/2018/07/2014-09-01_PR_par_spridumu_ru.pdf (дата обращения: 23.10.2023).

Несоблюдение требований арбитрабельности спора влечет недействительность арбитражного решения.

2. Эстонская Республика

Законодательство Эстонской Республики

В Эстонской Республике институт коммерческого арбитража регулируется непосредственно Гражданским процессуальным кодексом⁸ (Часть 14), № RT I 2005, 26, 197, принятым 20 апреля 2005 г., вступившим в силу 01 января 2006 г. (далее ГПК Эстонии). Последние изменения в Часть 14 ГПК Эстонии, которая регулирует арбитражное разбирательство споров, были внесены изменениями в ГПК Эстонии № RT I, 19 марта 2019 г., 8 от 01 апреля 2019 г.

Автор использует неофициальный перевод ГПК Эстонии на русский язык⁹.

Отметим, что отдельного закона, регулирующего арбитраж, в Эстонии нет, и правовые нормы о третейском разбирательстве споров содержатся в Гражданском процессуальном кодексе, подобно правотворческой практике Италии [16] и Франции [17], с подробным анализом которой можно ознакомиться в научных трудах, указанных в ссылках, приведенных выше. Автор полагает более удобным, с точки зрения юридической техники, использование отдельного правового акта, регулирующего коммерческий арбитраж. Но решение данного вопроса находится в компетенции законодателей и их представлений об оптимальном правовом регулировании.

Рассматриваемый ГПК Эстонии не содержит определений арбитража и арбитражного разбирательства споров. Также не прописаны виды третейских судов, такие как *ad hoc* и постоянно действующие. Предполагая, что законодатели сочли данные сведения общеизвестными, разницу между видами третейских судов несущественной. Соответственно, проигнорировали данные вопросы в законодательстве.

⁸ Tsiviilkohtumenetluse seadustik (lühend – TsMS). Saadaval aadressil: <https://www.riigiteataja.ee/akt/111032023033> (juurdepääs: 23.10.2023).

⁹ Гражданский процессуальный кодекс Республики Эстония. URL: <https://www.juristaitab.ee/ru/grazhdanskiy-processualnyy-kodeks> (дата обращения: 23.10.2023).

Принципы арбитражного разбирательства споров упоминаются в ГПК Эстонии также не в полном объеме. Указывается принцип равного отношения к сторонам и предоставление возможности для сторон высказывания и защиты своей позиции (параграф 1, статья 732 ГПК Эстонии). Также, путем детального описания права сторон на определение процедуры разбирательства спора, фактически прописывается принцип диспозитивности (параграф 2, статья 732 ГПК Эстонии).

Более о принципах арбитражного разбирательства эстонское законодательство не упоминает, что также можно считать упущением. Напомним, что выделяются «принципы судопроизводства общие, как для третейского, так и для гражданского судопроизводства; в то же время существуют принципы, которые относятся исключительно к третейскому судопроизводству» [18, с. 25].

Арбитражное соглашение

Вопросы, связанные с арбитражным соглашением, достаточно подробно урегулированы эстонским законодательством (глава 71 ГПК Эстонии).

Стороны имеют право заключить арбитражное соглашение как в отношении уже возникшего спора, так и спора, который может возникнуть в будущем (параграф 1, статья 717 ГПК Эстонии). Возможно заключение как самостоятельного арбитражного соглашения, так и арбитражной оговорки, являющейся частью другого договора (параграф 2, статья 717 ГПК Эстонии).

Отметим, что вышеуказанные соглашения или оговорки не зависят от остальных условий договора (параграф 1, статья 730 ГПК Эстонии). То есть недействительность основного договора не влечет подобных последствий для арбитражного соглашения (оговорки), с ним связанного.

Арбитражное соглашение должно быть заключено в обеспечивающей воспроизведение письменной форме. Допускается также его письменное подтверждение (параграф 1, статья 719 ГПК Эстонии).

Допускается отход от вышеуказанного правила, если стороны выразили свое обоюдное согласие на разбирательство спора в третейском суде (параграф 3, статья 719 ГПК Эстонии).

Соглашение о третейском разбирательстве спора с потребителем регулируется отдельной нормой (статья 718.1 ГПК Эстонии), которая предусматривает дополнительные требования к форме соглашения и некоторым процессуальным вопросам разбирательства спора.

Рассмотрим практику Арбитражного суда Эстонской торгово-промышленной палаты, который предлагает стандартную арбитражную оговорку, которую приведем далее. Арбитражный суд Эстонской торгово-промышленной палаты является ведущим арбитражным учреждением Эстонии.

«Все споры, разногласия или требования, возникающие из настоящего договора или в связи с ним, подлежат окончательному разрешению в арбитражном суде Эстонской торгово-промышленной палаты согласно его регламенту»¹⁰.

Также далее предусмотрены продолжения, в которых стороны могут заранее более детально определить вопросы процедуры разбирательства спора.

Арбитрабельность споров

Вопросы арбитрабельности споров эстонским законодательством освещаются недостаточно подробно. Указано, что предметом арбитражного разбирательства споров могут быть имущественные требования и неимущественные требования, в отношении предмета которых стороны могут договориться (параграф 1, статья 718 ГПК Эстонии). Прямо запрещается разбирательство в третейском суде споров о действительности и расторжении договора найма находящегося в Эстонии жилого помещения, а также об освобождении жилого помещения; о расторжении трудового договора; исходящих из договора потребительского кредита (параграф 2, статья 718 ГПК Эстонии). Публично-правовое имущественное требование может быть рассмотрено третейским судом, если в отношении предмета спора возможно заключение договора в рамках публичного права (параграф 3, статья 718 ГПК Эстонии).

С одной стороны, указаны виды неарбитрабельных споров, но, с другой стороны,

не в полном объеме. Предусмотрена также возможность установления законодательного запрета или ограничение относительно передачи споров определенного рода на разрешение третейского суда (параграф 4, статья 718 ГПК Эстонии). По сути, отсылочная норма без прямой отсылки.

Представляется, что дела исключительной подсудности (глава 14 ГПК Эстонии), например, по вопросам банкротства и брачно-семейных отношений, не являются арбитрабельными. Также неарбитрабельными можно считать неисковые дела (глава 16 ГПК Эстонии). Более подробно данный вид споров перечислен в статье 475 ГПК Эстонии. Среди них можно выделить споры об опеке и попечительстве, усыновлении, признании умершим, регистровые и наследственные дела, жалобы на деятельность госорганов, а также некоторые другие вопросы.

Распространенный недостаток правового регулирования вопросов арбитрабельности споров. Приведу собственное утверждение из одной предыдущей публикации. «С точки зрения научных положений юридической техники и правил разумного законотворчества, целесообразно указать все виды споров, не подлежащих арбитражному разбирательству и не подведомственных третейским судам в одной статье одного правового акта, при необходимости делая на него отсылки в других правовых актах» [7, с. 124].

По вопросу определения компетенции третейского суда используется общепризнанный принцип компетенции-компетенции. Третейский суд вправе определить свою компетенцию на разбирательство спора, а также разрешить самостоятельно вопросы о наличии и действительности арбитражного соглашения (параграф 1, статья 30 ГПК Эстонии). Возможна подача возражения в отношении компетенции третейского суда, не позднее направления ответа на исковое заявление (параграф 2, статья 30 ГПК Эстонии), и возражения на превышение пределов полномочий третейского суда, не позднее начала разбирательства спора (параграф 3, статья 30 ГПК Эстонии).

Арбитражные учреждения могут прописывать вопросы компетенции в собственных регламентах. Например, параграф 1, статьи 1 Регламента Арбитражного суда Эстонской

¹⁰ Образцы арбитражных клаузул // Эстонская торгово-промышленная палата. URL: <https://www.koda.ee/ru/uslugi/obrazhny-arbitrazhnyh-klauzul> (дата обращения: 23.10.2023).

торгово-промышленной палаты¹¹ указывает компетенцию данного арбитражного учреждения на разрешение споров, следующих из гражданско-правовых отношений, в том числе внешнеторговых и иных международных хозяйственных отношений.

Вопросы исполнения арбитражного решения

Законодательство предусматривает возможность принудительного исполнения решения третейского суда, если суд общей юрисдикции признал решение исполнимым (параграф 1, статья 753 ГПК Эстонии). Тогда исполнение происходит по аналогии с решениями судов государственной судебной системы путем выдачи исполнительного документа (статьи 756 и 757 ГПК Эстонии). Причем решения постоянно действующих третейских судов должны исполняться без признания со стороны государственной судебной системы. Причем прописано только два таких суда. Это Арбитражный суд Эстонской торгово-промышленной палаты и Арбитражный суд палаты нотариусов (параграф 1.1, статья 753 ГПК Эстонии). Следует понимать, что в стране только два постоянно действующих третейских суда.

Интересна практика Государственного суда Эстонии (аналог Российского Верховного суда) по вопросам исполнения решений третейских судов¹². Как правило, решение постоянно действующего третейского суда подлежит исполнению, в том числе и принудительному, без его признания государственным судом, в то время как решение третейского суда *ad hoc* для его принудительного исполнения должно получить признание со стороны государственной судебной системы. Но, согласно Решению Государственного суда Эстонии № 3-2-1-142-15

от 20 апреля 2016 г.¹³, невозможно объективно определить, какой третейский суд можно считать постоянно действующим, по причине отсутствия национальной системы контроля. Определение арбитражного учреждения постоянно действующим со слов или наименования самого арбитражного учреждения считается недостаточно достоверно. Следовательно, любое решение третейского суда должно быть признано государственным судом для его принудительного исполнения.

Отметим, что в Российской Федерации государственный суд выдает исполнительный лист на принудительное исполнение третейского решения в любом случае. В Эстонии же, до вышеуказанного решения Государственного суда, существовала возможность его автоматического принудительного исполнения судебными приставами, если решение вынес постоянно действующий арбитраж, а не разовый *ad hoc*. Но местный высший Суд прервал данную практику.

Вызывает некоторые сомнения целесообразность данного решения Государственного суда Эстонии. Объективно, в стране два постоянно действующих арбитражных учреждения, наименования которых, тем более, внесены в статью 753 ГПК Эстонии. Соответственно, вряд ли может вызывать сомнения их статус.

В Эстонской Республике действует известная Конвенция «О признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений», принятая в Нью-Йорке 10 июня 1958 г., так называемая Нью-Йоркская конвенция. Решение о ее ратификации было принято парламентом Эстонии 16 июня 1993 г. Соответствующее Постановление № 142 от 28 июня 1993 г. было подписано Президентом Республики¹⁴. Решения иностранных третейских судов принимаются к исполнению в соответствии с вышеуказанной Конвенцией (статья 754 ГПК Эстонии) и исполняются аналогично с решениями националь-

¹¹ Регламент Арбитражного суда Эстонской торгово-промышленной палаты. Утвержден решением Президиума ЭТПП 03.03.1992, изменен решением Правления ЭТПП от 03.03.1995, 26.05.1995, 23.05.1996, 03.09.1998, 30.09.1999, 13.12.2007, 17.01.2013, 11.04.2019. URL: <https://www.koda.ee/sites/default/files/content-type/content/2019-06/Reglement%202019%20RUS.pdf> (дата обращения: 23.10.2023).

¹² Kõik vahekohtu otsused peavad läbima kohtuliku tunnustuse. 20. aprill 2016. Pidejams:: <https://www.riigikohus.ee/et/uudiste-arhiiv/koik-vahekohtu-otsused-peavad-labima-kohtuliku-tunnustuse> (pieklüts: 23.10.2023).

¹³ Riigikohus tsiviilkolleegium kohtuotsus. 22. mai 2015. a otsus tsiviilasjas nr 2-14-59320. Pidejams:: <https://www.riigikohus.ee/et/laheid?id=3-2-1-142-15> (pieklüts: 23.10.2023).

¹⁴ Välisriigi vahekohtu otsuste tunnustamise ja täitmise konventsiooni ratifitseerimise seadus. 28.06.1993 otsus nr 142. Pidejams:: <https://www.riigiteataja.ee/akt/24471> (pieklüts: 23.10.2023).

ных третейских судов в установленном порядке (статьи 756 и 757 ГПК Эстонии).

Подведомственность дел об исполнении арбитражных решений также урегулирована (статья 121 ГПК Эстонии).

Рассмотрим далее вопрос оспаривания и отмены решения третейского суда. Законодательство предусматривает определенные основания отмены арбитражного решения (параграф 1, статья 751 ГПК Эстонии), иницируемые по заявлению одной из сторон, которые следует перечислить:

- дееспособность лица, заключившего арбитражное соглашение, была ограничена;
- арбитражное соглашение является ничтожным согласно эстонскому праву или праву иного государства, на основании которого стороны решили оценить действительность данного соглашения;
- сторона не была извещена надлежащим образом о назначении арбитра или о разбирательстве спора либо она не могла по иной причине представить и защитить свои позиции;
- решение третейского суда касается спора, не указанного в арбитражном соглашении или выходит за рамки данного соглашения;
- формирование состава арбитража или разбирательство спора не соответствовало положениям законодательства либо арбитражного соглашения, и можно предполагать, что это оказало существенное влияние на решение арбитров.

Кроме того, имеются основания для отмены арбитражного решения, иницируемые как одной из сторон, так и непосредственно государственным судебным учреждением (параграф 2, статья 751 ГПК Эстонии). Перечислим данные основания:

- спор не подлежал разрешению в третейском суде согласно эстонскому праву;
- решение третейского суда противоречит общественному порядку Эстонии или нормам морали.

Последний пункт следует пояснить подробнее. Стандартная оговорка о публичном порядке, призванная установить приоритет национальных интересов над частными и сохранить публичный порядок государства от любых негативных влияний на него. Про-

блема в том, что отсутствует четкое закрепление в законодательстве понятие публичного порядка. Данная особенность характерна для большинства правовых систем. По сути, национальные суды решают вопросы публичного порядка сообразно внутреннему убеждению судей, разбирающих конкретные дела. Автор полагает, что целесообразно закрепление в законодательстве четкое и непротиворечивое понятие публичного порядка с целью избежать каких-либо противоречий в применении и толковании правовых норм, о чем говорилось в предыдущих публикациях [19, с. 44-47].

Вышеизложенное позволяет отметить возможность отмены арбитражных решений по причинам нарушения положений законодательства о подведомственности споров арбитражному разбирательству и компетенции третейского суда на рассмотрение определенного спора. Также обратим внимание, что при нарушении правил компетенции соответствующий государственный суд может отменить арбитражное решение не полностью, а только в отношении требований, не относящихся к компетенции третейского суда (параграф 3, статья 751 ГПК Эстонии).

Возможно возвращение дела, решение по которому отменено, в третейский суд для повторного разбирательства (параграф 4, статья 751 ГПК Эстонии), поскольку отмена арбитражного решения не влечет ничтожности арбитражного соглашения (параграф 4, статья 751 ГПК Эстонии).

Заключение

Исследование международного юридического опыта часто бывает полезным, поскольку «зарубежное законодательство изобилует правилами, выработанными многовековой практикой судов» [20, с. 43], а также третейских учреждений.

Законодательство Латвийской Республики и Эстонской Республики, регулирующее институт арбитража, указывает неарбитрабельные виды споров, что следует признать их преимуществом. Но имеются и недостатки, общие для латвийских и эстонских законов, когда в арбитражных нормах прописаны не все виды споров, имеющих исключительную подведомственность государственной судебной системы. В отноше-

нии таких видов споров используются отсылочные нормы к нормам гражданского процессуального законодательства, но имеющие общий характер без прямого указания на конкретные статьи гражданских процессуальных кодексов.

Повторяю свой вывод по рассматриваемому вопросу о целесообразности «предусмотреть указание всех видов споров, не подлежащих арбитражному разбирательству и не подведомственных третейским су-

дам в одном правовом акте, регулирующем институт коммерческого арбитража, при необходимости делая на него ссылки в иных правовых актах» [6, с. 318]. Необходимо «ясно прописывать признаки арбитрабельности споров» [4, с. 13], поскольку необходимы непротиворечивые правовые стандарты. Именно законодательство в данном ключе позволяет формулировать законы удобными для правоприменения и грамотными с точки зрения правотворческой техники.

Список источников

1. Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Анализ законодательства Литовской Республики // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 629-636. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-629-636>, <https://elibrary.ru/dacdqk>
2. Schinazi M. The Three Ages of International Commercial Arbitration. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 386 p. <https://doi.org/10.1017/9781108891837>
3. Poudret J.-F., Besson S. Comparative Law of International Arbitration: Second edition. L.: Sweet & Maxwell Ltd., 2007. 952 p.
4. Гавриленко В.А. Вопросы арбитражного разбирательства споров о возмещении ущерба от чрезвычайных ситуаций в странах Арктического региона // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2021. № 2 (51). С. 10-14. <https://elibrary.ru/bdgmfv>
5. Kaufmann-Kohler G., Rigozzi A. International Arbitration: Law and Practice in Switzerland. Oxford: Oxford University Press, 2015. 672 p. <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.1.1008.8406>
6. Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Сравнительный анализ законодательства государств Арктического региона // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 303-318. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-303-318>, <https://elibrary.ru/mezpuv>
7. Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Сравнительный анализ законодательства государств БРИКС // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1. С. 120-131. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-120-131>, <https://elibrary.ru/qvgsxj>
8. Гавриленко В.А. Особенности третейского разбирательства споров в современной России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2018. № 2 (39). С. 18-26. <https://elibrary.ru/yajsrf>
9. Курочкин С.А. Международный коммерческий арбитраж и третейское разбирательство. М.: Инфотопик Медиа, 2013. 260 с. <https://elibrary.ru/sdtywn>
10. Курочкин С.А., Морозов М.Э., Скворцов О.Ю., Севастьянов Г.В. Третейское разбирательство в Российской Федерации. М.: Волтерс Клувер, 2010. 400 с. <https://elibrary.ru/ryrqup>
11. Зыков Р.О. Международный арбитраж в Швеции: право и практика. М.: Статут, 2014. 285 с.
12. Lietuvos Respublikos komercinio arbitrazo istatymo komentaras / ed. by W. Mikelenas, V. Necrosius, E. Zemlyte. Vilnius: VJ Registru Center, 2016. 192 p.
13. Неишатаева Т.Н., Старженецкий В.В. Третейские и государственные суды. Проблема прав на правосудие // Вестник Высшего арбитражного суда РФ. 2000. № 10. С. 85-91.
14. Redfern A., Hunter M., Blackaby N., Partasides C. Law and Practice of International Commercial Arbitration (4th ed.). L.: Sweet & Maxwell, 2004. 659 p.
15. Sanders P. Quo Vadis Arbitration? Hague: Kluwer Law International, 1999. 451 p.
16. Commentario Breve al Diritto dell'Arbitrato Nazionale ed Internazionale / ed. by M.V. Benedettelli, C. Consolo, L.G. Radicati Di Brozolo. Veneto: Cedam, 2010. 1408 p.
17. El Ahdab J., Mainguy D. Droit de l'arbitrage Théorie et pratique. P.: LexisNexis, 2021. 1062 p.
18. Гавриленко В.А. Третейское разбирательство споров. Великий Новгород, 2007. 166 с.
19. Гавриленко В.А. Институт публичного порядка и его определение // Адвокатская практика. 2006. № 2. С. 47-48.
20. Ковалева Н.В., Кузнецов Е.Е. Назначение экспертизы в гражданском процессе по законодательству Российской Федерации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2023. № 1 (58). С. 42-49. <https://elibrary.ru/lzyfjg>

References

1. Gavrilenko V.A. (2023). Issues of jurisdiction of disputes for arbitration proceedings. Lithuanian Republic's legislation analysis. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 629-636. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-629-636>, <https://elibrary.ru/dacdqk>
2. Schinazi M. (2021). *The Three Ages of International Commercial Arbitration*. Cambridge, Cambridge University Press, 386 p. <https://doi.org/10.1017/9781108891837>
3. Poudret J.-F., Besson S. (2007). *Comparative Law of International Arbitration: Second edition*. London, Sweet & Maxwell Ltd., 952 p.
4. Gavrilenko V.A. (2021). Issues of arbitration proceedings about indemnity damages from emergencies in Arctic region states. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychaynye situatsii = Law. Safety. Emergency Situations*, no. 2 (51), pp. 10-14. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bdgfuv>
5. Kaufmann-Kohler G., Rigozzi A. (2015). *International Arbitration: Law and Practice in Switzerland*. Oxford, Oxford University Press, 672 p. <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.1.1008.8406>
6. Gavrilenko V.A. (2023). Issues of jurisdiction of disputes to arbitration. Comparative analysis of legislation of the states of Arctic region // *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 303-318. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-303-318>, <https://elibrary.ru/mezpuu>
7. Gavrilenko V.A. (2023). Issues of jurisdiction of disputes to arbitration. Comparative analysis of legislation of BRICS states. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 1, pp. 120-131. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-120-131>, <https://elibrary.ru/qvgxsj>
8. Gavrilenko V.A. (2018). Features of arbitration disputes in modern Russia. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychaynye situatsii = Law. Safety. Emergency Situations*, no. 2 (39), pp. 18-26. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yajrsf>
9. Kurochkin S.A. (2013). *Mezhdunarodnyy kommercheskiy arbitrazh i treteyskoe razbiratel'stvo* [International Commercial Arbitration and Arbitration Proceedings]. Moscow, Infotopik Media Publ., 260 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sdtywn>
10. Kurochkin S.A., Morozov M.E., Skvortsov O.Yu., Sevast'yanov G.V. (2010). *Treteyskoe razbiratel'stvo v Rossiyskoy Federatsii* [Arbitration Proceedings in the Russian Federation]. Moscow, Volters Kluwer Publ., 400 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ryrqup>
11. Zykov R.O. (2014). *Mezhdunarodnyy arbitrazh v Shvetsii: pravo i praktika* [International Arbitration in Sweden: Law and Practice]. Moscow, Statut Publ., 285 p. (In Russ.)
12. Mikelenas W., Necrosius V., Zemlyte E. (eds.). (2016). *Lietuvos Respublikos komercinio arbitrazo istatymo komentaras*. Vilnius, VJ Registru Center Publ., 192 p. (In Lithuanian)
13. Neshataeva T.N., Starzhenetskii V.V. (2000). Treteyskie i gosudarstvennye sudy. Problema prav na pravosudie [Arbitration and state courts. The problem of rights to justice]. *Vestnik Vysshego arbitrazhnogo suda RF* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation], no. 10, pp. 85-91. (In Russ.)
14. Redfern A., Hunter M., Blackaby N., Partasides C. (2004). *Law and Practice of International Commercial Arbitration*. London, Sweet & Maxwell Publ., 659 p.
15. Sanders P. (1999). *Quo Vadis Arbitration?* Hague, Kluwer Law International Publ., 451 p.
16. Benedettelli M.V., Consolo C., Radicati Di Brozolo L.G. (eds.). (2010). *Commentario Breve al Diritto dell'Arbitrato Nazionale ed Internazionale*. Veneto, Cedam Publ., 1408 p. (In Ital.)
17. El Ahdab J., Mainguy D. (2021). *Droit de l'arbitrage Théorie et pratique*. Paris, LexisNexis Publ., 1062 p. (In Fr.)
18. Gavrilenko V.A. (2007). *Treteyskoe razbiratel'stvo sporov* [Arbitration of Disputes]. Velikiy Novgorod, 166 p. (In Russ.)
19. Gavrilenko V.A. (2006). Institut publichnogo poryadka i ego opredelenie [Institute of public order and its definition]. *Advokatskaya praktika* [Practice of Lawyer], no. 2, pp. 47-48. (In Russ.)
20. Kovaleva N.V., Kuznetsov E.E. (2023). Appointment of examination in civil proceedings under the legislation of the Russian Federation. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychaynye situatsii = Law. Safety. Emergency Situations*, no. 1 (58), pp. 42-49. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lzyfjg>

Поступила в редакцию / Received 15.12.2023

Поступила после рецензирования / Revised 06.03.2024

Принята к публикации / Accepted 18.03.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.13

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-130-139>

Шифр научной специальности 5.1.4

Правовые проблемы возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств

© ПЕРЕТЯТЬКО Наталья Михайловна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Российская Федерация, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, <https://orcid.org/0000-0002-4156-4430>, naperetyatko@yandex.ru

© ФЕДЮНИН Антон Евгеньевич,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Российская Федерация, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, <https://orcid.org/0000-0002-1866-8629>, aef@bk.ru

Аннотация

Актуальность темы исследования обусловлена существованием проблем института возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств и необходимостью реформирования данной сферы правоотношений. Цель обусловлена актуализацией нерешенных вопросов института возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Задачи исследования состоят в определении тенденций развития исследуемого института, выявлении имеющихся в нем правовых противоречий и разработке предложений и рекомендаций по их устранению. В работе использовались классические методы правовых исследований: анализ, синтез, изучение судебной практики, формальная логика. На основе анализа норм уголовно-процессуального права, решений высших судов и практики правоприменения сделан вывод о необходимости реформирования института возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Обоснован вывод о необходимости законодательного установления сроков проведения прокурором проверки, результаты которой служат для принятия решения о возобновлении соответствующего производства либо об отказе в нем. Доказана необходимость реформирования института возобновления производства по уголовному делу и приведения норм УПК РФ в соответствие с их конституционным смыслом путем устранения имеющихся правовых пробелов через внесение изменения в главу 49 УПК РФ.

Ключевые слова

новые обстоятельства, вновь открывшиеся обстоятельства, возобновление производства, правовое регулирование, уголовный процесс

Для цитирования

Перетятько Н.М., Федюнин А.Е. Правовые проблемы возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1. С. 130-139. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-130-139>

Legal problems of resuming criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances

© Natalya M. PERETYATKO,

PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of Criminal Procedure Department, Saratov State Academy of Law, 1 Vol'skaya St., Saratov, 410056, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-4156-4430>, naperetyatko@yandex.ru

© Anton E. FEDYUNIN,

Dr. habil. (Law), Associate Professor, Professor of Criminal Procedure Department, 1 Vol'skaya St., Saratov, 410056, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-1866-8629>, acf@bk.ru

Abstract

The relevance of the research topic is due to the existence of problems in the institution of reopening criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances and the need to reform this area of legal relations. The goal is determined by the updating of unresolved issues of the institution of reopening criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances. The objectives of the study are to determine the development trends of the institution under study, identify the legal contradictions that exist in it and develop proposals and recommendations for their elimination. The work used classical methods of legal research: analysis, synthesis, study of judicial practice, formal logic. Based on an analysis of the norms of criminal procedure law, decisions of higher courts and law enforcement practice, a conclusion was made about the need to reform the institution of reopening criminal proceedings in view of new or newly discovered circumstances. The conclusion is substantiated about the need to legislatively establish the terms for the prosecutor to conduct an inspection, the results of which serve to make a decision on the resumption of the relevant proceedings or on the refusal to do so. The need to reform the institution of resuming criminal proceedings and bringing the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in line with their constitutional meaning has been proven by eliminating existing legal gaps through amending Chapter 49 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords

new circumstances, newly discovered circumstances, resumption of proceedings, legal regulation, criminal proceedings

For citation

Peretyatko, N.M., & Fedyunin, A.E. (2024). Legal problems of resuming criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1, pp. 130-139 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-130-139>

Введение. Постановка проблемы

Конституционный суд РФ в декабре 2021 г. принял знаковое Постановление № 53-П «По делу о проверке конституционности статей 416 и 417 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ф.Б. Исакова»¹, в котором сформулированы положения, имеющие принципиальное значение как для теории уголовного процесса, так и для

правоприменительной практики, складывающейся в рамках стадии возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Анализ предпринятого Конституционным судом РФ толкования необходим для законодательного отражения выявленного конституционного смысла в содержании статей главы 49 УПК РФ, поскольку по некоторым ее положениям были выявлены расхождения как в практике высших судов РФ, так и научных суждениях, отраженных в ряде научных исследований.

Методы исследований, примененные в настоящей научной работе, такие как системное обобщение статистических и эмпирических данных, анализ и синтез, формаль-

¹ По делу о проверке конституционности статей 416 и 417 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ф.Б. Исакова: Постановление Конституционного суда РФ от 16.12.2021 № 53-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (ч. II). Ст. 9315.

ная логика и другие, в сочетании с анализом законодательства, решений высших судов и научных работ, посвященных исследуемой проблеме, позволяют обеспечить воспроизводимость полученных результатов и утверждать о необходимости внесения поправок в главу 49 УПК РФ.

Результаты исследования

Научно-прикладные вопросы возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств изучались на уровне Конституционного суда РФ, что свидетельствует об их значении в системе уголовного судопроизводства. В целом ряде решений сформулированы важнейшие выводы относительно характера данной стадии, являющейся резервным способом гарантирования правосудности судебных решений², понятия и правовой природы оснований, иницилирующих ее начало³, принципиальной возможности в ее рамках исправлять судебные ошибки, допущенные как вследствие того, что при производстве по уголовному делу судом не учтены обстоятельства, не известные ранее, так и по причине того, что доказательства не были приняты судом или оценены ошибочно, либо в результате ошибки в применении закона⁴ и др., сформировавшие со-

временный облик данной стадии, в итоге значительно отличающийся от первоначально очерченного законодателем [1, с. 109].

Постановление Конституционного суда РФ № 53-П имеет ключевое правовое значение: в нем окончательно решены принципиальные вопросы, касающиеся разграничения процессуальных полномочий суда и прокурора; структуры стадии возобновления производства по делу; особенностей обжалования решений, принимаемых прокурором; процессуальной формы, которая призвана гарантировать представление как новых, так и вновь открывшихся, ранее отсутствовавших обстоятельств.

Развивая ранее изложенные правовые позиции относительно законодательного ограничения круга правовых оснований для возобновления экстраординарного производства по делу, Конституционный суд РФ сделал логичный вывод, что разграничение вновь открывшихся и новых обстоятельств на виды отдельных категорий правовых оснований для пересмотра приговоров может быть произведено с акцентом на их *материальном содержании*, подразумевая при этом значение названных нарушений закона в качестве определяющего правового признака фундаментальной судебной ошибки и соответствующих *процессуальных форм*, в которых они должны быть представлены (курсив наш. – П. Н., Ф. А.).

Следует отметить, что разграничение с точки зрения материального содержания обстоятельств на новые, а также открывшиеся вновь в свое время производила еще советская наука. Уже тогда была успешно разработана концепция деления оснований на те, которые уже существовали, но были неизвестны по объективным причинам суду (новые), и которые существовали, но по различным причинам не были известны суду по объективным причинам (вновь открывшиеся). При таком подходе большое значение приобретал вопрос о понимании критерия «неизвестности для суда», поскольку он являлся определяющим при выборе направления дальнейших действий (возобновления либо надзорного производства). Таким образом, в рассматриваемой концепции дело могло быть пересмотрено как по фактиче-

² По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Себренникова: Постановление Конституционного суда РФ от 02.02.1996 № 4-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 7. Ст. 701.

³ По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда: Постановление от 16.05.2007 № 6-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 22. Ст. 2686.

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Матвеева Дениса Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного суда РФ от 09.06.2015 № 1276-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мукаева Арсана Магомедовича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 415 и иными положениями главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение от 24.10.2019 № 2710-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ским, так и процессуально-правовым основаниям [2, с. 849].

Разграничение категорий оснований пересмотра приговоров по статье 413 УПК РФ четко просматривается и в настоящее время [3, с. 63]. Однако с учетом современных законодательных трактовок многими исследователями предлагается принять за первичный критерий фактическое существование обстоятельств. В качестве вторичного критерия предполагается рассматривать знание судом о существовании указанных обстоятельств [4, с. 9].

Не отрицая важности указанных критериев, все же отметим, что в материальном содержании определяющий признак связывается именно с признаком фундаментальной судебной ошибки⁵. Сам по себе процесс собирания имеющих для дела сведений, непредставление которых суду на предыдущих стадиях расследования было объективно обусловлено, не может рассматриваться в качестве правового основания для пересмотра приговора, который уже вступил в законную силу в соответствии с нормами главы 49 УПК РФ⁶.

Не менее важное правовое значение, чем их материально-содержательная часть, имеет соответствующая процессуальная форма, в которой необходимо представить основания для пересмотра приговора.

Дело в том, что акты суда, а также следствия (дознания), которые предусмотрены в нормах частей 3, 5 статьи 413 УПК РФ, предполагают наличие вновь открывшихся обстоятельств. Однако последние могут быть нивелированы, например, по прошествии долгого периода времени после вынесения

требующего пересмотра приговора или по причине наличия фактических данных о неумышленном, но противоправном поведении властных участников уголовного судопроизводства, которое равнозначно по своим последствиям умышленным злоупотреблениям, которые согласно закону можно классифицировать как вновь открывшиеся обстоятельства.

Значит ли это, что в обозначенных ситуациях исправление неправоудного приговора уже невозможно, поскольку законодатель исчерпывающим образом изложил перечень вновь открывшихся обстоятельств? Разрешая данный вопрос, Конституционный суд РФ утверждает, что оно допустимо в случаях выявления судом обстоятельств такого же свойства, какие он мог бы посчитать вновь открывшимися, при условии установления их в итоговом судебном акте. Разграничение оснований на материально-фактологические и формально-процессуальные, позволило Конституционному суду РФ сформулировать принципиальный вывод о возможности самостоятельного установления судом обстоятельств, влекущих пересмотр приговора. Однако данное правомочие суда не может быть исполнено без наличия определенных условий.

Во-первых, его реализация возможна только для пересмотра дела в направлении улучшения положения осужденного, исходя из принципа благоприятствования защите – *favor defensionis*. Данное условие, определенное как непреложное, вполне понятно как в рамках риска нарушения известного принципа *non bis in idem*, то есть недопустимость осуждения того же лица повторно по тому же обвинению. Одновременно такое условие предопределяет вывод относительно установления возможного срока возобновления производства – здесь он не будет ограничен временными рамками, поскольку, согласно общему положению, изложенному в статье 414 УПК РФ, пересмотр приговора в пользу улучшения положения осужденного временем не ограничен. В связи с изложенным можно резюмировать, что дополнение части 4 статьи 414 УПК РФ правовой конструкцией, фиксирующей определенный день установления судом оснований к возобновлению производства, не повлияет на правоприменение.

⁵ По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда: Постановление Конституционного суда РФ от 16.05.2007 № 6-П // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2007. № 22. Ст. 2686; По делу о проверке конституционности статей 416 и 417 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ф.Б. Исакова: Постановление Конституционного суда РФ от 16.12.2021 № 53-П // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2021. № 52 (ч. II). Ст. 9315.

⁶ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 10.03.2016 № 55-УД15-7 // *Бюллетень Верховного суда РФ*. 2017. № 3-4.

Во-вторых, очевидна необходимость разработки такой процедуры, в рамках которой и право на свободное обращение в суд заинтересованного в возбуждении производства лица, и собственная инициатива суда по такому возбуждению будут ограничены. Причины такого ограничения видятся, прежде всего, в сущностных характеристиках самой стадии – как неординарной, резервной, компенсационной, дополняющей основные, даже когда исчерпаны все возможные средства судебной защиты. В такой ситуации право осужденного на судебную защиту своего положения от обвинения считается уже реализованным в силу действия общепринятых правил. Следует согласиться и с тем, что неограниченная свобода обращения ослабляла бы возможности защиты основных Конституционных прав и свобод, а также устойчивость приговоров и иных решений, и была избыточной с точки зрения предназначения правосудия⁷.

Учитывая вышеизложенное, правомочие суда по возможности самостоятельного установления обстоятельств, которые могли бы стать законной причиной пересмотра приговора, логично совместить с процедурой ее обжалованию, однако такой механизм не является очевидным [5, с. 33; 6, с. 28]. В действующей статье 416 УПК РФ указана лишь его возможность с отсылкой к перечню судов, в которые возможно обращение (но не к тому порядку, в котором оно может осуществляться). Соответственно, споры относительно процедуры обжалования решений прокурора разворачиваются не только на страницах научной периодической печати, но и в решениях высших судов.

Например, в ранее указанном постановлении Конституционного суда РФ говорится, что «возможно применение аналогии закона в отношении полномочий суда, который рассматривает жалобу в ходе осуществления досудебного производства»⁸. Альтернативной позиции придерживается Пленум

Верховного суда РФ, в постановлениях которого последовательно, сначала в одном⁹, а затем и в другом¹⁰, он проводит мысль относительно необходимости использования двух различных механизмов обжалования, выбор конкретного из которых должен находиться в зависимости от того этапа, на котором прокурор принял свой итоговый процессуальный акт.

На наш взгляд, предложение Пленума Верховного суда РФ в большей степени способствует реализации прав заинтересованных лиц, учитывая при этом принципиальное разграничение полномочий суда и прокуратуры в уголовном процессе, позволяя не предпринимать мнение прокурора там, где у него еще имеется возможность изменить свою точку зрения, нивелировав нарушение закона, указанное судом (статья 125 УПК РФ), и реализовать свои собственные полномочия по осуществлению правосудия без ограничений по оценке доказательств там, где прокурор по итогам проведенной проверки сформировал уже свое итоговое мнение по делу (статья 417 УПК РФ).

В-третьих, поставленное Конституционным судом РФ как непереносимое для начала производства по процессуальным основаниям, установленным судом, вызывает наибольшее количество вопросов.

Высший Суд характеризует такую ситуацию максимально корректно – «остаются расхождения между позициями прокурора и суда». Вместе с тем здесь явно просматривается ситуация, когда прокурор довольно длительное время (не исключена многолетняя отсрочка в завершении производства) не исполняет решение суда. Возможно ли предусмотреть в процессуальном законодательстве такое условие, как многолетнее игнори-

⁹ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: п. 18 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 10.02.2009 № 1 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2009. № 4.

¹⁰ О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора: п. 8, 11 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 14.12.2021 № 43 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2022. № 2.

⁷ По делу о проверке конституционности статей 416 и 417 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ф.Б. Исхакова: Постановление Конституционного суда РФ от 16.12.2021 № 53-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (ч. II). Ст. 9315.

⁸ Там же.

рование состоявшегося решения суда уполномоченными работниками органа прокуратуры?

На наш взгляд, следует согласиться с тем, что объективно существующая потребность в обеспечении разновекторных интересов различных участников процесса, которые относятся к противоборствующим сторонам защиты и обвинения, требует проверки со стороны независимых судебных органов с точки зрения законности и обоснованности процессуальных действий государственно-властных субъектов уголовного процесса [7, с. 177].

Верховенство права, не отменяя широкой дискреции при осуществлении властных полномочий, все же предполагает наличие критериев и средств, способных обеспечить эффективный контроль над их реализацией в государстве с позиции обеспечения формального равенства, содержательной и процедурной справедливости [8, с. 476]. Следовательно, требуется научное переосмысление проблемы одностороннего подхода к концептуальному вопросу о праве прокурора на решение судьбы уголовного дела [9, с. 235]. Кроме того отметим, что механизм, прописанный статьей 125 УПК РФ, имеет определенные ограничения при окончательной оценке доказательств судом [10, с. 46], обусловленные разграничением полномочий суда и должностного лица, чьи решения обжалуются [11, с. 32], но не предполагает неисполнение решений суда, тем более, в длительной по времени перспективе.

Как отмечал в своих ранее принятых решениях Конституционный суд РФ¹¹, суд при разрешении жалобы в соответствии с положениями, закрепленными в нормах статьи 125 УПК РФ, вправе указать в своем решении органу или процессуально уполномоченному должностному лицу на перечень конкретных нарушений, которые они совершили и, следовательно, – обязаны устранить. Невыполнение названной обязанности может повлечь

за собой не только обжалование связанных с этим действий (бездействия), но и послужить основанием для принятия соответствующих мер ответственности за неисполнение решения суда.

Если в законодательстве будет реализован такой проект, при котором, пусть и в экстраординарных стадиях, но все же возможно длительное, неоднократное неисполнение решения суда – в таком случае суть такой конституционной и процессуальной гарантии как судебная защита – будет попросту нивелирована, что, конечно же, недопустимо.

Вместе с тем, по нашему мнению, законодательное установление сроков проведения прокурором проверки, выводы по которой послужат для принятия решения о возобновлении производства либо об отказе в таком возобновлении, необходимо в целях установления правовой определенности, реализации принципов законности, разумного срока уголовного судопроизводства, соблюдения права лиц на обжалование.

Учитывая вышеизложенное, в целях приведения норм УПК РФ в соответствие с их конституционным пониманием и устранения имеющихся правовых пробелов, предлагаем внести изменения в главу 49 УПК РФ.

1. Статью 413 «Основания возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств» дополнить частью 6 следующего содержания:

«Наличие обстоятельств, указанных в части третьей, а также в пункте третьей части четвертой настоящей статьи, может быть установлено помимо прокурора также и судом по результатам рассмотрения жалобы заинтересованного лица, поданной в порядке, установленном частями пятой, шестой статьи 416 настоящего Кодекса.»

Часть четвертую статьи 414 «Сроки возобновления производства» дополнить пунктом 5 следующего содержания:

«день вступления в законную силу решения суда, вынесенного по итогам рассмотрения жалобы, указанной в пункте втором части 3 статьи 416 настоящего Кодекса – в случаях, указанных в части третьей статьи и пункта 3 части четвертой статьи 413 настоящего Кодекса».

¹¹ По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Ченского: Постановление Конституционного суда РФ от 21.11.2017 № 30-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 49. Ст. 7528.

2. Часть третью статьи 415 «Возбуждение производства» дополнить словами: «в течение одного месяца со дня установления повода, указанного в части второй настоящей статьи», а часть четвертую этой статьи изложить в следующей редакции:

«Если в сообщении имеется ссылка на наличие обстоятельств, указанных в пунктах 2.1 и 3 части четвертой статьи 413 настоящего Кодекса, то прокурор *в течение трех суток* выносит постановление о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств и направляет соответствующие материалы руководителю следственного органа для производства расследования этих обстоятельств и решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства. При расследовании новых обстоятельств могут производиться следственные и иные процессуальные действия в порядке *и сроках*, установленных настоящим Кодексом».

3. Статью 416 «Действия прокурора по окончании проверки или расследования» дополнить частями со следующим содержанием:

«Постановление прокурора доводится до сведения заинтересованных лиц в течение трех суток со дня его вынесения с разъяснением права обжалования».

4. Решение прокурора может быть обжаловано:

1) об отказе в возбуждении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, о возбуждении такого производства заявитель и иные заинтересованные лица вправе обжаловать в суд в порядке, предусмотренном статьей 125 настоящего Кодекса;

2) о прекращении возбужденного прокурором производства после проведенной проверки вновь открывшихся обстоятельств или расследования новых обстоятельств или бездействии прокурора по подготовке заключения о пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам – в суд, правомочный решать вопрос о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в соответствии со статьей 417 настоящего Кодекса в порядке, предусмотренном частями пятой и шестой настоящей статьи.

5. Жалоба заинтересованных лиц на решение прокурора, указанное в пункте 2 части третьей настоящей статьи, рассматривается в судебном заседании в порядке, установленном статьей 401.13 настоящего Кодекса с особенностями, установленными частью 6 настоящей статьи.

6. При рассмотрении жалобы судья проверяет законность и обоснованность данного решения прокурора, а также на основании доводов, изложенных в жалобе, полноту, всесторонность, объективность и своевременность проведенной прокурором проверки с исследованием и оценкой фактических обстоятельств, установленных в результате расследования или проверки.

По запросу суда, в том числе в случае необходимости установления обстоятельств, указанных в части 6 статьи 413 настоящего Кодекса и решения вопроса о том, есть ли среди материалов (сведений, доказательств) такие, которые свидетельствуют о новых для уголовного дела обстоятельствах, и достаточны ли они, чтобы судить о наличии фундаментальной ошибки как основания для пересмотра вступившего в законную силу приговора, прокурор обязан предоставить суду информацию о содержании (включая полученные материалы, сведения, доказательства) и мотивированных итогах прокурорской проверки или расследования.

Лицам, подавшим жалобу, по их ходатайству судом предоставляется возможность ознакомиться с материалами, на основании которых прокурором по результатам проведенной проверки или расследования принято решение.

По результатам рассмотрения жалобы, указанной в пункте 2 части третьей настоящей статьи, судья выносит постановление, содержащее одно из следующих решений:

1) об удовлетворении жалобы и о признании незаконным постановления о прекращении возбужденного прокурором производства после проведенной проверки вновь открывшихся обстоятельств или расследования новых обстоятельств либо бездействии прокурора по подготовке заключения о пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам, и принятии одного из решений, указанных в пунктах 1, 2 статьи 418 настоящего Кодекса;

2) об оставлении жалобы без удовлетворения.

При принятии решения, указанного в пункте 1 части четвертой настоящей статьи, суд вправе указать на установление в судебном заседании обстоятельств, предусмотренных частью шестой статьи 413 настоящего Кодекса, в случае если материалы проведенной проверки или расследования, в том числе истребованные судом, содержат, по мнению суда, достаточные сведения, свидетельствующие о наличии обстоятельств, повлекших за собой постановление судебного акта, содержащего фундаментальную судебную ошибку, притом что по объективным причинам невозможны акты суда или следствия (дознания), указанные в частях третьей и пятой его статьи 413, при условии, что иницируемый пересмотр уголовного дела направлен на улучшение правового положения осужденного».

Заключение

Подводя итог, отметим, что **научная новизна** проделанной работы состоит в разрешении выявленных проблем института возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. **Теоретическая значимость исследования** обусловлена тем, что полученные при его проведении новые научные выводы и практические рекомендации по совершенствованию законодательства могут способствовать как более глубокому пони-

манию сущности исследуемого института, так и определению новых направлений и способов решения выявленных проблем; развитию теории уголовного процесса; расширению и актуализации научной базы, созданию перспектив для последующих научных исследований. **Практическая значимость исследования** заключается в том, что полученные авторами результаты открывают новые возможности для совершенствования правотворческой деятельности в исследуемой сфере правового регулирования. Сделанные авторами предложения по внесению изменений в законодательство позволят поднять на новый уровень защиту лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, что благотворно может сказаться на деятельности судей, работников органов прокуратуры, адвокатов. Настоящее исследование позволяет определить вектор **дальнейших научных поисков в данной области уголовно-процессуального права**, который следует направить на устранение неточностей в правовой базе института возобновления производства по уголовному делу. В частности, правомочие суда по возможности самостоятельного установления обстоятельств, которые могли бы стать законной причиной пересмотра приговора ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, логично вписать в процедуру по обжалованию решений прокурора заинтересованным в возбуждении производства лицом.

Список источников

1. Манова Н.С. Возобновление уголовного дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: достоинства и неудачи правовой регламентации // Государство и право. 2008. № 5. С. 107-109. <https://elibrary.ru/inmigr>
2. Арутюнян А.А., Брусницын Л.В., Васильев О.Л. и др. Курс уголовного процесса. М.: Изд-во МГУ, 2016. 666 с. <https://elibrary.ru/wdxudn>
3. Зайцева Е.А. Регламентация возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в России и Беларуси // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: С.-Петербург. ун-т Мин-ва внутр. дел Рос. Фед., 2023. С. 63-67. <https://elibrary.ru/tzpwdh>
4. Оксюк Т.Л. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств // Законность. 2007. № 10 (876). С. 6-11. <https://elibrary.ru/kxclrl>
5. Алексеева Т.М. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств: актуальные проблемы на примере конкретного дела // Уголовное судопроизводство. 2023. № 2. С. 33-37. <https://doi.org/10.18572/2072-4411-2023-2-33-37>, <https://elibrary.ru/fybehw>
6. Колоколов Н.А. Рецензия на монографию В.А. Давыдова «Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: теория и практика исправления судебных ошибок» // Российский судья. 2011. № 9. С. 27-29. <https://elibrary.ru/ojevin>

7. Качалова О.В., Хроменков И.Р. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Правосудие. 2023. Т. 5. № 1. С. 177-192. <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2023.1.177-192>, <https://elibrary.ru/ebvkyp>
8. Завгородняя А.А. Справедливое соотношение частных и публичных интересов и пропорциональность // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 471-483. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-471-483>, <https://elibrary.ru/viffud>
9. Чурикова А.Ю., Манова Н.С. Модель деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве как детерминанта правового нигилизма // Психология и право. 2022. Т. 12. № 4. С. 226-237. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120417>, <https://elibrary.ru/rjcsxu>
10. Бурмагин С.В. Особенности доказывания при рассмотрении судом жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 7. С. 42-48. <https://elibrary.ru/htomvf>
11. Россинский С.Б. О предмете и пределах обжалования в суде действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокуратуры // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 1 (71). С. 29-35. <https://doi.org/10.33184/pravgos-2023.1.5>, <https://elibrary.ru/algefn>

References

1. Manova N.S. (2008). Resumption of a criminal case due to new or newly discovered circumstances: advantages and failures of legal regulation. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 5, pp. 107-109. (In Russ.) <https://elibrary.ru/inmigr>
2. Arutyunyan A.A., Brusnitsyn L.V., Vasil'ev O.L. et al. (2016). *Kurs ugolovnogo protsessa* [Course in Criminal Procedure]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 666 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wdxudn>
3. Zaytseva E.A. (2023). Reglamentatsiya vozobnovleniya proizvodstva po ugolovnomu delu vvidu novykh ili vnov' otkryvshikhsya obstoyatel'stv v Rossii i Belarusi [Regulations for the resumption of criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances in Russia and Belarus]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossii i zarubezhnykh gosudarstv: problemy i perspektivy razvitiya»* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Criminal Justice in Russia and Foreign Countries: Problems and Development Prospects"]. St. Petersburg, Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia Publ., pp. 63-67. <https://elibrary.ru/tzpwldh>
4. Oksyuk T.L. (2007). Resumption of criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances. *Zakonnost = Legality*, no. 10, pp. 6-11. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kxclrl>
5. Alekseeva T.M. (2023) Reopening of criminal case proceedings based on new and newly discovered circumstances: relevant problems on the example of a specific case. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Proceedings*, no. 2, pp. 33-37. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/2072-4411-2023-2-33-37>, <https://elibrary.ru/fybehw>
6. Kolokolov N.A. (2011). Retsenziya na monografiyu V.A. Davydova «Vozobnovlenie ugolovnogo sudoproizvodstva vvidu novykh ili vnov' otkryvshikhsya obstoyatel'stv: teoriya i praktika ispravleniya sudebnykh oshibok» [Review of the monograph by V.A. Davydov "Resumption of criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances: theory and practice of correcting judicial errors"]. *Rossiyskiy sud'ya = Russian Judge*, no. 9, pp. 27-29. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ojevin>
7. Kachalova O.V., Khromenkov I.R. (2023). Provision by the court of legal interests in the pre-trial stages of criminal proceedings. *Pravosudie = Justice*, vol. 5, no. 1, pp. 177-192. (In Russ.) <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2023.1.177-192>, <https://elibrary.ru/ebvkyp>
8. Zavgorodnyaya A.A. (2023). Fair ratio of private and public interests and proportionality. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 471-483. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-471-483>, <https://elibrary.ru/viffud>
9. Churikova A.Yu., Manova N.S. (2022). The model of the prosecutor's activity in criminal proceedings as a determinant of legal nihilism. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, vol. 12, no. 4, pp. 226-237. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120417>, <https://elibrary.ru/rjcsxu>
10. Burmagin S.V. (2023). Features of evidence during the court's consideration of complaints against the actions and decisions of officials conducting pre-trial proceedings in a criminal case. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], no. 7, pp. 42-48. (In Russ.) <https://elibrary.ru/htomvf>

11. Rossinskiy S.B. (2023). On the subject and limits of appeals to a court against actions (inactions) and decisions of the bodies of preliminary investigation and prosecution. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, no. 1 (71), pp. 29-35. (In Russ.) <https://doi.org/10.33184/pravgos-2023.1.5>, <https://elibrary.ru/algefn>

Поступила в редакцию / Received 12.01.2024

Поступила после рецензирования / Revised 01.03.2024

Принята к публикации / Accepted 18.03.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

В выпуске журнала «Актуальные проблемы государства и права» том 7, № 4 за 2023 год неправильно указаны имя и отчество у Мавлихановой Р.В.: в сведениях об авторе указано "Роза Велиевна", в разделе для цитирования инициалы "И.С."

Правильное имя автора: Мавлиханова Роза Вялиевна.

Редакция приносит свои извинения за допущенные по техническим причинам ошибки и доставленные неудобства.

In the issue of the journal "Current Issues of the State and Law" 2023, vol. 7, no. 4 the name and patronymic of Mavlikhanova R.V. are incorrectly indicated: in the information about the author it is indicated "Rosa Velievna", in the section for citation the initials "I.S."

Correct name of the author: Mavlikhanova Roza Vyalievna.

The Editorial Board apologizes for the mistakes made due to technical reasons and the inconvenience caused.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ NATIONAL SECURITY

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.3

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-140-148>

Шифр научной специальности 5.1.1, 5.1.4

Общетеоретические и межотраслевые проблемы противодействия коррупции: современное состояние

© **ПОПОВА Надежда Анатольевна,**

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0001-6502-7915>, nad-popova-62@mail.ru

Аннотация

Коррупция представляет собой одну из основных угроз национальной политики Российской Федерации, препятствующей социально-экономическому развитию, эффективному функционированию органов публичной власти и становлению гражданского общества. Противодействие коррупции должно осуществляться в результате системного подхода, направленного как на выявление правонарушений, так и на устранение причин их возникновения. Исследованы основные положения национального законодательства, направленного на борьбу с рассматриваемым социально-правовым явлением, а также нормы, закрепленные в международных правовых актах. Сделан вывод о том, что российское законодательство, направленное на противодействие коррупционной деятельности, представляет собой межотраслевой институт, вследствие чего его основу составляют нормы различных отраслей права, в частности, уголовного, административного, гражданского и иных. Одной из особенностей противодействия коррупции в Российской Федерации является использование наиболее жестких мер репрессивного характера, что выражается в правовой формализации и нормативизации. Выделены тенденции по ужесточению мер уголовных и административно-правовых средств, санкций за нарушение ограничений и запретов, а также по усилению контроля за проводимой антикоррупционной деятельностью. В результате сравнительно-правового анализа отмечено, что противодействие коррупции в Российской Федерации осуществляется посредством закрепленных в уголовном и административном законодательстве императивных норм, что обусловлено сложной коррупционной обстановкой в государстве.

Ключевые слова

коррупция, противодействие коррупции, борьба с коррупцией, государственная антикоррупционная политика, антикоррупционное законодательство

Для цитирования

Попова Н.А. Общетеоретические и межотраслевые проблемы противодействия коррупции: современное состояние // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1. С. 140-148. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-140-148>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-140-148>

General theoretical and cross-sectoral issues of anti-corruption: current state

© Nadezhda A. POPOVA,

PhD (Law), Associate Professor of Criminal Law and Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-6502-7915>, nad-popova-62@mail.ru

Abstract

Corruption is one of the main threats to the national policy of the Russian Federation, impeding socio-economic development, the effective functioning of public authorities and the formation of civil society. Corruption control should be carried out as a result of a systematic approach aimed both at identifying offenses and eliminating the causes of their occurrence. The main provisions of national legislation aimed at combating the socio-legal phenomenon under consideration, as well as the norms enshrined in international legal acts, are studied. It is concluded that the Russian legislation aimed at countering corruption activities is an interdisciplinary institution, as a result of which it is based on the norms of various branches of law, in particular, criminal, administrative, civil and others. One of the features of countering corruption in the Russian Federation is the use of the most stringent repressive measures, which is expressed in legal formalization and standardization. The trends in tightening measures of criminal and administrative legal means, sanctions for violation of restrictions and prohibitions, as well as strengthening control over ongoing anti-corruption activities are highlighted. As a result of the comparative legal analysis, it is noted that the corruption control in the Russian Federation is carried out through mandatory norms enshrined in criminal and administrative legislation, which is due to the complex corruption situation in the state.

Keywords

corruption, corruption control, combatting corruption, state anti-corruption policy, anti-corruption legislation

For citation

Popova, N.A. (2024). General theoretical and cross-sectoral issues of anti-corruption: current state. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1, pp. 140-148 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-140-148>

Введение

На современном этапе развития такое социально-правовое явление, как коррупция, заключающееся в дестабилизации общественных отношений, представляет собой серьезную угрозу для безопасности человека, общества и государства. В Российской Федерации коррупционная деятельность является существенной проблемой, затрагивающей эффективное функционирование государственной и муниципальной власти, правоохранительных органов, а также систем здравоохранения, образования, бизнеса и иных сфер жизнедеятельности общества.

В условиях динамичной трансформации общественной жизни и постоянного развития политического процесса коррупция приобретает все большее негативное значение, распространяясь на такие сферы, как политика, экономика, культура. Так, современная коррупция развивается под влиянием таких факторов, как формирование глобальных рынков товаров и услуг, внедрение новых информационных технологий и др.

Коррупция оказывает отрицательное влияние на всю систему государственного управления, на функционирование органов публичной власти, снижает эффективность

осуществления ими служебных полномочий, а также подрывает доверие представителей гражданского общества к должностным лицам, разрушает демократические устои, и, как следствие, создает неопределимую угрозу национальной безопасности государства. Таким образом, общественная опасность коррупционной деятельности, а также ее влияние на большинство сфер общественной жизни становится поводом совершенствования законодательства, основных направлений государственной политики, а также применяемых антикоррупционных мер.

Отметим, что коррупция, представляющая собой общественную опасность, становится определенной характеристикой институтов государственного управления, а также преградой на пути к экономическому развитию и повышению конкурентоспособности государства [1, с. 145].

В последние годы межотраслевые аспекты изучения коррупции получили широкий отклик в научной литературе [2–8], однако вне поля зрения остаются вопросы общетеоретического характера, определяющие основу взаимосвязи отраслевых отношений, связанных с проявлением коррупции и ее противодействием.

Результаты исследования

Согласно Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹ под коррупцией понимается незаконное использование должностного положения вопреки интересам личности, общества, государства. При определении понятия в законе перечислены примерные противоправные деяния, способные негативно повлиять на функционирование государственного органа.

Однако в коррупционных отношениях всегда участвуют как минимум две стороны: государственные и муниципальные служащие, осуществляющие коррупционную деятельность, и коммерческие или некоммерческие организации, а также отдельные лица, заинтересованные в решении личных вопросов [9, с. 109]. Таким образом, антикоррупционная политика государства должна быть на-

правлена на всех субъектов данных отношений, включая, в том числе, частный сектор.

На сегодняшний день в условиях глобализации коррупция становится транснациональным явлением, приобретающим международный характер и оказывающим влияние на взаимодействие государств, создавая угрозу мировому развитию. Так, международное сообщество, признавая деструктивную функцию коррупции, отмечает, что данное явление представляет собой мировую системную проблему, касающуюся всего человечества и угрожающую национальным системам.

В результате глобальности проблемы, влияющей на социально-экономическое развитие, на международном уровне в 2003 г. была принята Конвенция ООН против коррупции², ратифицированная, в том числе, Российской Федерацией. Данный нормативный акт обязал государства объявить уголовными преступлениями такие деяния, как получение взятки, хищение бюджетных средств и отмывание доходов, полученных незаконным путем. Большинство положений Конвенции были приняты во внимание законодателями Российской Федерации.

На наш взгляд, борьба с коррупционной деятельностью в российском государстве должна осуществляться по нескольким направлениям с целью наиболее эффективного противодействия, поскольку в последние годы наблюдается увеличение количества противоправных деяний в данной сфере. Так, противодействие коррупции должно осуществляться путем проведения мероприятий правового, экономического, организационного характера, направленных не только на выявление, но и на предотвращение и устранение причин возникновения [10, с. 42].

Законодательство Российской Федерации, основываясь, в том числе, на международном опыте, имеет внушительную нормативно-правовую базу регулирования сферы по противодействию коррупции. Законодательство о борьбе с коррупцией составляет десятки федеральных законов и подзаконных актов Президента РФ и Правительства РФ. По-

¹ О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

² Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 26. Ст. 2780.

мимо этого существует законодательное закрепление в рамках субъектов Российской Федерации, что подчеркивает ориентированность государственной власти на преодоление рассматриваемого отрицательного феномена.

Нормативную основу составляет упомянутый ранее Федеральный закон «О противодействии коррупции», закрепляющий основные принципы и организационно-правовые основы борьбы и предупреждения данного противоправного деяния. В частности, в Законе предложена система антикоррупционных мер, охватывающих все сферы общественной жизни, подверженные влиянию коррупции. Рассматриваемый антикоррупционный закон, взаимодействуя с иными правовыми механизмами, обеспечивает качественную борьбу с коррупционными нарушениями посредством деятельности специально уполномоченных государственных органов, а также контролирующих структур и общественных объединений. Значение нормативного правового акта подчеркивает В.А. Коновалов, отмечая, что «в случае реализации всех установленных рамочных норм коррупционная ситуация в стране может существенно измениться» [11, с. 80].

В силу рассматриваемого закона приходим к выводу о том, что сфера противодействия коррупции носит межотраслевой характер, вследствие чего не может ограничиваться одним направлением российского права. Таким образом, коррупционная деятельность регулируется, в том числе, нормами отраслевых законодательных актов.

Помимо этого, ныне действует Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 гг.³, который затронул вопросы административного и уголовно наказанного за осуществление коррупционной деятельности, противодействия коррупции в государственном и частном секторе экономики, а также вовлечения представителей гражданского общества в антикоррупционную борьбу. Также в План включены меры по совершенствованию ограничительных и запрещающих мер, в том числе направленных на предотвращение конфликта интересов.

³ О национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы: Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 34. Ст. 6170.

На сегодняшний день в законодательстве, регулирующем сферу противодействия коррупционной деятельности, наблюдаются тенденции по ужесточению мер административно-правовых средств, санкций за нарушение ограничений и запретов, а также по усилению контроля за проводимой антикоррупционной деятельностью.

Тем не менее, политика по противодействию коррупционной деятельности согласно законодательству, помимо привлечения к ответственности, одной из основных целей видит формирование системы правовых, экономических, воспитательных, организационных мер, направленных на предупреждение данного вида нарушения.

Российское законодательство, направленное на противодействие коррупционной деятельности, представляет собой межотраслевой институт, вследствие чего его основу составляют нормы различных отраслей права, в частности, уголовного, административного, гражданского и иных.

В силу социально-правовой сущности коррупционной деятельности, а также недостаточной формальной определенности данного феномена, понятие «коррупция» нецелесообразно закреплять исключительно в уголовном или ином отраслевом законодательстве. Так, в научной литературе отмечается, что в зависимости от вида юридической ответственности нарушения коррупционного законодательства подразделяются на коррупционные преступления и на иные коррупционные правонарушения (административные правонарушения, коррупционные гражданско-правовые сделки, а также дисциплинарные проступки) [12, с. 98].

В результате многоаспектности рассматриваемого социально-правового явления проведем сравнительно-правовой анализ положений, закрепленных в отраслевых законодательных актах.

Противоправное коррупционное деяние является, в первую очередь, основанием привлечения к уголовной ответственности согласно нормам, закрепленным в Уголовном кодексе Российской Федерации⁴. В частно-

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

сти, обратим внимание на статьи 285 и 286 (злоупотребление и превышение должностных полномочий), статью 290 (получение взятки) и статью 291 (дача взятки), статью 201 (злоупотребление полномочиями), статью 204 (коммерческий подкуп) и др.

Вместе с этим к коррупционным преступлениям, согласно уголовному законодательству, относятся также деяния, прямо не относящиеся к коррупции, но способствующие совершению преступлений коррупционной направленности должностным лицом государственного или муниципального органа власти. Данный вид нарушения связан, в первую очередь, с подготовкой и созданием условий для получения должностным лицом взятки и регулируется нормами статьи 304 УК РФ.

Одним из самых распространенных, а в результате этого опасных преступных деяний на сегодняшний день является взяточничество. На наш взгляд, данный вид нарушения посягает на основы государственной власти, дестабилизирует управленческую функцию государственных и муниципальных органов, а также деформирует правосознание граждан, поскольку подрывает доверие к системе государственного управления. При этом дача или получение взятки является не только основанием уголовной ответственности, но и административной. Так, по мнению Е.В. Марьиной, «с учетом исторических, криминологических и социально-правовых оснований уголовно-правового запрета в сфере властных правоотношений, взятку следует считать самостоятельным видом преступления, смежного с административным коррупционным правонарушением» [13, с. 8].

Проанализировав положения Уголовного кодекса, выделим основные виды наказаний, предусмотренных за совершение коррупционных преступлений: штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные и исправительные работы, а также ограничение и лишение свободы на срок, зависящий от степени тяжести совершенного противоправного деяния.

Считаем необходимым при рассмотрении данного вопроса обратиться к самому понятию «коррупционное преступление». По мнению М.Н. Кулаковой, коррупционное пре-

ступление представляет собой предусмотренное уголовным законодательством общественно опасное деяние, содержащее признаки коррупционной деятельности, сопряженное с противоправным применением лицом должностного положения с целью личного обогащения, повлекшее значительные нарушения прав и интересов граждан и организаций [14, с. 180]. Конкретный список коррупционных преступлений сформулирован в Перечне преступлений коррупционной направленности, утвержденном указанием Генеральной Прокуратуры РФ и МВД России⁵.

Исходя из положений законодательного закрепления и доктринальных подходов, выделим следующие признаки коррупции как уголовного преступления:

- содержит все элементы состава преступления коррупционной направленности, предусмотренные статьей 14 УК РФ;
- совершено лицом или при его участии, имеющее должностное положение и соответствующие полномочия;
- совершено с целью противоправного получения личной выгоды в ущерб общественным интересам;
- совершение коррупционного преступления, как правило, предопределено возникновением конфликта интересов [15, с. 366].

Подводя промежуточный итог, отметим, что уголовная ответственность на современном этапе противодействия с коррупцией в Российской Федерации является основным способом борьбы с рассматриваемым видом нарушений. В частности, это подтверждается значительным количеством правовых норм, закрепленных в уголовном законодательстве, которые направлены на пресечение коррупционной преступности.

В рамках межотраслевого характера противодействия коррупционной деятельности выделим закрепленные законодателем меры административного наказания, осуществляемые на принципах качественной борьбы органов публичной власти и гражданского об-

⁵ Перечень преступлений коррупционной направленности, утвержденный указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 30.06.2022 № 361/11/1. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/combating-corruption/library/zakon/ord?item=78655071> (дата обращения: 28.09.2023).

щества с данным явлением и выявления факторов, являющихся основанием возникновения коррупционной ситуации.

В целом, определение понятия «административное коррупционное правонарушение» к сегодняшнему дню не сложилось ни в законодательстве, ни в научной литературе. Обобщая различные подходы, определим административное правонарушение в сфере коррупционной деятельности как противоправное деяние физического или юридического лица, обладающее признаками коррупции, ответственность за которое установлено в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях⁶ (далее – КоАП РФ).

Выделим основные признаки, характерные для административного коррупционного правонарушения:

- содержит признаки коррупционной деятельности;
- субъектом является лицо, имеющее соответствующий статус;
- за данное деяние законом не установлена иная юридическая ответственность, за исключением административной [12, с. 99].

Согласно КоАП РФ основанием привлечения к административной ответственности является достаточно широкий перечень, отличающийся меньшей степенью общественной опасности, в отличие от уголовной. Приведем некоторые из них:

- подкуп избирателей (статья 5.16 КоАП РФ);
- нецелевое использование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов (статья 15.14 КоАП РФ);
- нарушение сроков предоставления налоговой декларации (статья 15.5 КоАП РФ) и иные.

Тем не менее, нормы, направленные на предотвращение исключительно коррупционных правонарушений, содержатся в статье 19.28 «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица» и в статье 19.29 «Незаконное привлечение к трудовой деятельности государственного или муниципального служащего». Так, согласно статье 19.28 КоАП

РФ основанием административной ответственности являются правонарушения, совершенные от имени или в интересах юридического лица, связанные с незаконным материальным обогащением должностного лица за совершение им соответствующих действий. В данном случае к административной ответственности привлекается указанное юридическое лицо.

Рассматривая административно-правовой механизм противодействия коррупции, следует обратить внимание на Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁷ (далее ФЗ № 79-ФЗ), который определяет основные права и обязанности государственных служащих, а также устанавливает ограничения и запреты при исполнении ими должностных полномочий. Так, согласно статье 19 личная заинтересованность государственных гражданских служащих, которая приводит к возникновению конфликта интересов, подлежит обязательному предотвращению с целью сохранения прав и свобод граждан, общества, государства.

Обратим внимание на статью 20 ФЗ № 79-ФЗ, в соответствии с которой в целях противодействия коррупционной деятельности государственные гражданские служащие, а также претенденты на соответствующие должности должны в обязательном порядке предоставлять сведения о своих доходах и расходах, а также об имуществе и обязательствах имущественного характера. На наш взгляд, данная мера способна предотвратить рост коррупционных правонарушений и преступлений, поскольку ограничивает должностных лиц в свободном обороте предметов материального характера.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что законодательство об административных коррупционных правонарушениях находится на этапе развития, поскольку причисление большинства статей КоАП РФ к мерам антикоррупционного противодействия является условным. Проводя сравнительно-правовой анализ уголовной и административной ответственности, приходим к выводу о том, что уго-

⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

⁷ О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.

ловное законодательство в большей степени направлено на устранение последствий коррупционных преступлений, административная – на их предотвращение.

Еще одним видом коррупционной деятельности на современном этапе является коррупционные гражданско-правовые отношения. Таким образом, участие гражданского общества в осуществлении антикоррупционной деятельности представляется наиболее актуальным.

Как отмечают С.Е. Воробьев и Е.Л. Глушков, «суть коррупции с позиций гражданского права состоит в возникновении у лица гражданских прав из незаконных оснований: вследствие причинения вреда в результате неосновательного обогащения должностного лица» [16, с. 7].

Согласно статье 575 Гражданского кодекса Российской Федерации⁸ должностным лицам не допускается дарение подарков, стоимость которых превышает три тысячи рублей. Однако данный запрет не распространяется на случаи дарения в связи с протокольными или иными официальными мероприятиями. Кроме того, к гражданско-правовым коррупционным деликтам можно отнести нарушения, предусмотренные главой 39 ГК РФ «Возмездное оказание услуг».

Основу гражданско-правовой ответственности составляют положения Гражданского кодекса РФ, в частности, глава 59 «Обязательства вследствие причинения вреда» и глава 60 «Обязательства вследствие неосновательного обогащения». Гражданско-правовая ответственность согласно нормам статьи 1069 за рассматриваемое деяние предполагает, что вред, причиненный гражданину или его имуществу в результате коррупционного преступления или правонарушения, подлежит обязательному возмещению в полном объеме.

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

Также акцентируем внимание на том, что сделки, совершенные с нарушением антикоррупционного законодательства, признаются судом в обязательном порядке недействительными. Акты, совершенные в результате коррупционной деятельности, подлежат аннулированию уполномоченным на то органом либо решением суда по заявлению физического или юридического лица.

Тем не менее, на сегодняшний день привлечение к гражданско-правовой ответственности за коррупционную деятельность не является распространенным явлением, поскольку противодействие коррупции в Российской Федерации осуществляется посредством закрепленных в уголовном и административном законодательстве императивных норм. Во многом это обусловлено сложной коррупционной обстановкой в стране, которая требует жестких мер реагирования.

Заключение

Одной из особенностей противодействия коррупции в Российской Федерации является использование наиболее жестких мер репрессивного характера, что выражается в правовой формализации и нормативизации. На наш взгляд, данный процесс является достаточно закономерным, поскольку в условиях сложной коррупционной ситуации государственная политика направлена на максимальное сдерживание коррупционной деятельности.

Анализ уголовного, административного и гражданского законодательства позволяет прийти к выводу о межотраслевом характере рассматриваемого социально-правового явления. По нашему мнению, это обусловлено необходимостью борьбы с коррупцией, вне зависимости от степени тяжести данного нарушения и наступивших последствий.

В целом отметим, что антикоррупционная политика в Российской Федерации строится на системном подходе правотворческой и правоприменительной деятельности, предполагающего упорядочение законодательства, относящегося к ведущим отраслям российского права.

Список источников

1. Двойменный И.А. Основные аспекты антикоррупционной политики в России на современном этапе // Регион: системы, экономика, управление. 2020. № 2 (49). С. 144-150. <https://doi.org/10.22394/1997-4469-2020-49-2-144-150>, <https://elibrary.ru/snhbjje>
2. Кузнецова О.А. Использование мягкого права в сфере противодействия коррупции // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 504-514. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-504-514>, <https://elibrary.ru/crqleg>
3. Холиков И.В., Холикова А.И. Парламентское расследование как инструмент противодействия коррупции и злоупотребления власти // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 551-557. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-551-557>, <https://elibrary.ru/ujlers>
4. Плотникова Т.В., Парамонов А.В. Особенности некоторых мер по противодействию коррупции в России в рамках безопасности общества и государства // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 541-147. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2020-4-16-541-547>, <https://elibrary.ru/xhnyce>
5. Орлов П.П. Предупреждение коррупции в сфере земельно-строительных отношений, криминологический аспект // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 584-590. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-584-590>, <https://elibrary.ru/ivvhqo>
6. Бурцев А.С., Семенякин В.С. Развитие современного российского уголовного антикоррупционного законодательства // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 8. С. 21-29. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2018-2-8-21-29>, <https://elibrary.ru/volrot>
7. Воробьева С.В. Экономическая безопасность Российской Федерации в свете криминализации экономических отношений // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 249-262. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-249-262>, <https://elibrary.ru/rpuyfb>
8. Козодаева О.Н., Михина Е.Г. Коррупционные преступления в сфере здравоохранения: анализ и практика // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 567-575. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-567-575>, <https://elibrary.ru/hphmpc>
9. Гармаев Ю.П., Иванов Э.А., Маркунцов С.А. О формировании антикоррупционного комплаенса в Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 106-128. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.4.106.12>, <https://elibrary.ru/sptifj>
10. Александрова Л.И. К вопросу о коррупции в России // Современная наука. 2022. № 1. С. 40-43. <https://elibrary.ru/gslmxa>
11. Коновалов В.А. Эволюция правового противодействия коррупции в России // Перспективы науки. 2013. № 5 (44). С. 79-82. <https://elibrary.ru/rbhdid>
12. Алферов С.Н. Административные коррупционные правонарушения: понятие и особенности ответственности за их совершение // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. № 3. С. 95-101. <https://elibrary.ru/comdpp>
13. Марьина Е.В. Коррупционные преступления: отраслевое и межотраслевое согласование норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. 24 с. <https://elibrary.ru/zojdfx>
14. Кулакова М.Н. Понятие и критерии юридической оценки коррупционного преступления // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 176-181. <https://elibrary.ru/xtgvlv>
15. Верченко Н.И. К вопросу определения признаков коррупционного преступления // Вестник НГУЭУ. 2014. № 2. С. 364-370. <https://elibrary.ru/smfqrv>
16. Воробюхин С.Е., Глушков Е.Л. Гражданско-правовая ответственность за коррупционные правонарушения в Российской Федерации // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 4. С. 6-9. <https://elibrary.ru/vnlqjj>

References

1. Dvoimenny I.A. (2020). Basic aspects of anti-corruption policy in Russia at the present stage. *Region: sistemy, ehkonomika, upravlenie* = *Region: Systems, Economy, Management*, no. 2 (49), pp. 144-150. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1997-4469-2020-49-2-144-150>, <https://elibrary.ru/snhbjje>
2. Kuznetsova O.A. (2023). The use of soft law in anti-corruption field. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 504-514. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-504-514>, <https://elibrary.ru/crqleg>
3. Kholikov I.V., Kholikova A.I. (2023). Parliamentary investigation as a tool of counter corruption and power abuse. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 551-557. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-551-557>, <https://elibrary.ru/ujlers>

4. Plotnikova T.V., Paramonov A.V. (2020). Specifics of some anti-corruption measures in Russia within the framework of public and state security. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 4, no. 16, pp. 541-147. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2020-4-16-541-547>, <https://elibrary.ru/xhnyce>
5. Orlov P.P. (2022). Prevention of corruption in the field of land and construction relations, criminological aspect. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 6, no. 4, pp. 584-590. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-584-590>, <https://elibrary.ru/ivvhqo>
6. Burtsev A.S., Semenyakin V.S. (2018). The development of modern Russian criminal anti-corruption legislation. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 2, no. 8, pp. 21-29. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2018-2-8-21-29>, <https://elibrary.ru/volrot>
7. Vorob'eva S.V. (2023). Economic security of the Russian Federation in the light of criminalization of economic relations. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 249-262. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-249-262>, <https://elibrary.ru/rpuyfb>
8. Kozodaeva O.N., Mikhina E.G. (2022). Corruption crimes in healthcare: analysis and practice. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 6, no. 4, pp. 567-575. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-567-575>, <https://elibrary.ru/hphmpc>
9. Garmaev Yu.P., Ivanov E.A., Markuntsov S.A. (2020). On the development of an interdisciplinary concept of anti-corruption compliance in the Russian Federation. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, no. 4, pp. 106-128. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.4.106.12>, <https://elibrary.ru/sptifj>
10. Aleksandrova L.I. (2022). To the question of corruption in Russia. *Sovremennaya nauka = Modern Science*, no. 1, pp. 40-43. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gslmxa>
11. Konovalov V.A. (2013). Evolution of legal counteraction against corruption in Russia. *Perspektivy nauki = Science Prospects*, no. 5 (44), pp. 79-82. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rbhdid>
12. Alferov S.N. (2022). Administrative corruption offenses: the concept and features of responsibility for their commitment. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, no. 3, pp. 95-101. (In Russ.) <https://elibrary.ru/comdpp>
13. Mar'ina E.V. (2010). *Korrupcionnye prestupleniya: otraslevoe i mezhotraslevoe soglasovanie norm: avto-ref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Corruption Crimes: Sectoral and Inter-Sectoral Harmonization of Norms. PhD (Law) diss. abstr.]. Samara, 24 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zojdfx>
14. Kulakova M.N. (2018). The concept and criteria of legal evaluation of corruption crime. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 2 (42), pp. 176-181. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2078-5356-2018-10028>, <https://elibrary.ru/xtgvlv>
15. Verchenko N.I. (2014). To the question of definition of signs of corruption crimes. *Vestnik NGUEU = Vestnik NSUEM*, no. 2, pp. 364-370. (In Russ.) <https://elibrary.ru/smfqrv>
16. Vorodyukhin S.E., Glushkov E.L. (2020). Civil legal liability for corruption offenses in Russian Federation. *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti = Problems of Law-Enforcement Activity*, no. 4, pp. 6-9. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vnlqjj>

Поступила в редакцию / Received 27.10.2023

Поступила после рецензирования / Revised 19.02.2024

Принята к публикации / Accepted 18.03.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)